

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК**  
**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ**  
**ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ**  
**И СТРАТЕГИИ РЕФОРМ**  
**В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ**

**СБОРНИК СТАТЕЙ, ОБЗОРОВ И РЕФЕРАТОВ**

МОСКВА 2003

ББК 66.3 (0)

П 50

Серия

*«Проблемы общественной трансформации  
в странах Восточной Европы и России»*

*Центр научно-информационных исследований  
глобальных и региональных проблем*

Ответственный редактор –  
канд. филос. наук *Л.Н.Шаншиева*

**П50** Политические лидеры и стратегии реформ в Восточной Европе: Сб. обзоров и реф. / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобальных и региональных проблем. Отв. ред. – Шаншиева Л.Н. – М., 2003. – 236 с. – (Сер.: Пробл. обществ. трансформации в странах Восточной Европы и России).  
ISBN5-248-00174-9

В сборнике представлены материалы, отражающие деятельность значимых политических фигур в странах Восточной Европы последнего десятилетия. Показаны различные модели власти, взаимосвязь между стилем политического руководства и темпами реформ в той или иной стране.

The book presents studies devoted to the most significant political figures of the last decade in the East European countries. They show various models of state authority and the way political leadership and the tempo of reforms are interconnected in these countries.

ББК 66.3 (0)

ISBN 5-248-00174-9

© ИНИОН РАН, 2003

## СОДЕРЖАНИЕ

|                    |   |
|--------------------|---|
| От редактора ..... | 5 |
|--------------------|---|

### I. Статьи и обзоры

|                                                                                                 |     |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| <i>В.А.Зорин.</i> Психологические профили политических лидеров России, Украины, Белоруссии..... | 7   |
| <i>Л.М.Светлорусова.</i> Георгий Пырванов — первый год президентства.....                       | 38  |
| <i>Л.С.Лыкошина.</i> Александр Квасневский — президент всех поляков.....                        | 44  |
| <i>Л.С.Лыкошина.</i> Лешек Бальцерович — «отец польских экономических реформ» .....             | 76  |
| <i>Т.Г.Биткова.</i> Политические лидеры и их роль в преобразовании румынского общества .....    | 111 |
| <i>Э.Г.Задорожнюк.</i> Политический портрет президента-драматурга Вацлава Гавела .....          | 130 |
| <i>Е.Ю.Гуськова.</i> Войслав Коштуница — последний президент Югославии .....                    | 169 |

### II. Рефераты

|                                                                                     |     |
|-------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| <i>С.Михайлов, Д.Димих.</i> Царь Симеон II .....                                    | 179 |
| <i>М.С.Фиш.</i> Конец «мечиаризма» .....                                            | 193 |
| <i>В.Клаус</i> Вместо автобиографии: События, определившие мой жизненный путь ..... | 205 |
| Болгарские СМИ на фоне реформ. (Сводный реферат).....                               | 212 |
| Четыре реформы. От концепции до реализации. (Реферативный обзор) .....              | 222 |

## ОТ РЕДАКТОРА

Данный сборник является продолжением серии публикаций ИНИОН по проблемам политической трансформации в странах Восточной Европы в конце XX в.

Первой обширной работой, посвященной началу перехода восточноевропейских стран от авторитарных систем правления к демократическим, был сборник «Восточная Европа на новом пути (хроника событий, документы, комментарии)». — М., 1994. — 237 с. Он и сегодня представляет интерес для исследователей, поскольку содержит редкие документальные источники начального периода трансформации: от решений о создании современных политических партий и гражданских инициатив до принятия новых законов по наиболее актуальным проблемам развития той или иной страны.

Вслед за этим специалистами Отдела Восточной Европы были подготовлены две коллективные монографии (в рамках исследовательских проектов, поддержанных РГНФ): 1) Становление многопартийности в Восточной Европе в 1990-е годы (по материалам Болгарии, Венгрии, Восточной Германии, Польши, России, Словакии и Чехии) / Отв. ред. — Игрицкий Ю.И. — М., ИНИОН, 1996. — 218 с.; 2) Политические элиты в Центральной и Восточной Европе (проблемы переходного периода) / Отв. ред. — Шаншиева Л.Н. — М., ИНИОН, 1998. — 168 с.

В фокусе внимания данного сборника находятся личности — фигуры политических лидеров, олицетворяющих перемены и реформы в посткоммунистических странах Европы. Одни из них более известны нашему читателю, информация о других носит весьма ограниченный ха-

ракти в российской прессе. Научно-информационные материалы данного издания восполняют в известной мере этот пробел знания о современных политиках восточноевропейских стран, их взглядах, биографиях, путях вхождения во власть.

В этой связи можно выделить условно три типа политических лидеров стран Восточной Европы конца XX в.: одни из них занимали значимые позиции в прежней, социалистической общественной системе, другие сформировались в ее недрах, но выступали в качестве оппозиции и сыграли определяющую роль в сломе этой системы, третьи заявили о себе и заняли властные позиции в условиях демократических реформ 90-х годов.

Разумеется, читателю более известны биографии, взгляды и деятельность российских политиков и политических лидеров стран СНГ. Но, как представляется, аспект политической психологии менее разработан в отечественной науке. Поэтому статья, которой открывается сборник, представляет интерес как с точки зрения теоретического вклада, так и конкретных результатов и выводов контент-анализа, предпринятого автором. Хотя предлагаемая методика составления политико-психологического профиля лидера не является, на наш взгляд, абсолютно бесспорной, но вместе с тем позволяет воссоздать достаточно объективную картину психологических качеств и свойств личности.

Кроме этого, раздел I сборника содержит аналитические материалы, посвященные представителям высшей политической элиты Болгарии, Польши, Румынии, Чехии, Югославии. Наиболее полное отражение здесь нашли политические взгляды и биографии А.Квасьневского, Л.Бальцеровича, В.Гавела, И.Илиеску. В разделе II представлена реферативная информация о царе Симеоне II, возглавившем последнее правительство Болгарии, о новом президенте Чехии В. Клаусе, победившем на выборах 2003 г., о влиянии политической трансформации на осуществление демократических реформ.

В целом авторы сборника попытались создать своеобразный «групповой политический портрет» восточноевропейских лидеров рубежа XX и XXI вв. Хочется надеяться, что сборник принесет пользу специалистам-страноведам и политологам в качестве источника-ведческой и научно-информационной основы для углубленного изучения политических процессов в Восточно-Европейском регионе.

# **I. СТАТЬИ И ОБЗОРЫ**

**В.А.Зорин**

## **ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОФИЛИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ РОССИИ, УКРАИНЫ, БЕЛОРУССИИ**

### **Введение**

Для политических систем этих стран характерно наличие сильной президентской власти. Путин в России, Кучма в Украине и Лукашенко в Белоруссии являются центральными фигурами в политическом пространстве. Положение и роль оппозиционных сил во многом определяются их отношением к политическому курсу, проводимому президентами. Представленный в статье анализ произведен с использованием общей методологии политической психологии, что дает возможность сравнения личностных особенностей изучаемых политиков.

Помимо президентов в выборку включены крупнейшие политики: в России — лидеры общенациональных партий (Явлинский, Немцов, Зюганов) и наиболее заметные государственные деятели (Касьянов, Чубайс); в Украине и Белоруссии — лидеры оппозиции, являющиеся потенциальными претендентами на президентство (Ющенко, Тимошенко, Мороз, Гончарик, Гайдукевич, Шушкевич).

В политической психологии существует множество методов, позволяющих составить профиль личности лидера. Среди методов дистантной оценки (то есть не требующих непосредственного контакта исследователя с объектом) особое место занимает контент-анализ. Он построен на изучении авторского текста как своего рода проекции личности, отражающей особенности его психологии. Сущность метода состоит

в выявлении в тексте некоторых смысловых единиц, описывающих личность в рамках определенной теории. Данная разновидность контент-анализа позволяет сочетать качественный и количественный подходы. Единицей анализа являются не слова, а образы. Методология качественного контент-анализа личности политического лидера разработана американским политическим психологом Д. Уинтером<sup>1</sup>, который использует данный метод для изучения мотивации политических лидеров. Уинтер дает следующее определение образа: «Это действие (прошедшее, настоящее, будущее или предполагаемое), желание, интерес или иное внутреннее состояние, которое автор приписывает себе, другим людям, группам, институтам или человечеству в целом».

## Описание переменных

В данном исследовании использовалась теория мотивации МакКлелланда и Аткинсона<sup>2</sup>. В ее основе лежит представление о том, что существуют три основных мотива: власти, достижения и аффилиации. Эти мотивы были взяты из разработанной Х. Мюрреем<sup>3</sup> широкой таксономии мотивов. МакКлелланд и Аткинсон разработали концепцию, которая интерпретировала эти мотивы как достаточные для характеристики сферы мотивации личности, и создали метод оценки текстов (они работали с используемым в клинической психологии тестом ТАТ – Thematic Apperception Test). Политический психолог Д. Уинтер и его коллеги применили эту теорию к анализу политических текстов и в своих работах показали возможности использования данной теории в политической науке<sup>4</sup>.

Итак, далее, в таблице 1, следует определение мотивов, которое дается Д. Уинтером в руководстве по работе с его системой. Описание

---

<sup>1</sup> Winter D.G., Stewart A.J. Content analysis as a technique for assessing political leaders // Psychological examination of political leaders / Ed. by Hermann M. – N.Y., 1977. – P. 28–62.

Winter D.G. Manual for scoring motive imagery in running text. – University of Michigan. 1994.

<sup>2</sup> Atkinson J, Feather N. A theory of achievement motivation. – N.Y., 1966.

McClelland D.C. The achieving society. – Princeton. 1961.

McClelland D.C. Power: the inner experience. – N.Y., 1975.

<sup>3</sup> Murray H.A. Explorations in personality. – N.Y., 1938.

<sup>4</sup> См.: Winter D.G., Hermann M., Weintraub W., Walker S.G. The personalities of Bush and Gorbachev measured at a distance: procedures, portraits, and policy // Polit. psychology – Boston; Oxford, 1991. – Vol. 12, N2. – P. 215–244.

каждого мотива состоит из ряда специфических текстовых ситуаций, которые тем или иным образом нарушают стилистическую норму текста. Фактически, именно эти ситуации трактуются как «образы» того или иного мотива в тексте. Для интерпретации данных важно соотношение мотивов в структуре аффективного компонента личности и степень развития отдельных мотивов в сравнении с мотивационными профилями других политиков.

**Таблица 1**

**Описание основных мотивов и критерии выявления в тексте  
связанных с ними образов**

| Описание мотива                                                               | Критерии выявления образов                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                            |
|-------------------------------------------------------------------------------|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| 1                                                                             | 2                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                     |
| Мотив достижения предполагает указание на некоторый «стандарт превосходства». | <ul style="list-style-type: none"> <li>— прилагательные, с помощью которых дается позитивная оценка деятельности (хороший, лучший, успешный, трудно-разрешимый);</li> <li>— цели деятельности, описанные таким образом, который предполагает их позитивную оценку (тяжелая работа, прогресс, экономический рост);</li> <li>— упоминание победы или соревнования с кем-либо;</li> <li>— неудача, плохое исполнение работы и любое другое указание на отсутствие желаемого превосходства в чем-либо;</li> <li>— некое уникальное достижение.</li> </ul> |

Продолжение табл. 1

| 1                                                                                                                                                                                                                                                                               | 2                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                       |
|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| <p>Мотив аффилиации связан с установлением, сохранением и возобновлением дружеских отношений между индивидами, группами, нациями и т.д.; простого указания на какое-либо взаимодействие недостаточно, аффилиация предполагает наличие в отношениях теплоты и дружелюбности.</p> | <ul style="list-style-type: none"> <li>– выражение позитивных, дружеских чувств в отношении других людей, наций и т.д. (дружба, любовь, свадьба, братство, союз);</li> <li>– сожаление или иное негативное чувство, вызванное расставанием и прекращением дружеских отношений и желанием их восстановить (грусть, одиночество);</li> <li>– действия и поступки, опирающиеся на взаимное понимание и поддержку, взаимодействие (мир, хорошие отношения);</li> <li>– действия, основанные на дружеской заботе и сочувствии.</li> </ul>                                                                                                                                                                                                                    |
| <p>Мотив власти предполагает указание на то, что лицо, группа, институт, страна, либо иной им подобный субъект оказывают воздействие или устанавливают контроль над другим лицом, институтом, группой или миром в целом.</p>                                                    | <ul style="list-style-type: none"> <li>– основанные на применении силы действия, которые по своей природе оказывают воздействие на других людей или мир в целом (атака, угроза, преследование, обвинение, требование и т.д.);</li> <li>– контроль и регулирование;</li> <li>– попытки оказывать влияние, убеждать, отстаивать свою точку зрения, спорить и т.д.;</li> <li>– оказание помощи, поддержки, стремление давать советы в ситуациях, когда это не востребовано другой стороной в явной форме;</li> <li>– стремление произвести впечатление на весь мир, упоминание или ориентация на славу, престиж, репутацию;</li> <li>– любая сильная эмоциональная (позитивная или негативная) реакция на действия другого лица, группы, нации.</li> </ul> |

Для характеристики когнитивных структур личности используется понятие «операциональный код», разработанное американскими учеными Н. Лейтесом<sup>5</sup>, О. Холсти<sup>6</sup>, А. Джорджем<sup>7</sup>, С. Уокером<sup>8</sup>. Операциональный код — это своего рода каркас, который лежит в основе политических событий, как их воспринимает, объясняет и представляет личность. Операциональный код личности характеризует свойственное ей общее восприятие политической реальности и состоит из ответов на следующие вопросы:

- какова природа политической жизни: гармония или противоборство?
- как нужно относиться к возможности добиться своих целей: с оптимизмом или с пессимизмом?
- что играет главную роль в истории: воля людей или случай?
- какие цели нужно ставить перед собой: глобальные и долгосрочные или конкретные и ограниченные?

Переменные, составляющие операциональный код, идеологически нейтральны, они не позволяют оценить когнитивные структуры личности в свете наиболее актуальной для современной политики дихотомии «демократия — авторитаризм». Поэтому в программу исследования были введены дополнительные переменные, отражающие отношение личности того или иного политика к основным демократическим ценностям. Эта система координат использовалась в работах Е.Б. Шестопал<sup>9</sup> для оцен-

---

<sup>5</sup> Leites N. Operational code of Politburo. — N.Y., 1951.

<sup>6</sup> Holsti O.R. The 'operational code' to study of political leaders: John Foster Dulles' philosophical and instrumental beliefs // Canadian j. of polit. science. — 1970. — N3.

<sup>7</sup> George A.L. The operational code: neglected approach to the study of politics and decision making // International studies quart. — 1968. — Vol. 13.

<sup>8</sup> Walker S.G. The motivational foundations of political belief system: a re-analysis of the operational code construct // International studies quart. — 1983. — Vol.27; Walker S.G., Schafer M. The political universe of Lyndon B. Johnson and his advisors: diagnostic and strategic propensities in their operational codes // Polit. psychology. — Boston; Oxford, 2000. — Vol.21, N.3 — P. 529–545.

<sup>9</sup> Шестопал Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х: Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. — М., 2000; Шестопал Е.Б.

ки принадлежности сознания респондентов к демократическому или авторитарному типам. Необходимо отметить, что недопустимо толковать данное представление о «демократическом» типе сознания в нормативном ключе. Напротив, данная трехфакторная концепция позволяет рассмотреть вариации демократических ориентаций и выработать более точное представление о специфике когнитивных ориентаций политических лидеров.

Контент-анализ позволяет оценить эту сторону когнитивного компонента личности с помощью трех независимых шкал, которые содержат два полюса оценки, первый из которых связан с ориентацией на демократические ценности, а второй является его противоположностью:

- антиэтатизм / этатизм;
- либерализм / эгалитаризм (свобода / равенство);
- космополитизм / этноцентризм (национализм).

В таблице 2 приведены все переменные, использованные для характеристики когнитивных структур российских политических лидеров, и даны критерии идентификации в текстовом массиве образов, связанных с этими переменными.

Таблица 2

**Когнитивный компонент личности: переменные и критерии**

| Название переменной | Критерии                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                               |
|---------------------|--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| 1                   | 2                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                      |
| Дружественный       | <ul style="list-style-type: none"> <li>— призыв к объединению позиций, стран, участников переговоров и т.д.;</li> <li>— выражение готовности к диалогу, уступкам, смягчению существующих противоречий;</li> <li>— приписывание своей стороне таких качеств, как дружелюбие, открытость, проявление позитивного отношения к другой стороне;</li> <li>— отказ от использования силовых методов решения проблем;</li> <li>— признание необходимости учитывать мнение «слабой» стороны;</li> <li>— ориентация на общественное мнение, забота о поддержании положительного образа своей стороны.</li> </ul> |
| Враждебный          | — упоминание каких-либо внутри- или внешнеполитических —                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                               |

|  |                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                             |
|--|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
|  | <p>конфликтов;</p> <ul style="list-style-type: none"> <li>– оценка положения какого-либо субъекта политического процесса в терминах его зависимости или неполноценности;</li> <li>– описание другой стороны в терминах военного противостояния;</li> <li>– указание на исходящую от другой стороны опасность;</li> <li>– угрозы.</li> </ul> |
|--|---------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|

Продолжение табл. 2

| 1            | 2                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                               |
|--------------|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| Оптимизм     | <ul style="list-style-type: none"> <li>– уверенность в достижении своей цели;</li> <li>– позитивная оценка своих планируемых достижений;</li> <li>– стремление к исправлению своих ошибок;</li> <li>– предсказание успеха своей стороны.</li> </ul>                                                                                                                                                                                                             |
| Пессимизм    | <ul style="list-style-type: none"> <li>– констатация безысходности и отсутствия позитивных перспектив своей деятельности;</li> <li>– выражение сомнения в достижении своей цели;</li> <li>– признание существования объективных трудностей;</li> <li>– оценка каких-либо перспектив в особо мрачных тонах, предсказание катастроф.</li> </ul>                                                                                                                   |
| Глобальный   | <ul style="list-style-type: none"> <li>– декларация идеологических принципов в качестве целей своей деятельности;</li> <li>– ориентация на достижение определенных макроэкономических показателей;</li> <li>– ориентация на общечеловеческие ценности;</li> </ul> <p>стремление к коренным преобразованиям в какой-либо сфере;</p> <ul style="list-style-type: none"> <li>– ориентация на создание условий и предпосылок для достижения своих целей.</li> </ul> |
| Ограниченный | <ul style="list-style-type: none"> <li>– конкретизация своих целей;</li> <li>– использование количественных данных для характеристики какой-либо проблемы или ситуации;</li> <li>– ссылка на конкретные документы или источники;</li> <li>– забота об организации механизмов и процедур работы различных институтов;</li> <li>– дробление крупных проблем на отдельные части, стадии и шаги их решения.</li> </ul>                                              |
| Воля         | <ul style="list-style-type: none"> <li>– чувство личной ответственности за что-либо;</li> <li>– признание возможности контролировать ход событий;</li> <li>– констатация прямой зависимости социальных перемен от кон-</li> </ul>                                                                                                                                                                                                                               |

|  |                                                                                                                                                                                                                                                                                                     |
|--|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
|  | <p>кретных решений;</p> <ul style="list-style-type: none"> <li>— использование наречий, обозначающих уверенность в достижении своих целей (конечно, несомненно и т.д.);</li> <li>— отказ от возможной помощи со стороны;</li> <li>— признание своей вины или ответственности за неудачи.</li> </ul> |
|--|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|

Продолжение табл. 2

| 1           | 2                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                              |
|-------------|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| Случай      | <ul style="list-style-type: none"> <li>— признание наличия факторов, ограничивающих возможность достижения целей;</li> <li>— отсылка к объективно существующим трудностям;</li> <li>— упоминание исторической необходимости как фактора политического процесса;</li> <li>— признание неизбежности ошибок;</li> <li>— признание наличия неконтролируемых факторов.</li> </ul>                                                                                                                   |
| Этатизм     | <ul style="list-style-type: none"> <li>— апелляция к основным этатистским ценностям (государство, армия, флот, закон, порядок и т.д.);</li> <li>— забота о состоянии и дееспособности государственного аппарата;</li> <li>— стремление к повышению эффективности государственных расходов;</li> <li>— забота о повышении профессионализма и престиже государственной службы.</li> </ul>                                                                                                        |
| Антиэтатизм | <ul style="list-style-type: none"> <li>— упоминание либеральных аспектов государственной политики (профессиональная армия, снижение налогов, борьба с бюрократизмом и т.д.);</li> <li>— отрицание авторитарных государственных ценностей (сильная власть, влиятельные правоохранительные органы и т.д.);</li> <li>— указание на ошибки, злоупотребления и неэффективность работы государственного аппарата;</li> <li>— критика централизации в какой-либо сфере общественной жизни.</li> </ul> |
| Равенство   | <ul style="list-style-type: none"> <li>— забота о благосостоянии граждан;</li> <li>— проявление внимания к социально неблагополучным слоям общества;</li> <li>— призыв к созданию равных условий в какой-либо сфере общественной жизни (например, в конкурентной борьбе экономических субъектов);</li> <li>— ориентация на социальную стабильность;</li> </ul>                                                                                                                                 |

|  |                                                    |
|--|----------------------------------------------------|
|  | — ориентация на поддержку широких слоев населения. |
|--|----------------------------------------------------|

Продолжение табл. 2

| 1             | 2                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                                               |
|---------------|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| Свобода       | <ul style="list-style-type: none"> <li>— поддержка отдельных принципов и направлений либеральной социальной политики (частная собственность, развитие предпринимательства, экономическая и гражданская свобода, правовое государство, свобода слова и независимость СМИ, привлечение иностранных инвестиций в экономику);</li> <li>— отрицание эгалитаристских социальных ценностей;</li> <li>— приоритет частных структур над государственными (в эффективности и перспективности).</li> </ul> |
| Этноцентризм  | <ul style="list-style-type: none"> <li>— признание исключительности и специфичности опыта своей страны;</li> <li>— ориентация на специфические интересы своей страны;</li> <li>— забота о территориальной целостности и сохранении суверенитета своей страны;</li> <li>— выражение сильного позитивного эмоционального чувства в отношении своей страны (например, любви, гордости и т.д.);</li> <li>— определение собственной идентичности в терминах национальной принадлежности.</li> </ul>  |
| Космополитизм | <ul style="list-style-type: none"> <li>— упоминания об участии в совместных международных акциях, проектах;</li> <li>— позитивная оценка достижений других стран;</li> <li>— призыв к оказанию помощи другим странам;</li> <li>— ориентация на изменение мирового порядка, политической ситуации в мире;</li> <li>— отрицание уникальности своей страны, идентификация в глобальных, общечеловеческих терминах.</li> </ul>                                                                      |

Использованные в исследовании тексты относятся к периоду 2000–2002 гг. Текстовый массив формировался из спонтанных выступлений (тексты интервью и записи пресс-конференций, выступления с

заранее заготовленными речами не рассматривались). Все тексты были «очищены» от вопросов и комментариев журналистов и стандартизированы по общим критериям формата документа в программе Microsoft Word. Затем текстовый массив был разбит на равные по числу строк единицы («фреймы»). Каждый фрейм оценивался по 17-ти переменным; наличие образа, связанного с какой-либо переменной, фиксировалось как положительное значение данной переменной в данном фрейме, отсутствие — как отрицательное. Количество однозначных образов в пределах одного фрейма не учитывалось. Обобщенные данные отражают процентное отношение числа фреймов, получивших положительное значение по определенной переменной, к общему числу фреймов.

Для сравнения данных, характеризующих различных политиков, была проведена процедура стандартизации в рамках каждой переменной. Для этого определялось среднее арифметическое процентных показателей всех политиков. Эта величина стандартизовалась как 50 (по каждой переменной), затем показатели каждого политика описывались в соотношении с этой величиной по формуле: стандартизованный показатель по конкретной переменной равен отношению произведения средней величины (50) на процентный показатель конкретного политика по конкретной переменной к среднему арифметическому показателей всех шести политиков по конкретной переменной. Таким образом, стандартизованный показатель более 50 означает «выше среднего», менее 50 — «ниже среднего».

В сводных таблицах приведены данные, отражающие следующие показатели: R — «сырые» данные (процент фреймов, имеющих положительное значение по данной переменной, от общего числа фреймов), S — стандартизованный показатель по конкретной переменной (в рамках национальной выборки, т.е. показатели российских, украинских и белорусских политиков были стандартизованы по отдельности).

## Психологические профили российских политических лидеров

В таблицах 3–5 представлены значения переменных в психологических профилях российских политических лидеров. Затем следуют их краткие и схематичные психологические портреты.

**Таблица 3**

**Мотивационные профили российских политиков**

| Фамилии   | Показатели | Мотив власти | Мотив достижения | Мотив аффилиации |
|-----------|------------|--------------|------------------|------------------|
| Путин     | R          | 48           | 45               | 42               |
|           | S          | 50           | 46               | 76               |
| Чубайс    | R          | 43           | 60               | 17               |
|           | S          | 45           | 62               | 30               |
| Немцов    | R          | 57           | 29               | 27               |
|           | S          | 60           | 29               | 49               |
| Касьянов  | R          | 24           | 62               | 19               |
|           | S          | 25           | 64               | 35               |
| Зюганов   | R          | 62           | 48               | 43               |
|           | S          | 65           | 49               | 78               |
| Явлинский | R          | 54           | 49               | 17               |
|           | S          | 56           | 50               | 31               |

**Таблица 4**

**Операциональные коды российских политиков**

| Фамилии | Показатели | Дружественный | Враждебный | Оптимизм | Пессимизм | Глобальный | Ограниченный | Воля | Случай |
|---------|------------|---------------|------------|----------|-----------|------------|--------------|------|--------|
| Путин   | R          | 29            | 18         | 18       | 4         | 19         | 10           | 24   | 6      |
|         | S          | 69            | 27         | 50       | 13        | 36         | 28           | 49   | 25     |
| Чубайс  | R          | 21            | 42         | 30       | 34        | 41         | 21           | 48   | 12     |
|         | S          | 50            | 65         | 83       | 116       | 75         | 58           | 101  | 51     |
| Немцов  | R          | 23            | 47         | 13       | 16        | 17         | 29           | 21   | 26     |
|         | S          | 55            | 73         | 36       | 53        | 32         | 48           | 45   | 111    |

|                |   |    |    |    |    |    |    |    |    |
|----------------|---|----|----|----|----|----|----|----|----|
| Касья-<br>нов  | R | 29 | 10 | 25 | 16 | 40 | 29 | 23 | 15 |
|                | S | 70 | 15 | 69 | 55 | 73 | 81 | 47 | 65 |
| Зюганов        | R | 12 | 51 | 14 | 6  | 27 | 10 | 13 | 5  |
|                | S | 29 | 79 | 40 | 20 | 50 | 26 | 27 | 21 |
| Явлин-<br>ский | R | 11 | 27 | 9  | 12 | 18 | 10 | 15 | 6  |
|                | S | 26 | 41 | 24 | 41 | 34 | 27 | 31 | 26 |

Таблица 5

Демократические и недемократические ценности в сознании российских политиков

| Фами-<br>лии   | По-<br>каза-<br>тели | Этатизм | Антиэта-<br>тизм | Равен-<br>ство | Свобода | Этно-<br>цент-<br>ризм | Космо-<br>поли-<br>тизм |
|----------------|----------------------|---------|------------------|----------------|---------|------------------------|-------------------------|
| Путин          | R                    | 21      | 6                | 7              | 15      | 9                      | 14                      |
|                | S                    | 53      | 17               | 25             | 40      | 40                     | 60                      |
| Чубайс         | R                    | 19      | 34               | 3              | 21      | 10                     | 3                       |
|                | S                    | 47      | 92               | 13             | 56      | 43                     | 14                      |
| Немцов         | R                    | 23      | 26               | 10             | 36      | 6                      | 14                      |
|                | S                    | 57      | 69               | 39             | 95      | 25                     | 62                      |
| Касья-<br>нов  | R                    | 31      | 20               | 22             | 10      | 4                      | 20                      |
|                | S                    | 78      | 55               | 83             | 26      | 19                     | 89                      |
| Зюганов        | R                    | 18      | 1                | 27             | 6       | 35                     | 0                       |
|                | S                    | 45      | 3                | 106            | 16      | 149                    | 0                       |
| Явлин-<br>ский | R                    | 9       | 23               | 9              | 26      | 6                      | 17                      |
|                | S                    | 21      | 63               | 33             | 68      | 26                     | 74                      |

## Путин

Мотивационный профиль президента Путина характеризуется устойчивым равновесием мотивов власти и достижения. При этом ни один из этих мотивов не является доминирующим. Политик такого типа сочетает умение сосредоточиться на исполнении своих деловых и профессиональных обязанностей с умением ориентироваться в политическом процессе и приспосабливаться к изменениям конъюнктуры. Вообще, ярко выраженное доминирование одного из этих двух мотивов позволяет причислить политика к достаточно четко выраженным и хорошо знако-

мым типам. Лидер, ориентированный на достижение в ущерб власти, — это политик-предприниматель, который воспринимает власть как собственное предприятие, бизнес и подходит к исполнению своих функций с привычными для деловой среды критериями максимизации доходов и минимизации издержек. Противоположный тип — это политик популистского типа («агитатор» в типологии Х. Лассуэлла<sup>10</sup>), который обладает высокоразвитым лидерским инстинктом и стремится контролировать ход происходящих вокруг него событий, при этом такой политик не является экспертом в какой-либо отрасли экономики или политики и в решении своих задач делает ставку прежде всего на личные качества и способности. Путин не принадлежит ни к одному из этих типов, напротив, он занимает наиболее сбалансированное промежуточное положение. Он не одержим властью, хотя, несомненно, осознает ответственность, которую она дает, и умеет употреблять властные ресурсы для достижения своих целей. В то же время, он не воспринимает политику как обычную работу, способен подходить к ней творчески и получать удовольствие от нее.

Отличительной чертой мотивационного профиля Путина является высокий уровень мотива аффилиации. Этот показатель характеризует личность, которая высоко ценит теплый климат межличностных отношений и ищет поддержку и одобрение результатов своей работы. Такой политик не склонен к конфликтам, с готовностью оказывает и принимает помощь, стремится к спокойствию и стабильности в обществе. Возможно, именно эта черта личности объясняет стремление Путина создать вокруг себя команду единомышленников, что проявляется в непрекращающемся потоке кадровых назначений из числа «питерцев». Для такого политика важно чувство локтя, принадлежности к команде. Вместе с тем высокоразвитый мотив аффилиации содержит в себе опасность того, что называется «негативным циклом аффилиации»: если такая личность не находит поддержку и понимание, к которым она стремится, то ее ответная реакция может носить характер защитной агрессии, что потенциально особенно опасно в сочетании с сильно выраженным мотивом власти. Именно лидеры, сочетающие высокие показатели мотивов власти и аффилиации, наиболее склонны втягивать свои страны в войны и политические скандалы. В случае Путина вероятность таких осложнений невелика, так как мотив власти уравновешен мотивом достижения, который позволяет переключать внимание с личных интересов (добиться понима-

---

<sup>10</sup> Lasswell H.D. Psychopathology and politics. — Chicago, 1931.

ния и поддержки) на чисто технические, инструментальные аспекты проблемы. Тем не менее, для Путина характерно стремление к поиску помощи и экспертизы со стороны специалистов в отдельных областях, без чего он неизбежно будет испытывать трудности при исполнении профессиональных обязанностей. Кроме того, для него должна быть очень характерна забота о собственном позитивном имидже в общественном сознании. Еще одной важной особенностью политика с подобным мотивационным профилем является достаточно низкая способность справляться со стрессовыми ситуациями. В случае неудач и потери привлекательности в глазах населения уровень фрустрации может достичь высокого уровня и потревожить столь ценное им самим (и его избирателями также) состояние стабильности и комфортной предсказуемости.

Операциональный код характеризует Путина как политика, ориентирующегося на мир, в политическом пространстве он прежде всего стремится найти точку опоры — союзников, партнеров. Сочетание этого показателя со значительным преобладанием оптимизма и уверенностью в собственных силах (переменная «воля») характеризует Путина как политика, склонного к идеалистической переоценке светлых сторон действительности.

Путин ориентируется преимущественно на демократические ценности. Исключение составляет критерий «этатизм—антиэтатизм». В общем, идеологическая ориентация президента может быть обозначена понятием «либерал—государственник», который понимает демократию как прежде всего приверженность рыночной экономике и интеграцию России в мировое сообщество, но вместе с тем стремится осуществлять преобразования в данных сферах с опорой на государственные механизмы и с учетом национальных интересов.

Эти показатели, а также мотивационный профиль Путина адекватны лидеру страны, находящейся в условиях стабильности. Именно это ставится в заслугу нынешнему президенту России, именно это состояние общества наиболее приемлемо и благоприятно для него. В то же время вызывает большие сомнения способность Путина вести страну к новым достижениям, предлагать перспективные направления общественного развития, генерировать идеи и убеждать общество в своей правоте.

## *Чубайс*

Отличительная особенность мотивационного профиля Чубайса — преобладание мотива достижения над мотивом власти (при этом мотив власти также выражен достаточно ярко), особенное качество этому придает низкий уровень мотива аффилиации. Для лидеров этого типа характерен перфекционизм — стремление к перманентной оптимизации своих решений, они убеждены, что в каждой ситуации есть только одно правильное решение, и старательно пытаются его отыскать. Вместе с тем, для них характерно упорство и последовательность в использовании выбранных методов, в основе чего лежат убежденность в целесообразности и, как правило, точный расчет. Чубайс ставит выше всего собственные интересы и может оказаться негибким и не склонным к поиску компромиссов и максимизации совместных выгод, поэтому часто результатом взаимодействия таких лидеров с другими субъектами политического процесса оказываются «нулевые в сумме» решения, т.е. достижение своих целей (+1) оказывается невозможным без ущемления интересов (-1) другой стороны. Несомненно, Чубайс — политик, который умеет контролировать свои эмоции и сохранять видимость беспристрастности и чисто технической экспертизы при решении политических вопросов. Однако достаточно хорошо развитый мотив власти указывает на то, что для этого человека власть сама по себе имеет достаточно большую ценность. Поэтому, для лидеров с подобным мотивационным профилем характерно участие и инициирование противостояния с другими властными институтами (борьба за власть под предлогом решения чисто технических вопросов). Кроме того, такой лидер не уделяет особого внимания соблюдению этических принципов и может позволить себе выглядеть дерзко, грубо, другими словами, его не беспокоит, что о нем думает общественное мнение (низкий уровень аффилиации).

Операциональный код Чубайса любопытен тем, что показатели по всем без исключения переменным высоки. Это свидетельствует о противоречивости политического мировоззрения этого политика и о том, что его речь богата на «образы». Это можно объяснить тем, что Чубайс не стесняется говорить то, что он думает, для него нет неудобных тем. При этом, особо выделяются такие элементы операционального кода, как пессимизм и убеждение в контролируемости событий. Это сочетание выглядит таким же противоречивым, как и весь операциональный код

этого политика, но именно в этом противоречии заключен его смысл: «Я могу все, но мне вряд ли дадут это сделать».

Идеологические ориентации Чубайса носят демократический характер (особенно по переменной «антиэтатизм»). Исключение составляет переменная «национализм». Возможно, объяснение этого нужно искать в специфике деятельности этого политика: будучи главой общенациональной энергосети, он вынужден говорить прежде всего о проблемах России (этим же объясняются самые высокие показатели, связанные с антиэтатизмом).

В общем, психологический профиль Чубайса соответствует его имиджу серого кардинала, влиятельной теневой фигуры. Он, несомненно, обладает рядом необходимых эффективному лидеру качеств, прежде всего деловых, но вряд ли его привлекает перспектива борьбы за вершины власти от своего лица — он не настолько озабочен властью и вовсе не жаждет признания, поддержки и одобрения. Вместе с тем, когнитивные элементы его психологического профиля говорят о том, что он может быть полезен как генератор идей и талантливый исполнитель одновременно (сбалансированность и гибкость всех основных показателей) и поэтому может быть востребован в качестве ключевой фигуры при любых изменениях политической конъюнктуры.

### *Немцов*

Немцов — наиболее яркий пример настоящего «человека политического». Это политик, для которого власть сама по себе имеет непререкаемую ценность. Профессиональный политик, который занимается своим делом не в силу обстоятельств, не как эксперт по каким-либо отдельным проблемам и направлениям, а только по той причине, что именно в политике он нашел свое призвание, он получает удовольствие от этой работы. Средний уровень мотива аффилиации характеризует его как сбалансированную личность (низкая аффилиация при высоком уровне мотива власти характеризовала бы его как бесчувственного и ориентирующегося на авторитарные методы руководителя, высокая аффилиация свидетельствовала бы о наличии «харизматических» черт и стремлении не просто обладать властью, но еще и быть лидером, т.е. получить особое подтверждение легитимности своей власти — поддержку общества). В общем, Немцов не принадлежит ни к автократам, ни к харизматикам.

Операциональный код этой личности необычен присутствием на доминирующих позициях таких переменных, как «враждебность», «пессимизм» и низкий контроль («случай»). Создается впечатление, что Немцов мог бы с готовностью согласиться с мнением, что политика — это грязное дело, но изменить ее он не в силах, поскольку вокруг него существует слишком много темных сил, заинтересованных в сохранении данного положения вещей. Но все это вовсе не значит, что занятие политической является недостойным и бессмысленным, можно сосредоточиться на достижении ограниченных целей, тем самым быть полезным и получать удовольствие от своей работы.

Основные ценности демократической идеологии разделяются Немцовым в полной мере, наиболее значимой из них является свобода.

В общем, это настоящий профессионал своего дела. Наши данные, однако, не позволяют увидеть в структуре его личности весомых предпосылок того, что он обладает значительным лидерским потенциалом, даже несмотря на то, что он, вне всяких сомнений, очень амбициозный и целеустремленный человек.

### *Касьянов*

Мотивационный профиль премьера российского правительства имеет значительное сходство с показателями Чубайса: преобладание мотива достижения над мотивом власти при низком уровне мотива аффилиации. Есть существенное отличие — очень низкий уровень мотива власти. Это самый яркий пример типа «политик-предприниматель». Власть и политика сами по себе не представляют интереса и не являются значимыми ценностями для Касьянова. Он относится к своей работе, как менеджер относится к своему предприятию, т.е. без лишних эмоций, профессионально, с высоким чувством ответственности за результат своей работы. Касьянов лишен политических амбиций, карьерный рост для него — получение новой, более интересной, творческой, прибыльной работы, но никак не борьба за власть.

Операциональный код характеризуется дружественным оптимизмом и умением сочетать глобальные и ограниченные цели. Вместе с тем, у него нет высоко развитого чувства контроля над политическим процессом. Касьянов уверен в том, что он хорошо сделает свою работу, но понимает, что мир политики сложен и противоречив и ему еще, по всей вероятности, предстоит многое о нем узнать.

Идеологическая направленность когнитивной сферы его личности характеризуется преобладанием недемократических ценностей. Вообще, идеология Касьянова возникает как бы независимо от него самого, в основе его ориентации на тот или иной полюс шкал, измеряющих демократические ценности, лежат деловые и профессиональные соображения: глава правительства должен думать о работе госаппарата (вместе с тем антиэтатизм также выражен достаточно ярко — как следствие осуществляемого правительством либерального курса), для осуществления различных программ требуются тесные связи с международным сообществом (высокие показатели космополитизма). Главной проблемой правительства, на решение которой приходится затрачивать наибольшие усилия, в интерпретации Касьянова, по-видимому, можно считать социальную сферу (преобладание эгалитаристских ценностей).

В общем, это тип исполнителя, технического эксперта, который вряд ли способен добиться успеха в политике без поддержки сильной команды и прочих факторов, способных обеспечить его достаточной мотивацией.

### *Зюганов*

Лидер КПРФ характеризуется преобладанием мотива власти над мотивом достижения при высоко развитом мотиве аффилиации. Такой мотивационный профиль близок к характеристикам аффективной сферы личности президента Путина, поэтому многое из сказанного о нем относится и к Зюганову. Стоит отметить одно существенное отличие: гораздо более явно выраженное доминирование мотива власти, этот фактор делает более вероятным наступление негативного цикла аффилиации. Зюганов способен быть агрессивным и инициировать скандалы. Вместе с тем, необходимо отметить, что это очень сильный политик, который имеет смелость говорить от лица больших масс избирателей, смело идти против течения и ставить перед собой самые серьезные политические цели. Этот политик обладает потенциалом харизматического лидера.

Зюганов воспринимает политику как поле противостояния, ставит перед собой преимущественно глобальные цели, при этом отличается оптимизмом.

Идеологические ориентации носят ярко выраженный недемократический характер, что говорит о значительном соответствии декла-

рируемых коммунистической партией принципов и реального содержания системы взглядов и убеждений ее лидера.

Зюганов — яркая фигура, настоящий лидер своей партии, который занимает это место по праву. Его можно смело назвать убежденным коммунистом. Проблема, по-видимому, в том, что те приоритеты общественного развития, которые отстаивает вместе со своей партией этот политик, не находят широкую поддержку общества. Лидер не существует вне системы отношений с последователями, тот тип лидерства, который может предложить Зюганов, ограничен. Возможно, идеология является главным фактором, который, с одной стороны, детерминирует специфику политической личности этого политика, а с другой — не позволяет ему раскрыть свой лидерский потенциал.

### *Явлинский*

В основе мотивационного профиля этого политика лежат незначительное преобладание показателей мотива власти над показателями мотива достижения и низкий уровень мотива аффилиации. Этот тип предполагает прежде всего такие качества, как прагматизм и независимость. Для Явлинского характерно умение эксплуатировать обстоятельства и добиваться своих целей. Это профессиональный политик, который знает цену власти, но в то же время он не воспринимает власть как ресурс давления на других. Он стремится к власти, чтобы реализовать определенные программы, но, будучи неэмоциональным человеком (низкий уровень аффилиации), часто оказывается неспособным прочувствовать настроение аудитории или электората.

Показатели всех переменных, составляющих операциональный код, отличаются небольшой величиной. Речь Явлинского, как правило, — ровное и систематическое изложение своих идей. Можно отметить лишь некоторое преобладание таких характеристик, как «пессимизм» и «враждебность». Возможно, если бы для исследования были отобраны тексты его выступлений за более ранний период, картина была бы иной. Так или иначе, операциональный код Явлинского весьма примечателен своей бедностью, что может быть следствием некоторого разочарования в политике.

С идеологической точки зрения Явлинский последовательно отстаивает демократические ценности, более того, в нашем исследовании

он является наиболее близким к идеалу демократического лидера политиком.

В общем, психологический профиль лидера «Яблока» характеризует его как уравновешенную личность, с достаточно устойчивыми взглядами и стабильной мотивационной сферой.

## Психологические профили украинских политических лидеров

Таблица 6  
Мотивационные профили украинских политиков

| Фамилия   | Показатели | Мотив власти | Мотив достижения | Мотив аффилиации |
|-----------|------------|--------------|------------------|------------------|
| Кучма     | R          | 45           | 47               | 45               |
|           | S          | 51           | 57               | 102              |
| Ющенко    | R          | 35           | 47               | 15               |
|           | S          | 40           | 57               | 34               |
| Тимошенко | R          | 51           | 34               | 23               |
|           | S          | 58           | 41               | 52               |
| Мороз     | R          | 46           | 34               | 6                |
|           | S          | 52           | 41               | 14               |

Таблица 7  
Операциональные коды украинских политиков

| Фамилия | Показатели | Дружественные | Враждебные | Оптимизм | Пессимизм | Глобальность | Ограниченность | Воля | Служба |
|---------|------------|---------------|------------|----------|-----------|--------------|----------------|------|--------|
|---------|------------|---------------|------------|----------|-----------|--------------|----------------|------|--------|

|                | тели | вен-<br>ный | ный |    | мизм | ный | ный |    |    |
|----------------|------|-------------|-----|----|------|-----|-----|----|----|
| Кучма          | R    | 42          | 32  | 17 | 13   | 29  | 31  | 23 | 10 |
|                | S    | 117         | 59  | 71 | 59   | 69  | 53  | 61 | 28 |
| Ющен-<br>ко    | R    | 12          | 10  | 5  | 8    | 18  | 34  | 12 | 9  |
|                | S    | 33          | 19  | 21 | 36   | 43  | 59  | 32 | 38 |
| Тимо-<br>шенко | R    | 10          | 40  | 15 | 16   | 24  | 20  | 20 | 13 |
|                | S    | 28          | 74  | 63 | 72   | 57  | 34  | 53 | 54 |
| Мороз          | R    | 8           | 25  | 11 | 5    | 11  | 30  | 21 | 3  |
|                | S    | 22          | 46  | 46 | 22   | 26  | 52  | 55 | 13 |

Таблица 8

**Демократические и недемократические ценности  
в сознании украинских политиков**

| Фами-<br>лия   | По-<br>каза-<br>тели | Эта-<br>тизм | Апигэта-<br>тизм | Равен-<br>ство | Свобода | Этноцент-<br>ризм | Космо-<br>политизм |
|----------------|----------------------|--------------|------------------|----------------|---------|-------------------|--------------------|
| Кучма          | R                    | 21           | 6                | 7              | 15      | 9                 | 14                 |
|                | S                    | 53           | 17               | 25             | 40      | 40                | 60                 |
| Ющен-<br>ко    | R                    | 19           | 5                | 8              | 11      | 2                 | 5                  |
|                | S                    | 63           | 50               | 57             | 69      | 10                | 14                 |
| Тимо-<br>шенко | R                    | 2            | 9                | 8              | 4       | 14                | 5                  |
|                | S                    | 7            | 90               | 57             | 25      | 70                | 14                 |
| Мороз          | R                    | 21           | 4                | 10             | 9       | 6                 | 5                  |
|                | S                    | 70           | 40               | 71             | 56      | 30                | 14                 |

### ***Кучма***

Мотивационный профиль украинского президента отличается прежде всего крайне высоким уровнем мотива аффилиации. Можно сказать, что это политик, в наибольшей степени ориентированный на сотрудничество и поиск компромиссов. Важным дополнением этой характеристики является также крайне высокий уровень такой составляющей

операционального кода, как «дружественность». Можно предположить, что в случае Кучмы имеет место реализованный вариант «негативного цикла аффилиации», о котором писал Д. Уинтер: в условиях массивной антипрезидентской кампании, развернутой различными оппозиционными силами, которая, несомненно, интерпретируется данным политиком как угрожающая, под влиянием мотива аффилиации в поведении личности начинают преобладать такие качества, как подозрительность и враждебность. В общем, активизируются «эгозащитные» тенденции, которые потенциально способны негативно влиять на качество и эффективность принимаемых им политических решений. Вместе с тем президент Украины в достаточной степени обладает необходимым психологическим репертуаром для успешного исполнения роли политического лидера: показатели мотивов власти и достижения также высоки. Таким образом, можно предположить, что подобный мотивационный профиль характеризует Кучму как политика, находящегося во враждебном окружении и испытывающего явное неудовлетворение от отсутствия поддержки и одобрения, что ведет, в свою очередь, к ответным агрессивным действиям.

Операциональный код Кучмы отмечен преобладанием следующих элементов: дружественность, оптимизм, предпочтение глобальных целей и низкий контроль. Подобный расклад предполагает значительное расхождение между тенденциями, отмеченными на когнитивном и мотивационном уровнях. Необходимо обратить особое внимание на высокие показатели по переменной «случай» (низкий контроль над политическим процессом). Возможно, недостаточно высокие показатели мотива власти обуславливают неспособность Кучмы эффективно решать проблемы и контролировать ситуацию в стране.

Идеологические ориентации Кучмы соответствуют типу «либерала-государственника». Особое внимание привлекает крайне высокий показатель по переменной «космополитизм» (что, впрочем, не мешает Кучме в значительной степени разделять этноцентристские взгляды). Очевидно, что проблема отношений с международным сообществом занимает центральное место в системе взглядов и убеждений этого политика. Учитывая особенности его мотивационного профиля, можно предположить, что украинский президент склонен ориентироваться в своей политике на установление мирных и бесконфликтных отношений с самым широким кругом партнеров.

## *Ющенко*

Лидер украинских правых и бывший премьер-министр, являющийся одним из основных претендентов на роль преемника Кучмы, — это прежде всего профессиональный управленец, технический эксперт, для которого политика не представляет интереса как таковая (преобладание мотива достижения). Стремление к власти продиктовано прежде всего желанием в полной мере реализовать свой потенциал. Мотивы власти и аффилиации развиты слабо, что потенциально способно создать для Ющенко проблемы при обращении к широкой общественности. Этому политику недостает навыков агитатора, и можно предположить, что он недостаточно одержим стремлением к власти. Особенности его мотивационного профиля таковы, что наиболее гармоничной ему ролью является исполнение технических функций в правительстве (нужно отметить, что его работа в роли премьер-министра большинством экспертов и наблюдателей оценивается позитивно).

Для операционального кода Ющенко характерны низкие значения по всем без исключения переменным. Наибольший показатель имеет переменная «ограниченные цели». Таким образом, на когнитивном уровне наблюдается определенная согласованность с мотивационными структурами: Ющенко наиболее комфортно чувствует себя при решении конкретных проблем, ему несвойственны ни проявления эмоций, ни стремление к достижению глобальных и амбициозных целей.

Точно так же невелики показатели этого политика по переменным, характеризующим идеологические ориентации. Можно сделать вывод, что Ющенко — не столько политик, сколько государственный деятель, которого определенные обстоятельства вынуждают декларировать политические цели.

## *Тимошенко*

Ющенко и Тимошенко — два демократических лидера украинской оппозиции. При наличии общего в программах и целях, на психологическом уровне они представляют собой противоположности. Тимошенко — яркий лидер популистского типа (в мотивационном профиле преобладают власть и аффилиация). Можно утверждать, что она готова пойти на многое ради власти, для нее важно общественное мнение, в своей риторике она склонна прибегать к морально-нравственной аргументации. Вообще, несмотря на их

различия, Ющенко и Тимошенко прекрасно могли бы дополнять друг друга, компенсируя недостатки и эффективно используя сильные стороны. Однако, несмотря на характерное для обоих негативное отношение к режиму Кучмы, поиск общих политических оснований успехом не увенчался. По отдельности же каждый из них во многом проигрывает действующему президенту, который в большей степени наделен качествами, необходимыми эффективному и успешному политическому лидеру.

Наиболее примечательной особенностью операционального кода Тимошенко являются высокие показатели по переменным «враждебность» и «пессимизм». Это объясняется во многом тем, что главное место в ее политической риторике занимает обличительная критика в адрес президента Кучмы, которая строится на непримиримой позиции, выраженной в лозунге «Украина без Кучмы».

Идеологические ориентации Тимошенко скорее антидемо-кратичны: за исключением переменной «антиэтатизм» преобладают ценности, связанные с авторитарным типом политического сознания. Тимошенко ориентируется на завоевание поддержки широких слоев населения Украины, что ведет к заметному акцентированию националистических и эгалитаристских подходов. Таким образом, анализ когнитивных структур личности Тимошенко позволяет высказать предположение, что стремление к власти и достижение собственно политических целей для нее важнее, чем реализация какой-либо программы, основанной на той или иной идеологии. Тимошенко готова приспособливать свою риторику к ожиданиям электората, потенциально способна сотрудничать с представителями самых разных политических сил, что делает ее будущее политическое поведение малопредсказуемым.

### *Мороз*

Лидер украинских социалистов — профессиональный политик, в мотивационной структуре которого преобладают мотивы власти и достижения. Наиболее характерная для него черта — крайне низкий уровень мотива аффилиации, что предполагает наличие таких качеств, как психологическая устойчивость, эмоциональная стабильность, невозмутимость.

Особый интерес представляет операциональный код Мороза. Он предпочитает ставить конкретные, ограниченные цели и полагается на свою профессиональную компетентность, что позволяет ему быть оптимистом и верить в достижимость своих целей. Сама по себе политика для

него — это конфликт, причем Мороз не избегает столкновений, напротив, он чувствует в них себя уверенно и стремится контролировать их ход. Убеждения этого политика можно считать достаточно устойчивыми, о чем свидетельствуют высокие показатели и определенность переменных, составляющих операциональный код.

В нашей выборке Мороз представляет левый фланг украинского политического пространства. Его идеологические ориентации соответствуют классическим критериям недемократического типа (этатизм, эгалитаризм, этноцентризм). Вместе с тем, несмотря на высокие значения переменной «равенство», либеральные ценности также разделяются этим политиком в значительной степени, что позволяет предположить, что Мороз является представителем современного типа левых, строящих свою программу по образцу западноевропейских социал-демократических партий, ориентирующихся на рыночные механизмы и принципы регулирования экономики.

## Психологические профили белорусских политических лидеров

Таблица 9

Мотивационные профили белорусских политиков

| Фамилия    | Показатели | Мотив власти | Мотив достижения | Мотив аффилиации |
|------------|------------|--------------|------------------|------------------|
| Лукашенко  | R          | 59           | 52               | 27               |
|            | S          | 67           | 63               | 45               |
| Гончарик   | R          | 41           | 31               | 27               |
|            | S          | 47           | 38               | 45               |
| Гайдукевич | R          | 46           | 42               | 26               |
|            | S          | 52           | 51               | 43               |
| Шушкевич   | R          | 31           | 40               | 40               |
|            | S          | 35           | 49               | 67               |

Таблица 10

Операциональные коды белорусских политиков

|       |     |      |      |       |        |      |       |     |      |
|-------|-----|------|------|-------|--------|------|-------|-----|------|
| Фами- | По- | Дру- | Вра- | Опти- | Песси- | Гло- | Огра- | Во- | Слу- |
|-------|-----|------|------|-------|--------|------|-------|-----|------|

| лия             | каза-<br>тели | жест-<br>вен-<br>ный | ждеб-<br>ный | мизм | мизм | баль-<br>ный | ничен-<br>ный | ля | чай |
|-----------------|---------------|----------------------|--------------|------|------|--------------|---------------|----|-----|
| Лука-<br>шенко  | R             | 23                   | 25           | 13   | 4    | 33           | 30            | 33 | 7   |
|                 | S             | 68                   | 45           | 46   | 33   | 97           | 107           | 72 | 29  |
| Гонча-<br>рик   | R             | 16                   | 39           | 11   | 6    | 11           | 16            | 23 | 17  |
|                 | S             | 47                   | 70           | 39   | 50   | 32           | 57            | 50 | 71  |
| Гайду-<br>кевич | R             | 17                   | 31           | 24   | 8    | 14           | 9             | 23 | 16  |
|                 | S             | 50                   | 55           | 86   | 67   | 41           | 32            | 50 | 67  |
| Шуш-<br>кевич   | R             | 11                   | 16           | 7    | 6    | 9            | 0             | 11 | 7   |
|                 | S             | 32                   | 29           | 25   | 50   | 26           | 0             | 24 | 29  |

**Таблица 11**

**Демократические и недемократические ценности  
в сознании белорусских политиков**

| Фамилия         | Пока-<br>затели | Эта-<br>тизм | Анти-<br>этатизм | Равен-<br>ство | Свобода | Этно-<br>цент-<br>ризм | Космо-<br>поли-<br>тизм |
|-----------------|-----------------|--------------|------------------|----------------|---------|------------------------|-------------------------|
| Лукашен-<br>ко  | R               | 30           | 0                | 16             | 7       | 38                     | 19                      |
|                 | S               | 136          | 0                | 73             | 27      | 127                    | 73                      |
| Гончарик        | R               | 3            | 8                | 16             | 16      | 3                      | 6                       |
|                 | S               | 14           | 80               | 73             | 62      | 10                     | 23                      |
| Гайдуке-<br>вич | R               | 9            | 6                | 6              | 17      | 11                     | 6                       |
|                 | S               | 41           | 60               | 27             | 65      | 37                     | 23                      |
| Шушкевич        | R               | 2            | 5                | 6              | 11      | 6                      | 19                      |
|                 | S               | 9            | 50               | 27             | 42      | 20                     | 73                      |

### *Лукашенко*

**Президент Беларуси обладает высоко развитыми мотивами власти и достижения. Мотив аффилиации развит немного ниже среднего уровня. Подобный мотивационный профиль характеризует его как лидера**

авторитарного типа, который способен давить на окружающих, на общество с целью реализации своих планов и вместе с тем не всегда способен чувствовать их настроение. Лукашенко полагается прежде всего на свои риторические и администраторские способности. В общем, это очень сильный и уверенный в себе политический лидер.

Операциональный код Лукашенко характеризуется преобладанием следующих переменных: «дружественность», «оптимизм», «ограниченные цели» и высокий уровень контроля.

Идеологические ориентации носят ярко выраженный недемократический характер: преобладают этатизм, эгалитаризм и этноцентризм. Особо высоки показатели первого и последнего. При этом необходимо отметить высокие показатели переменной «космополитизм» — белорусский президент рассматривает осуществление внешнеполитического курса в качестве важнейшей своей функции. Однако в отношениях с мировым сообществом у него регулярно возникают проблемы. Возможным психологическим ресурсом, способным помочь преодолевать негативные явления во внешней политике, мог бы быть мотив аффилиации, который не является характерной чертой личности Лукашенко.

В общем, психологический профиль президента Лукашенко характеризует его как сильного и эффективного политика, располагающего достаточно четкими идеологическими ориентирами, но недостаточно гибкого и внимательного к своим последователям.

### *Гончарик*

Мотивационный профиль лидера белорусских профсоюзов отличается низкими показателями по всем мотивам. Это дает основания усомниться в том, что данная личность обладает необходимыми для успеха в политике психологическими качествами. Наиболее развит мотив власти, на втором месте — мотив аффилиации. Гончарик склонен в своем поведении следовать модели харизматического лидерства, активно использовать элементы популистской стратегии. Однако его возможности недостаточно велики, и он вряд ли может соперничать с нынешним президентом Беларуси в борьбе за симпатии электората.

На когнитивном уровне особое внимание привлекают три компонента операционального кода Гончарика: «враждебность», «пессимизм» и низкий контроль («случай»). Можно предположить, что политика является чуждой ему стихией, в которую он оказался вовлечен исключи-

тельно по необходимости участвовать в процессе выборов, причем он не верит в свой успех.

На президентских выборах 2001 г. Гончарика поддерживала достаточно широкая коалиция общественно-политических сил Белоруссии, однако для него наиболее близка идеология левых сил, традиционно отвергающая ценности западной демократической системы. Тем не менее, Гончарик разделяет скорее демократические убеждения (антиэтатизм, космополитизм). Показатели либеральных ценностей, несмотря на то, что уступают эгалитаристским, достаточно высоки.

### *Гайдукевич*

В мотивационном профиле лидера Либерально-демократической партии Беларуси преобладают мотивы власти и достижения, что характеризует его как потенциально успешного лидера. Эти мотивы уравновешивают друг друга, что позволяет ожидать от Гайдукевича использования гибкой стратегии, сочетающей рациональность и настойчивость. Политик такого типа нуждается во всесторонней экспертизе: как со стороны технических, так и политических экспертов. В общем, устойчивый мотивационный профиль этого политика позволяет ему достигать лидерской эффективности, используя различные стратегии.

В операциональном коде Гайдукевича наиболее отчетливо выделяются следующие переменные: «оптимизм» и низкий контроль («случай»). Достижение тех или иных конкретных целей (низкий показатель переменной «ограниченные цели») менее важно, чем процесс участия в политической борьбе. При этом он не ощущает себя хозяином положения и вынужден приспосабливаться к существующим обстоятельствам.

Ценности, которые доминируют в его сознании, за исключением этноцентризма, носят демократический характер. Особо важны либеральные и антиэтатистские принципы. Ценности, характеризующие внешнеполитические ориентации, наименее ярко представлены. Гайдукевич — политик, который не пытается выйти за пределы собственно белорусской политики.

## Шушкевич

В психологическом профиле бывшего «парламентского президента» (как он сам себя называет) Белоруссии наибольшее внимание привлекает мотивационная сфера. Шушкевич — политик с сильно развитым мотивом аффилиации и подавленным мотивом власти. В 2000-е гг. он представляет белорусскую социал-демократию и гораздо менее активно, чем раньше, участвует в политике. Очевидно, что этот политик не стремится к власти любой ценой, он пропагандирует близкие ему идеи и рассчитывает на поддержку своих единомышленников, а не на электоральный успех. Шушкевич не является «человеком политическим», он представляет особый тип восточноевропейских политических лидеров, других представителей которого в выборке по всем трем странам больше нет: это политик эпохи перестройки, в каком-то смысле романтик, пытавшийся переустроить общество в соответствии со своими идеалами. В современных условиях он, по нашему мнению, имеет много общего с политиками, представляющими поколение менеджеров-прагматиков (Чубайс, Касьянов, Ющенко). Их объединяет отсутствие сильной мотивации власти. Разница в том, что Шушкевич выполняет в политике функции не технического, а гуманитарного эксперта.

С этими особенностями мотивационной сферы связаны и когнитивные структуры. В операциональном коде Шушкевича нет «ограниченных целей» — он не занимается рутинной политической борьбой, его призвание — думать о глобальных, принципиальных вещах, не дать обществу потерять осознание своих задач и направления развития.

Несмотря на провозглашение социал-демократической идеологии, Шушкевич разделяет радикальные демократические ценности, прежде всего антиэтатистские и космополитические.

## Заключение

На основании этого исследования можно выделить *три основных типа личности* современных российских, украинских и белорусских политических лидеров. Первый (к нему принадлежат Путин, Зюганов, Кучма, Тимошенко, Лукашенко, Гончарик) — «агитаторы», потенциальные харизматические лидеры, обладающие способностью воздействовать на общество, убеждать в своей правоте. Второй (Чубайс, Касьянов, Ющенко) — политики-менеджеры, грамотные эксперты в вопросах

функционирования государственного аппарата, хорошие исполнители, для которых власть представляет собой один из находящихся в их распоряжении ресурсов влияния (в качестве гуманитарного эксперта к этой категории близок Шушкевич). Третий тип (Немцов, Явлинский, Мороз, Гайдукевич) – политики-профессионалы, для которых борьба за власть и влияние представляет основной смысл их деятельности, при этом они в значительной степени замыкаются на собственных интересах и оказываются неспособными выражать интересы своих последователей, что неизбежно сказывается на их политических достижениях и электоральных перспективах.

Разработанная для данного исследования методика составления политико-психологического профиля лидера имеет практическую значимость. Использование процедур систематического качественного контент-анализа позволяет на практике реализовать принцип дистантной оценки, воссоздать разностороннюю картину психологических качеств и свойств личности. Для использования этой методики в дальнейшей работе требуется еще более тщательная разработка и операционализация переменных и критериев их выделения в структуре текста. Разработка практического руководства по использованию контент-анализа для составления политико-психологических профилей позволит внести важные изменения в процедуру исследования, в частности использовать несколько независимых экспертов. Опыт работы западных политических психологов (Д. Уинтера, М. Херманн, С. Уокера и др.) позволяет добиться высоких показателей категориального согласия между экспертами, что, несомненно, повышает достоверность получаемых данных.

В заключение необходимо отметить, что качественный контент-анализ открывает перед исследователем широкие возможности и позволяет изучать различные проблемы, а не только психологию политического лидерства.

Л.М.Светлорусова

## ГЕОРГИЙ ПЫРВАНОВ – ПЕРВЫЙ ГОД ПРЕЗИДЕНТСТВА

Президентские выборы в Болгарии состоялись в ноябре 2001 г., через пять месяцев после парламентских выборов, когда на политическую сцену страны вышел новый игрок – Симеон II, бывший болгарский царь. В тот момент БСП занимала третье место в составе парламента в соответствии с распределением мест после голосования. На президентских выборах новое политическое движение – «Национальное движение Симеон Второй» (НДСВ) – не выдвинуло своего кандидата. В процессе подготовки к выборам Г. Пырванов, лидер БСП, предлагал Симеону Сакскобургготскому, лидеру НДСВ, и Ахмеду Догану, лидеру ДПС, выдвинуть общего кандидата, «равноудаленного» от трех партий. Эта инициатива не имела успеха, но принесла Г. Пырванову симпатии многих болгар. Президентские выборы, в отличие от парламентских, показали низкую активность болгарских избирателей, после второго тура победу одержал Георгий Пырванов. Его называли самым правым политиком в рядах левых и считали умеренным, осторожным, современно мыслящим человеком, имеющим менталитет научного работника (2, с.8).

Г. Пырванов (род. 1957 г.) закончил математическую гимназию в городе Перник в 1975 г. и исторический факультет Софийского университета в 1981 г., в 1988 г. он стал доктором исторических наук и работал научным сотрудником в Институте истории. Среди его многочисленных публикаций можно выделить такие книги, как «Д. Благоев и болгарская национальная проблема в 1879–1917 гг.» (1988), «От Бузлуджи до театра “Корона”: Попытка нового прочтения некоторых страниц социал-

демократического периода БСП» (1995), «Болгарская социал-демократия и македонский вопрос с конца XIX века до 1918 г.» (1997), а также книгу о посткоммунистическом периоде развития Болгарии – «До и после десятого» (2001).

Политическую карьеру Г. Пырванов сделал, продвигаясь по партийной иерархической лестнице БКП/БСП. В 1994 г. он был избран заместителем председателя Высшего совета БСП, а в конце 1996 г. стал председателем ВС БСП в первый раз, затем был переизбран на этот пост в мае 2000 г. Депутатскую деятельность он вел с 1994 по 2001 г., возглавляя ряд парламентских групп и комиссий.

В 2002 г. болгарские слушатели радио «Дарик» выбрали Г. Пырванова политиком года (в опросе участвовали 1718 человек, 41% отдали свой голос за Пырванова). Подобное признание не является случайным – болгарский президент является активным политическим деятелем как во внешней, так и во внутренней политике. Говоря о развитии Болгарии в 2002 г., он особо выделил ее успехи на международной арене: приглашение вступить в члены НАТО, успешные переговоры с ЕС, «которые должны завершиться в ближайшее время» (1).

Необходимость вступления в две крупные международные организации признают все значимые политические силы Болгарии. Свой вклад в достижение данной цели внесли все составы правительств и все президенты периода трансформации. По мнению Г. Пырванова, новая политическая реальность усилила роль НАТО в Юго-Восточной Европе. Членство в этой организации стало приоритетом в болгарской внешней политике и в деле укрепления национальной безопасности.

В январе 2003 г., оценивая усилия, предпринятые Болгарией для вступления в НАТО, Г. Пырванов сказал: «Очень важно понять, что мы прошли немалую часть пути, выполняя основные требования НАТО. Болгария получила высокую оценку, выступая как фактор стабильности в регионе, как фактор, который усиливает Североатлантический альянс, а не просто обеспечивает себя за его счет безопасностью» (3). Военная реформа, проводимая в болгарской армии, по мнению Г. Пырванова, стала одним из самых сильных аргументов для приглашения в члены НАТО. Сегодня усилия направляются на создание небольшой, боеспособной и хорошо вооруженной армии, адаптированной к натовским стандартам. Проблема модернизации армии потребует немалых вложений. Уже сейчас в Болгарии на эти цели выделяется 2,5–3% ВВП, однако в стране рассчитывают на получение дополнительной помощи от

НАТО, в том числе на инвестиции в строительство аэродромов, портов, дорог.

Присоединение к интегрированной Западной Европе болгарский президент рассматривает как «реальный шанс выйти из “серой зоны” европейской безопасности» (4). Усилия Болгарии стать равноправным членом ЕС, считает болгарский президент, не могут быть сведены только к заинтересованности в денежных субсидиях Евросоюза, болгарам необходимо суметь поставить на ноги собственное производство.

В болгарской прессе высказывается мнение, что по мере приближения даты предстоящего вступления Болгарии в ЕС (2007) благожелательное отношение болгар может измениться на скептическое. Г. Пырванов считает, что это может произойти только тогда, когда болгары поймут, что им придется выполнять требования Евросоюза.

Позитивно оценивая выбранное внешнеполитическое направление развития страны, Г. Пырванов отмечает, что «высокий международный авторитет Болгарии является не только основанием для лучшего самоощущения каждого болгарина, но также предпосылкой для роста инвестиций в экономику страны, что повлечет за собой увеличение числа рабочих мест» (7). По словам Г. Пырванова, «Болгария вступает в клуб богатых государств, но она не должна держаться как бедный родственник» (7).

К одной из наиболее острых проблем, стоящих перед Болгарией, Балканами и миром, Г. Пырванов относит терроризм. Политические силы Болгарии убеждены в необходимости для страны быть частью глобальной коалиции против терроризма, что полностью соответствует болгарским национальным интересам. Военные действия на территории бывшей Югославии создали питательную среду для активизации терроризма в Юго-Восточной Европе, и существует опасность перенесения различных форм терроризма в Болгарию (4).

Современные отношения Болгарии с Россией болгарский президент рассматривает как реалистические, развивающиеся вне идеологических обязательств, с преобладанием прагматизма. Болгария заинтересована в активизации экономических взаимоотношений с Россией, особенно в энергетической сфере (3). Г. Пырванов считает, что вряд ли найдется серьезный политик, который недооценивает потенциал России и ее интересы, в том числе в Юго-Восточном регионе, где она продолжает играть стабилизирующую роль (4).

В последнее время в Болгарии обсуждается необходимость изменения Конституции. Г. Пырванов считает, что будущие изменения в Конституции не должны подвергнуть ревизии ее дух. Действующую с 1990 г. Конституцию болгарский президент рассматривает как «стабильную европейскую конституцию, которая является хорошей основой для развития демократического процесса» (3). Он провел ряд консультаций с парламентскими и непарламентскими партиями, гражданскими структурами, с экспертами по проблеме конституции. Вступление страны в НАТО и ЕС сделает необходимыми некоторые поправки в основном законе. Уже сейчас стала насущной выработка болгарским Конституционным судом специального разъяснения, в котором войска НАТО будут трактоваться как союзнические, для того, чтобы не проводить всякий раз парламентские заседания по поводу перемещения натовских войск через болгарскую территорию. Предстоят также конституционные изменения в контексте европейской интеграции в 2004 г. Уже сейчас, считает болгарский президент, могут быть изменены некоторые положения, связанные с передачей суверенитета, с человеческими правами, с правом иностранцев покупать землю (3). В ближайшее время должна быть усовершенствована законодательная база для развития спецслужб, а также необходимо разработать нормативные документы, связанные с защитой информации.

Г. Пырванов является сторонником децентрализации местной власти, поэтому он считает необходимыми изменения в Конституции в связи с законами, касающимися власти на местах.

Внутриполитическая деятельность президента Пырванова отличается активностью. Например, за 2002 г. он посетил 44 общины и населенных пунктов, стал инициатором ряда благотворительных акций (5). Президент активно использует свое право вето, за 2002 г. он также возвратил пять законов на доработку.

Президент Болгарии действует в рамках парламентской республики. Его права ограничены, что всегда вызывало определенные нарекания у сторонников расширения президентской власти и у предшественников Г. Пырванова на этом посту. В отличие от них, нынешний болгарский президент считает, что можно быть активным и отстаивать свои позиции и при нынешних правах. Своей задачей Г. Пырванов считает исполнение «функции политического объединителя и морального корректива» (4). По болгарской Конституции, в условиях парламентского кризиса президент формирует временное правительство, которое проводит выборы в

стране, и в этой ситуации президент может и должен сыграть стабилизирующую роль. Болгарский президент не наделен правом законодательной инициативы, но он имеет две немаловажные функции: он представляет страну на международной арене и является главнокомандующим Вооруженных сил. Сегодня наиболее важной задачей для болгар, отмечает президент, является активизация роли парламента и достижение более эффективного общения ветвей власти. Реализацией того, что президент добивается в процессе международных контактов, должно заниматься правительство, в противном случае его деятельность становится бессмысленной — таково мнение президента Пырванова.

В последнее время необходимость судебной реформы осознается как экспертами, так и болгарским обществом в целом. Высказываясь по этому поводу, Г. Пырванов отметил, что наиболее острую проблему он видит в нестабильности законодательной базы судебной власти, так как законы меняются по 10–15 раз. Немалая часть проблем проистекает из-за некоторых сложностей в персональных взаимоотношениях на верхних этажах судебной власти. В настоящее время крайне напряжены взаимоотношения между представителями исполнительной и судебной властей. Так, ряд решений исполнительной власти были блокированы судебной властью. В свою очередь исполнительная власть внесла предложения и принимает решения, вступающие в противоречие с Конституцией. Однако предложение НДСВ провести референдум по поводу судебной реформы, Г. Пырванов не считает рациональным.

Болгарский президент призывает политическую элиту страны сосредоточиться на решении внутривластных проблем, особенно в экономической сфере, а не заниматься переструктурированием парламента или политического пространства (7).

## Список литературы

1. Интервю на президента Георги Първанов за Дарик радио след избирането му за «Политик на 2002 година» — режим доступа: <http://www.president.bg>
2. Димитров П. Феноменът Първанов//Ние — С. 2001. — Г.5. — Бр. 11-12. — С.8–9.
3. Интервю за вестник «Капитал» Ще изгледя всичките си правомощия, но няма да мина границата — режим доступа: <http://www.president.bg>
4. Към стабилност в Югоизточна Европа — статия в «Socialist Affairs» 05-06-2002. — Там же.
5. С премиера трябва да прегледаме кои са посланиците ни — президент отговаря на въпросите на читателите на вестник «Сега», 1 част. — Там же.
6. Не си пожелавам да сформирам служебно правителство — президент отговаря на въпросите на читателите на вестник «Сега», 2 част. — Там же.
7. След Прага трябва да обърнем поглед към вътрешните си проблеми — интервю за предаването «Панорама» по БНТ. — Там же.

**Л.С.Лыкошина**

## **АЛЕКСАНДР КВАСЬНЕВСКИЙ – ПРЕЗИДЕНТ ВСЕХ ПОЛЯКОВ**

Осенью 2000 г. президентом Польши во второй раз стал Александр Квасьневский. Он победил своих соперников уже в первом туре, набрав в 3,5 раза больше голосов, чем лидер «Солидарности» М.Кшаклевский, и в 50 раз больше, чем ее легендарный основатель Л.Валенса (44, с.8).

В 1995 г., когда А. Квасьневский впервые стал президентом, он обошел своего основного конкурента – Валенсу – всего на несколько процентов. Тогда страна почти точно пополам разделилась на сторонников Валенсы и тех, кто отдал голоса одному из основателей польской социал-демократии, человеку с «коммунистическим» прошлым – А.Квасьневскому. В те годы в Польше, кто со страхом и отчаянием, а кто и с надеждой, говорили о «возвращении коммуны», об опасности останковки реформ, об изменении внешнеполитической ориентации Польши. Но ни опасения, ни надежды не сбылись: прошлое не вернулось, реформы были продолжены, а западноевропейская ориентация польской внешней политики получила свое дальнейшее развитие.

И во второй раз (в отличие от первого, когда для многих это было шоком) совершенно закономерно, предсказуемо и в соответствии со всеми социологическими прогнозами «президентом всех поляков», говорившим о Польше как об «общем доме» всех в ней живущих, стал Квасьневский.

Эти выборы показали, что теперь, в начале третьего тысячелетия, утратило свое определяющее значение в польском обществе прежде

представлявшееся если не вечным, то, во всяком случае, очень устойчивым деление на непримиримых врагов и тайных или явных сторонников «коммуны». Вопрос, «откуда» пришел политик, потерял свою ведущую роль, уступив место другим вопросам: куда он предлагает идти обществу, каковы его цели, его видение будущего. «Эти выборы похоронили историю», — писала «Газета выборча» (39, с. 3). Президентом Польши стал отнюдь не «бывший коммунист», а вполне прагматичный политик социал-демократической ориентации.

Сам А.Квасьневский, апеллируя к терминологии польского философа Ст.Бжозовского, называет политика «сознательным работником истории». Что стоит за этим определением? А.Квасьневский отмечает, что ему близок ответ на вопрос, сформулированный видными представителями западноевропейской социал-демократии Т.Блэром и Г.Шрёдером в их политическом манифесте «Третий путь. Новая середина»: «В современном мире люди предпочитают политиков, которые решают социальные проблемы без идеологических предубеждений, которые умеют применить исповедуемые принципы и ценности в поиске практических решений в рамках честной, продуманной и прагматической политической стратегии. Избиратели, вынужденные перед лицом общественно-экономических перемен ежедневно проявлять инициативу и гибкость, ожидают того же от политиков и правительств» (12, с. 11). В этом определении, указывает А.Квасьневский, содержится акцент на такую важную для политиков ценность, как ответственность. Не перед мифической историей и идеализированным народом, а прежде всего ответственность за будущее.

Политику, полагает А.Квасьневский, не следует абсолютизировать. Избиратели, отдавая свои голоса тем или иным политикам, всего лишь нанимают группу людей на определенное время для исполнения определенной работы. Ничто, ни прежние заслуги, ни результаты выборов, не дает права на что-то большее.

Политиков в известном смысле можно сравнить с ремесленниками. Нелепо выглядел бы спор между сапожниками о том, кто из них имеет большее моральное право на ремонт обуви. Очевидно, что в такой ситуации все решает воля клиентов, отдающих предпочтение лучшим профессионалам. Отсюда странными кажутся в условиях демократии попытки исключить кого-то, в частности посткоммунистов, из политической жизни.

«Я убежден, — подчеркивает А.Квасьневский, — что признание плюрализма означает неизбежное примирение с тем фактом, что нет монополии на истину, а биографии политиков не должны быть одинаковы...

В своей публичной деятельности я всегда старался соответствовать вызовам будущего, стремиться к обеспечению развития и удовлетворению нормальных человеческих потребностей: стабильности, справедливости и безопасности жизни. Неоднократно я подчеркивал заслуги людей разной ориентации для создания демократии в Польше, для успеха экономических реформ, для благополучного завершения наших усилий, направленных на вступление в НАТО» (12, с. 15; 21, с.64).

А.Квасьневский не принимает упреков в том, что такая позиция означает отсутствие программы и определенной системы ценностей. Он полагает безосновательным неприятие чужих заслуг, настаивает на необходимости сотрудничества и акцентировании того общего, что объединяет всех поляков. Ведь вклад людей самых разных убеждений в создание Польши несомненен.

А.Квасьневский сожалеет, что «некоторые партийные и профсоюзные лидеры ведут себя так, будто бы идет постоянный крестовый поход и цель — изгнание неверных, а значит инакомыслящих — еще не достигнута» (12, с. 18). Между тем в политических противниках следует видеть не врага, а конкурента, стремиться к диалогу, а не смертному бою, и всячески избегать «психологической гражданской войны» (по выражению польского философа Г.Херлинга-Грудзиньского).

Политическая жизнь Польши в период президентства А.Квасьневского (т.е. с 1995 г.), конечно, далека от благостного единения и сотрудничества всех политических сил. Заметим, что за эти годы менялись и облик парламентского большинства, и состав правительства, политики разной ориентации определяли облик польской политической сцены.

К моменту президентских выборов 1995 г. большинство в сейме принадлежало коалиции Союза демократических левых сил (СДЛ) (одним из лидеров которого был Квасьневский) и Польской крестьянской партии (ПКП). Не изменяя курсу на продолжение реформ, коалиция стремилась к более справедливому, чем прежде, распределению бремени этих реформ на все слои населения. Правительство возглавлял в тот период глава ПКП В.Павляк.

Отношения внутри самой коалиции складывались непросто. Одной из причин конфликтов между этими во многом близкими политиче-

скими группировками было, как полагает А.Квасьневский, разное видение целей: СДЛ таковую усматривал в модернизации страны, а ПКП ограничивалась отстаиванием узкоклассовых интересов своих избирателей (36, с. 115).

В марте 1995 г., лишившись поддержки тогдашнего президента Л.Валенсы, В.Павляк уходит в отставку, а его место занимает один из ведущих деятелей Социал-демократии Республики Польша (СДРП) Ю.Олексы. С его именем связана едва ли не первая сложная проблема, с которой столкнулся А.Квасьневский, став президентом в 1995 г.: перед уходом с поста президента Л.Валенса обвинил Ю.Олексы в сотрудничестве со службой внешней разведки России, и премьер вынужден был уйти в отставку. Кабинет возглавил связанный с социал-демократией В.Чимошевич (доктор международного права, владелец собственного крестьянского хозяйства).

Все правительства левой ориентации по сути продолжали реформы, правда, с некоторыми коррективами. В 1994–1997 гг. в Польше имел место высокий экономический рост — до 6–7% в год, выросли и доходы населения. Но, вместе с тем, в стране усилилась и дифференциация доходов, значительной оставалась доля тех, кто существовал за пределами прожиточного минимума. В сентябре 1997 г. на очередных выборах в сейм левые (несмотря на несомненные успехи правительства как в развитии экономики, так и в принимаемом всем польским обществом движении в сторону интеграции с европейскими структурами — НАТО и ЕС) не сумели сохранить свою ведущую роль в парламенте. Эта роль стала достоянием блока Избирательная акция «Солидарность» (ИАС), объединявшего более 30 партий и организаций правого толка, и либерального Союза Свободы (СС), руководимого «отцом экономических реформ» Л.Бальцеровичем.

Деятельность центристского правительства Е. Бузека (1997–2001) пришлось на неблагоприятный период ухудшения экономической конъюнктуры. Замедлились темпы экономического роста, снизились реальные доходы населения. С 1999 г. правительство Бузека начало проведение в стране четырех реформ: административной, пенсионной, здравоохранения и просвещения, что, естественно, неоднозначно воспринималось обществом и не прибавило популярности этому правительству (его рейтинг был самым низким по сравнению со всеми польскими правительствами 90-х годов).

Отношения внутри коалиции ИДС–СС складывались весьма не-просто, что приводило к острым конфликтам и в конце концов закончилось уходом с поста вице-премьера и министра финансов Л.Бальцеровича.

Конец 90-х годов в Польше оказался в чем-то похожим на начало десятилетия. Это сходство определялось не только активизацией реформаторской деятельности, но и усилением попыток вновь разделить общество на «мы» и «они» по признакам отношения к «коммуне». С 1998 г. в стране действует Закон о люстрации, по которому каждый кандидат на руководящие посты в органах власти должен быть проверен на «чистоту» в плане сотрудничества со спецслужбами бывшей ПНР.

Но, судя по всему, проблема отношения к прошлому утратила бы-лую остроту. Во всяком случае биография не помешала Квасьневскому вновь стать президентом в 2000 г., а А.Олеховскому (политику центрист-ской ориентации, который не скрывал свое сотрудничество со спецслуж-бами во время дипломатической работы в период ПНР) занять второе место после Квасьневского на этих президентских выборах. Вместе с тем, адепт националистическо-католических взглядов Я.Лопушаньский и «человек-легенда» Л.Валенса не набрали и по 1% (41, с. 14; 44, с. 8).

Закон маятника проявил себя и в политической жизни Польши, и в 2001 г. лидерами парламентских выборов вновь стали левые, а прави-тельство возглавил один из ведущих политиков социал-демократической ориентации — Лешек Миллер. Нормальное движение этого маятника свидетельствует лишь о том, что в Польше достаточно прочно утверди-лись принципы демократии, и не мифы и стереотипы господствуют в сознании поляков, а скорее реальный и достаточно прагматичный взгляд на вещи.

Время требует своего героя, наиболее полно соответствующего его потребностям. И таким героем в определенном смысле стал А.Квасьневский. Хотя сам он полагает, что «...сейчас другие времена. Они не требуют ни героизма, ни провидения. Польше сегодня нужна пре-емственность и такие политики, которые выполняют домашние задания и могут обрести себя в малых делах повседневности, т.е. люди компро-мисса и диалога. Нас, политиков, это нервирует. Для нас нет условий, чтобы блистать. Но это полезно для людей и для демократии. Потреб-ность в героях бывает чаще всего в плохие времена» (34, с. 285).

Родившийся в 1954 г. А. Квасьневский достаточно легко и уверен-но поднимался вверх по лестнице политической карьеры, став в середине

80-х годов самым молодым министром в правительстве Е. Месснера, а затем и в правительстве М. Раковского. Принадлежа, по сути, к прореформаторскому крылу ПОРП, А. Квасьневский в это время заката эпохи социализма принимает участие в налаживании диалога с оппозицией, участвует в работе круглого стола. Он участвовал в выборах 1989 г. как кандидат от ПОРП. Но выборы были проиграны. И проигрыш был предreshен. Дальнейшие попытки сохранить ПОРП Квасьневский сравнивает по степени бессмысленности со сложнейшей хирургической операцией, совершаемой над трупом (36, с.57).

Он был совершенно уверен в бесперспективности попыток сохранить партию и решительно отверг предложение стать секретарем ЦК ПОРП.

Какова бы ни была оценка решения Квасьневского, констатируем вслед за автором «Газеты wyborczej» Р.Грачиком, «...он не вскочил в поезд, который был обречен на крушение через несколько месяцев» (8, с. 9).

В начале 90-х годов А.Квасьневский явился одним из основных авторов проекта новой политической конструкции, обладающей большим запасом прочности и иными сущностными (что хотелось бы подчеркнуть) характеристиками. Он определил этот проект как «новые левые в новой Польше».

Заметим, что и «старые левые» в Польше отличались достаточно четко выраженным своеобразием. Трудно причислить ПОРП к ортодоксально коммунистическим партиям. В ее идейных установках можно обнаружить в известной мере либеральные и социал-демократические тенденции. В 80-е же годы в партии существовало достаточно влиятельное реформаторское крыло.

Переломным событием в истории польской левицы стал проходивший в январе 1990 г. XI съезд ПОРП, который оказался последним в истории этой партии. В принятом на съезде постановлении говорилось: «Делегаты, собравшиеся на XI съезд ПОРП, осознавая невозможность обретения Польской объединенной рабочей партией доверия общества, постановляют завершить деятельность ПОРП» (27). По решению делегатов съезда, его заседание было прервано для того, чтобы поздним вечером того же дня (27 января 1990 г.) открыть конгресс, призванный начать историю новой партии, в результате долгих дебатов получившей название Социал-демократия Республики Польша (СДРП). Лидером новой партии становится А. Квасьневский.

Вместе с концом эпохи социализма в 1989 г. закончилась и история ПОРП. Ее роспуск, как полагает А.Квасьневский, был совершенно неизбежен, предопределен. Если бы партия не самораспустилась, она все равно исчезла бы с исторической сцены, в результате «распада и гниения» (36, с. 53).

Трансформация ПОРП, по мысли А.Квасьневского, была бы возможна в случае использования партией исторических шансов, открывавшихся в 1956 г., в 1970 г.. Но в 80-е годы стало ясно, что крушения не избежать: IX чрезвычайный съезд ПОРП показал слабость реформаторского крыла в партии, а введение военного положения в 1981 г. стало началом конца ПОРП как реальной политической силы.

На рубеже 80–90-х годов Квасьневский, несомненно, становится фигурой, с которой многие связывают надежды на возрождение партии. Его авторитет как человека, способного вести дискуссию, побеждать в ней противника и вместе с тем способного к диалогу, вырос после круглого стола, после открытых дебатов с А.Михником в Гданьском университете и в университете им. А.Мицкевича в Познани. Немалое значение имели и его отказ от должности секретаря ЦК ПОРП, и успех на выборах в качестве делегата готовящегося последнего съезда ПОРП, и то обстоятельство, что когда в ходе работы съезда сложилась ситуация совершенного хаоса и неразберихи, Квасьневский выступил с готовым проектом устава новой партии.

Будучи уверенным в успехе и видя, что он владеет аудиторией, А.Квасьневский ставит условие: он согласится возглавить партию, если получит право назвать 60 человек, которые войдут в ее руководящий орган, — и он это право получил. Подобный шаг был нужен новому лидеру, чтобы ввести в руководство новых людей, нацеленных на будущее, не размышляющих о том, нужны ли перемены, круглый стол и т.д. Людей, идущих вперед. И они сыграли свою роль, став той критической массой, которая помогла партии сбросить старую оболочку. Он искал людей, которые бы «не тосковали по старым временам, без всяких условий принимали бы демократический и суверенный характер государства, понимали бы необходимость глубоких политических и экономических реформ, но вместе с тем оставались бы верны просоциальной, левой ориентации» (36, с. 62).

На протяжении 90-х годов «новые левые» и находясь у власти, и пребывая в оппозиции показали, что они в полной мере усвоили правила

политической игры в условиях демократии и обрели достойное место в «новой Польше».

Несомненным доказательством этого явились президентские выборы 1995 г. «Выберем будущее», — призывал поляков кандидат в президенты от левых сил А.Квасьневский. И его призыв был услышан: 19 ноября лидер СДРП, глава социал-демократической парламентской фракции избирается президентом страны, став первым из 17 кандидатов, начавших президентскую гонку. Выборы проходили в два тура, и во втором — 51,72% избирателей проголосовали за Квасьневского, тогда как за его конкурента Валенсу — 48,28% поляков. Перевес был небольшим — всего 2,3% от числа граждан, имеющих право голоса. Но победа левых была бесспорной в 34 из 49 польских воеводств, причем даже на родине Валенсы предпочтение было отдано его сопернику. 70% поляков, имеющих право голоса, пришли на избирательные участки, что само по себе было беспрецедентным, причем за Квасьневского голосовала молодежь. Польша действительно выбирала будущее. 54% избирателей предпочли Квасьневского из-за его личных качеств, необходимых президенту, около 40% поддерживали и разделяли его программу (7, с. 19–20).

Избирательная кампания «левого» претендента на президентский пост была проведена динамично и профессионально: практически лишенный поддержки средств массовой информации, Квасьневский на своем «предвыборном автобусе» объехал почти 200 городов и деревень Польши, он успешно выступал, умел находить контакт с аудиторией, причем делал это не за счет агрессивности или популистских приемов, а вполне интеллигентно и аргументированно. Как правило, во время встреч с избирателями Квасьневский апеллировал к необходимости конструктивной, совместной работы во имя будущего Польши. «Польша для всех» — именно таков был основной избирательный лозунг второго тура выборов (2; 6).

Поляки, по мысли Квасьневского, просто не имеют права тратить время на бесконечные «разборки» с прошлым. Это совершенно бессмысленно, ведь чтобы не отстать от хода истории, так много надо сделать сегодня. И ему верили. Несмотря на то, что против Квасьневского действовала специальная общественная организация, ставящая целью не допустить избрание «коммуниста» и «безбожника». Действия этой организации состояли в провоцировании скандалов и драк, применении взрывных устройств и даже отравляющих газов во время выступлений Квасьневского (7, с. 17).

Конечно, не главным, но все же весомым фактором в пользу Квасьневского явилась его отличная физическая форма (он похудел, совсем отказался в те горячие дни от хлеба и мяса), прекрасно одевался и даже, как утверждали злые языки, использовал голубые контактные линзы, чтобы голубизна глаз отчетливее сочеталась с цветом голубых и синих сорочек. Сам Квасьневский впоследствии отрицал наличие этих пресловутых контактных линз, но факт его импозантности и привлекательности в ходе избирательной кампании 1995 г. признается всеми участниками событий.

Значительно большую роль, чем внешность претендента или песенка о нем «Олек, Олек», исполняемая известной рок-группой, сыграла организационная работа, проведенная в ходе кампании СДРП и СДЛС. Они имели свои партийные структуры во всех регионах Польши и самым активным образом включили их в работу. Пожалуй, окончательно стало ясно, что победит Квасьневский, после теледебатов, проведенных с участием Квасьневского и Валенсы. «Легенда “Солидарности”» был агрессивен и неубедителен, его угрозы «сломать хребет» коммунизму и его сторонникам, к числу которых Валенса относил и Квасьневского, не сбылись.

Квасьневский же проявлял сдержанность, спокойствие, интеллигентность, демонстрируя не верность идеалам прошлого, а отсутствие догматической предвзятости и несомненную устремленность в будущее. После теледебатов 8% избирателей изменили свое мнение, решив голосовать за Квасьневского. Он победил, но и после официального объявления результатов выборов противники Квасьневского пытались оспорить его победу: десятки тысяч жалоб поступили в Верховный суд Польши после завершения второго тура. В этих жалобах содержались сведения о якобы имевших место нарушениях избирательного закона. Кампания по подаче жалоб была организована с размахом: по стране распространялись отпечатанные типографским способом бланки заявлений в суд, и нужно было просто вписать в эти бланки свои данные. Инструкции по подаче жалоб распространялись и в эфире. Этим занималась католическая радиостанция «Радио Марии».

В конечном итоге все завершилось для Квасьневского благополучно, и 23 декабря 1995 г. в сейме проходила церемония приведения к присяге нового Президента Республики Польша. Прежний президент — Л. Валенса — покинул свой пост, что называется, «хлопнув дверью»: не было никакого акта передачи полномочий, никаких встреч с преемником.

Итак, кампания завершилась. Квасьневский стал президентом, но президентом страны, почти точно разделившейся пополам (если исходить из избирательских предпочтений). Он был уверен в целесообразности и необходимости действовать в соответствии с лозунгами своей избирательной кампании: «Выберем будущее» и «Общая Польша». Его кредо: «Президент должен действовать и проводить политику во имя всех поляков, в том числе и тех, которые за него не голосовали, и тех, кто его не любит. Сотрудничество в управлении государством — это забота об общем доме, в котором живут избиратели, принадлежащие к разным политическим партиям, а также люди, не интересующиеся политикой» (12, с. 29).

Что же удалось сделать для реализации этих целей? Сам Квасьневский, оценивая в 2000 г., накануне новых президентских выборов, свое пребывание на президентском посту в период 1995—2000 гг., в числе наиболее значительных достижений отметил, в частности, принятие новой конституции, проведение административной реформы и реформы самоуправления, развитие и модернизацию польской экономики, а также евроатлантический вектор движения Польши — вступление в НАТО и успешные переговоры о вступлении страны в ЕС.

Самой важной задачей своего президентства Квасьневский признавал укрепление демократического правового государства и создание для него необходимых правовых и конституционных рамок.

Новая польская Конституция была принята в 1997 г. после проведения специального референдума. Квасьневский называет принятый Основной закон «конституцией мудрого согласия и компромисса» (12, с. 38). Конституция ограничивала права как парламента, так и президента (он утратил право утверждать кандидатуры силовых министров, потерял часть полномочий в области внешних сношений, а также внешней и внутренней безопасности государства). Но все же роль президента в жизни страны достаточно значима: он является главнокомандующим, выдвигает кандидатуру главы Кабинета министров, участвует в формировании правительства, пользуется правом вето по отношению к законам, принимаемым парламентом.

Квасьневский много сил и времени отдал подготовке Конституции, вначале как председатель конституционной комиссии и впоследствии как президент.

В работе над Конституцией ее авторы старались руководствоваться тремя принципами: Речь Посполитая создается для граждан, именно они

являются субъектом Конституции; эффективная и успешная работа государства зависит от способности государственной власти к самоограничению, уважению других субъектов власти; создание демократического общества возможно лишь в условиях согласия и компромисса основных политических сил.

Конституция, по мысли президента, это основа гражданского общества. Она базируется на признании важности общественного диалога, на признании вспомогательной роли государства (22, с. 337).

А.Квасьневский — решительный сторонник идеи гражданского общества. В нем он видит одно из орудий развития демократии, создания демократического государства. Он отдает себе отчет в том, что Польша пока еще в начале пути создания гражданского общества. Это видно уже хотя бы по низкой активности населения в ходе парламентских выборов и выборов в органы самоуправления. В настоящее время, отмечает президент, главной проблемой является политическое воспитание в духе уважения права, пробуждения гражданской активности, создание демократических механизмов равновесия и контроля.

Права и свободы человека прописаны в Конституции в соответствии с нормами международного права. В ней обеспечивается определенный уровень социальной безопасности граждан. Экономический порядок, по Конституции, должен основываться на принципах социальной рыночной экономики (12, с. 44; 19, с. 415).

Конституция апеллирует к разным системам ценностей: к либерально-демократическим восходят принципы правового государства, этнического плюрализма, рыночной экономики; к социал-демократическим — принципы социальной справедливости, идея гражданского общества, охраны труда, социальных прав и гарантий; к христианско-демократическим — принципы солидаризма, признания человеческого достоинства, охраны семьи. Единство и неделимость государства, охрана культуры и национального наследия восходят к ценностям национально-патриотического ряда.

Особое значение для будущего государства, полагает Квасьневский, имеют конституционные нормы, касающиеся самоуправления. Исходным пунктом в этой сфере было введение территориального самоуправления на уровне гмины, что было осуществлено в соответствии с принятым в марте 1990 г. Законом о самоуправлении. По этому закону низшие административно-территориальные единицы Польши — гмины (а

также города) получили права юридических лиц, возможность распоряжаться собственностью и иметь свои источники финансирования.

А. Квасьневский считает эту реформу одной из наиболее удачных и придает ей весьма большое значение в контексте становления гражданского общества (27, с.7).

К числу несомненных успехов периода своего президентства Квасьневский относит тот, как ему представляется, непреложный факт, что польская экономика шла по пути развития, модернизации, особенно подчеркивая, что наиболее высокие темпы роста приходятся на период 1995–1997 гг. (т.е. то время, когда у власти была левиза).

Среди правящей элиты ПНР в последние годы ее существования не было недостатка, как полагает Квасьневский, в рационально мыслящих людях, понимающих необходимость и неизбежность реформ. Ярчайшее подтверждение этого — деятельность правительства Мечислава Раковского.

Ведь именно в то время были подготовлены проекты модернизации валютной системы, отпущены цены на продукты питания. «Без преувеличения можно сказать, что в правящих элитах заключительного этапа ПНР были люди, мыслящие перспективно, являющиеся действительными предвестниками успеха грядущей трансформации» (12, с. 61).

Реформы стали возможны именно потому, что много людей активных в период реального социализма смотрели на экономические проблемы так же, как люди, причастные к «Солидарности».

«Успех реформ, — замечает президент, — был, конечно, большой заслугой демократической оппозиции и результатом деятельности первого правительства “Солидарности”, но это был и успех разных политических сил, которые понимали, что без изменения польской экономики невозможна общественная трансформация» (12, с. 62)

Важно, что в правительстве Т. Мазовецкого, пришедшем на смену правительству М.Раковского, не стремились избавиться от всех работников министерств прежней системы. Многие из этих людей получили шансы найти свое место в новой реальности и сделали это. Тем самым удалось избежать появления целой армии недовольных и разочарованных.

А. Квасьневский высоко ценит правительство Т. Мазовецкого именно за его реалистичный, рациональный подход. В начале реформ Польша была в сложном положении. Ведь это был своеобразный «марш в неизвестное». Высоко оценивая заслуги Бальцеровича, президент пола-

гает, что тогда, в начале реформ, наверное только автор «шоковой терапии» и, возможно, его ближайшие соратники знали цену трансформации и способа ее успешной реализации. Реформы Бальцеровича увенчались успехом, но та цена, которую заплатило за них общество в виде социальных издержек реформ оказалась весьма существенной, а, по мысли Квасьневского, «ответственная экономическая политика не может абстрагироваться от цены реформ» (12, с. 76).

Закономерная смена правящей элиты в 1993 г. вызвала в некоторых слоях польского общества «нервную, а иногда и истеричную» реакцию. Приход к власти левых сил противники пытались соединить в сознании людей с неизбежной утратой доверия Запада и пустыми полками магазинов.

Но на деле все оказалось по-иному. А. Квасьневский считает, естественно, и себя ответственным за политику этого правительства и ее результаты. Он отмечает, что это была политика продолжения реформ, но не автоматического, а скорее творческого. И успехи были достигнуты весьма ощутимые. Экономическими проблемами в правительстве тогда занимался Г. Колодко. Его «стратегия для Польши», содержащая программу правительства, явилась изложением и его авторской позиции. «...Именно тогда, в период правления коалиции СДЛ–ПСЛ, Польша по-настоящему встала на путь модернизации» (12, с.79). В те годы безработица снизилась с 17 до 10%, оживились экспорт, инвестиционная политика. Именно тогда Польшу стали называть «тигром Европы» или, как говорил Г. Колодко, «взлетающим орлом».

В 1993–1997 гг. общество как бы отдыхало. «Роль Колодко состояла в успокоении общественных бурь, поднятых политикой Бальцеровича. Этот яркий, осторожный и, по сути, консервативный экономист очень подходил для этого» (12, с. 82).

Справедливости ради следует заметить, что, по мысли А. Квасьневского, в начале процесса трансформации крайний либерализм присутствовал больше на словах, чем на деле. На практике это был польский «прагматический либерализм» и это оказалось очень полезно для польской экономики.

Польские реформаторы действовали так, как будто не верили до конца, что невидимая рука рынка действительно все уладит (речь идет о мерах по контролю за деятельностью банков, о так называемом «пohмельном» налоге и т.д.).

«Часто слышны сетования, — замечает президент, — что общество становится консервативным, что стремится прежде всего к стабилизации. А к чему еще оно может стремиться? Мир меняется буквально каждый день, даже если не говорит этого вслух, ожидает какой-то передышки, в том числе от реформ и реформаторов» (12, с.85). А Квасьневский считает, что коалиция ИАС—СС совершенно несправедливо оценила деятельность своих предшественников, так как к моменту их прихода к власти экономика была на подъеме (7% роста, низкий уровень инфляции, низкий уровень безработицы).

Реформы, предпринятые либеральным правительством Е.Бузека, действительно нужны. Но подготовлены они были недостаточно, а финансовая сторона не продумана. Очевидно, замечает Квасьневский, вице-премьер и министр финансов Л. Бальцерович хотел повторить свой исторический опыт. Но все вокруг изменилось — и экономика, и политика. Изменилась и роль министерства финансов: из центра реформ оно стало тем, чем и должно быть, — просто министерством. Соответственно иной стала и роль министра. Поэтому «великие реформы на этот раз были проведены без министра финансов» (12, с. 87).

Бальцерович стремился завершить в Польше «либеральную революцию». А Квасьневский называет этот проект даже не либеральным, а «либертарианским». Но, как полагает президент, вряд ли в Польше возможно внедрение американской системы. Для нее более свойственны европейские модели.

Квасьневский убежден, что будущее Польши совершенно немыслимо вне «европейского дома», и именно на этом строит свою европейскую политику. Вступление Польши в НАТО, достаточно успешное движение страны в ЕС Квасьневский рассматривает как несомненные успехи периода своего президентства, всегда говорит об этом с особой гордостью и энтузиазмом (10, с. 154; 13, с. 65; 15, с. 129).

Поляки, с одной стороны, ощущают принадлежность к западноевропейской цивилизации, а с другой — свое отставание от Европы. Любая, даже самая невинная попытка поставить под вопрос принадлежность Польши к Европе вызывает у них раздражение и неприятие. Сама постановка вопроса о «возвращении» в Европу — уже повод для недовольства. Польша всегда была в Европе, ей не нужно туда возвращаться.

В Польше господствует убежденность, что если бы не ялтинская система, не железный занавес, страна активно участвовала бы в процессе европейской интеграции. Но даже в тех условиях, которые сложились

после Второй мировой войны, Польша, в отличие от других стран социализма, не была совершенно изолирована от остальной Европы.

А. Квасьневский апеллирует к опыту собственной молодости и молодости своих ровесников, вспоминая, с каким энтузиазмом молодежь 70-х путешествовала по Европе, восхищаясь экономическими достижениями, уровнем жизни, открывая вместе с тем свою «европейскую идентичность».

Выбор Польшей европейского и евроатлантического вектора развития был естественным и рациональным (12, с. 240). Успехи ЕС несомненны. Принадлежность к ЕС помогла каждой стране-участнице в полной мере использовать шансы своего развития, поднять уровень жизни граждан, сохранить окружающую среду, установить хорошие отношения с соседями. Всего этого может достичь и Польша.

«Привлекательность Союза находит своеобразное подтверждение à rebours. Несмотря на критику некоторых решений Союза и неприятные инциденты, нет никаких признаков того, чтобы кто-то намеревался оставить Союз. Баланс положительных и отрицательных моментов не вызывает сомнений» (12, с. 244).

Для Польши, как полагает Квасьневский, в силу ее географического положения, культурных и цивилизационных связей с Европой стремление в ЕС совершенно естественно. «Принадлежность Польши к сообществу призвана увеличить наш потенциал, а потому соответствует польским государственным интересам, полезна для страны. Политически эта полезность определяется тем, что вступление Польши в ЕС позволит ей укрепить связи с теми европейскими странами, которые входят в число мировых лидеров. Кроме того, это дает возможность Польше наладить партнерское сотрудничество с лучшими международными организациями, обеспечивающими безопасность стран и народов. С точки зрения экономической, членство в ЕС откроет для Польши один из наиболее развитых рынков мира, характеризующийся свободой движения людей, капиталов, товаров и услуг. Мы можем надеяться также на быстрое поступление инвестиций и новых технологий, на открытие для нас западноевропейского рынка труда» (12, с. 241).

Квасьневский убежден, что вступление в ЕС изменит польское общество. Уже сейчас само наличие цели способствовало консолидации политической элиты, без чего невозможны были бы польские реформы в столь широком масштабе.

Не все в ЕС ждут Польшу с распростертыми объятиями. Говорят и о цене ее вступления, о проблемах и расходах. Но ЕС, по мнению А. Квасьневского, не просто военная, экономическая и политическая организация. Это еще и общность европейских ценностей. Задержка в процессе объединения Европы отрицательно сказалась бы на исторической миссии европейского проекта.

Квасьневский констатирует, что в польском обществе, несомненно, присутствует определенный скептицизм по вопросу о вступлении в ЕС. С этим евроскептицизмом необходимо считаться и более открыто и ясно говорить не только о трудностях вступления в ЕС, но и о тех выгодах, которые с этим сопряжены. Поляки часто опасаются, что членство в ЕС приведет к ограничению суверенитета Польши. По мнению А. Квасьневского, «наше полноправное членство в Союзе открывает перед нами гораздо большие шансы реализации стратегических и национальных интересов, чем самостоятельное существование на периферии европейского сообщества» (12, с. 256).

Изоляция, ощущение собственной исключительности — не для Польши, тем более что в силу своих особенностей Польша полноценно существовать может лишь в составе некоего сообщества.

Точно так же безосновательны опасения, что Союз представляет опасность для национальной идентичности. Как раз сохранить свою специфику, духовную уникальность Польша сможет, лишь став открытой страной, тем более что, как полагает Квасьневский, интегральным элементом польского духовного наследия является открытость миру, толерантность, уважение к другим взглядам и идеям.

«Я убежден, что наше вступление в ЕС не угрожает польской идентичности. Скорее, наоборот, — в определенном смысле этот шаг будет своеобразным возвращением к собственным, вековым культурным государственным традициям, основанным в значительной степени на латинском христианстве» (12, с. 258–259).

Именно поэтому вступление в ЕС решительно поддержали Иоанн Павел II и широкие круги польского духовенства. «Идеи солидарности, субсидиарности или уважения к правам человека не только лежат в основе европейской интеграции, но имеют мощные корни в истории всей латинской цивилизации, а также нашей национальной традиции» (12, с. 259). Если вступление в ЕС еще является для Польши делом будущего, то другая важная цель евроатлантической стратегии страны уже достигнута: в 1999 г. Польша стала членом НАТО.

Вступление в НАТО расценивается Квасьневским как историческое событие, позволившее Польше достичь максимально возможной безопасности. Впервые в течение последних 300 лет Польше непосредственно ничего не угрожает. Президент постоянно подчеркивает, что движение страны в НАТО было результатом усилий политиков всех ориентаций, действующих на польской политической сцене в 90-е годы. Подчас иронически замечают, что «успех имеет много отцов», но на этот раз это было правдой (12. с. 219).

Заметим, что в дифференцированном и далеком от единства польском обществе 90-х годов за вступление в НАТО высказалось более 80% поляков. Даже вполне сознаваемые опасения по поводу возможного ухудшения отношений с Россией не являлись сдерживающим фактором.

По мысли А. Квасьневского, новая система европейской безопасности должна включать в себя три элемента: НАТО — как союз, обеспечивающий безопасность на европейском континенте; ОБСЕ, в задачу которой входит выработка основ сотрудничества в масштабах, выходящих за рамки НАТО; ЕС — как организация, создающая условия для экономического, политического и цивилизационного развития.

Особая роль Польши в этой системе заключается в распространении сферы сотрудничества в восточном направлении. «Я всегда буду сторонником преодоления складывающихся на протяжении многих лет предубеждений по отношению к России и страха перед ней в странах Восточной Европы. В этом я вижу роль Польши. Мы должны быть не только мостом между Западом и Востоком. Мы должны быть мостом между бывшими советскими республиками и Россией» (30. с. 236).

Квасьневский обращает внимание на то, что в системе европейской безопасности происходят фундаментальные перемены. Определяющей чертой этих перемен является переход от конфронтации к сотрудничеству, от порядка, основанного на политическом равновесии сил и взаимном устрашении, к системе, основой которой является уважение общих ценностей: свободы, демократии, прав человека, главенства закона. Растут значение невоенных угроз безопасности и роль международных организаций в противостоянии этим угрозам.

Для определения того положения вещей, которое сейчас складывается в Европе, употребляется термин «брюссельский порядок». Символами прежних эпох были Версаль, Ялта, Хельсинки. Теперь таким символом стал Брюссель — столица НАТО и ЕС. Этот порядок сейчас находится в стадии формирования, и Польша должна сыграть свою ак-

тивную роль в этом процессе. Тем более, что Польша имеет все шансы занять одно из ведущих, а может и ведущее место в регионе. Ведь это страна, располагающая населением в 40 млн. человек и армией в 200 тыс. человек, страна стабильной демократии и успешно развивающейся экономики. По своему потенциалу Польша, по мысли Квасьневского, может быть сравнима с Испанией.

По мнению А.Квасьневского, НАТО не может выполнить стоящих перед ней задач без выраженного американского лидерства. В задачу польской внешней политики входит максимально возможное ослабление антагонизма между США и европейскими партнерами НАТО. Только США может быть как с точки зрения военной, так и политической истинным гарантом польской безопасности.

Разъясняя свою позицию, Квасьневский констатирует: США — великая держава, а Польша — одна из центральноевропейских стран. Но в задачу польской внешней политики должно входить всемерное укрепление сотрудничества и не только в рамках НАТО. Возможной сферой сотрудничества должна стать поддержка Польшей прозападной ориентации на Украине.

В этой связи встает вопрос об отношении президента к идее славянской взаимности, славянского единства.

Поляки, замечает Квасьневский, никогда не разделяли идеи славянского единства, направленного против западноевропейской цивилизации, частью которой они всегда себя ощущали. На протяжении двух веков Польша боролась против агрессии с востока, защищая свою независимость, а также против попыток русификации.

Но Польша всегда была открыта для культурных контактов и считает необходимым активно участвовать в объединяющейся Европе и в развитии связей между славянскими народами. Славянские народы активно включены в создание единой Европы, и их земли не должны стать «сферой рецидива антизападного панславизма». Этническое родство не может препятствовать сотрудничеству с другими странами региона. Оно не может заменить такие ценности, как демократия, правопорядок, права человека, субсидиарность, принципы свободного рынка — то, что составляет основу европейского сообщества в рамках ЕС и НАТО (12, с. 207–208).

Срединное, между Востоком и Западом, положение Польши, по мысли А.Квасьневского, в разные исторические периоды поразному сказывалось на судьбах страны. Когда Польша была достаточно сильна,

чтобы сохранять свою независимость, ее положение на пересечении важных торговых путей, ее доступ к морю приносили немало экономических выгод, а культура католического Запада и православного Востока творчески обогащала собственно польскую культуру. Последняя, в свою очередь, не только пользовалась достижениями соседей, но и сама смогла им многое предложить.

В нынешней ситуации объединенная Европа создается не только усилиями западной части континента: важной составляющей этих усилий является вклад Центрально-Европейского региона (12. с. 186–187).

А. Квасьневский отмечает, что, став президентом, он сделал региональное сотрудничество приоритетным направлением своей внешне-политической деятельности, полагая, что это явится польским вкладом в объединение Европы (16, с. 186).

Польская региональная политика может быть представлена в виде самостоятельных, но частично налагающихся друг на друга кругов. Первый включает в себя отношения с соседями (а Польша после 1989 г. имеет совсем других соседей, чем прежде: ими стали Германия, Чехия, Словакия, Россия, Литва, Белоруссия и Украина).

Второй круг включает в себя создание различных сфер регионального сотрудничества. Третий — деятельность Польши на всем пространстве от Балтийского до Черного моря.

Применительно к проблемам первого круга следует заметить, что наибольшую сложность представляло урегулирование отношений с восточными и западными соседями. До недавнего времени отношения с Германией относились к числу труднейших в польской внешней политике (не считая периода ГДР, дружбу с которой А.Квасьневский считает искусственной, предписанной сверху). Настоящей Германией поляки всегда считали ФРГ. Отношения с этой страной были отягощены наследием прошлого, драматическими событиями, связанными с войнами. В послевоенной ФРГ шли сложные процессы переоценки прошлого, построения демократического общества. Но в Польше официальная пропаганда упорно рисовала образ врага, немца, который всегда останется немцем-агрессором. При этом вспоминались только войны и конфликты и сознательно замалчивались длительные периоды польско-германского экономического сотрудничества, взаимного и плодотворного культурного влияния.

Ныне Германия — основной экономический партнер Польши, ее главный инвестор. Между странами существуют тесные дипломатиче-

ские контакты. Историческое прошлое еще оказывает влияние на польско-германские отношения, но уже не мешает плодотворному сотрудничеству.

Тем более что Германия неуклонно выступает защитницей интересов Польши на международной арене, хотя со временем отношения между странами становятся все более равноправными и партнерскими.

Отношения с Россией — восточным соседом Польши на протяжении веков были отягощены многими проблемами и конфликтами. Уже с XVIII в. в польской истории началась эпоха российского доминирования, а потом и прямой зависимости Польши от России. И эта эпоха длилась более двух веков. Экономические и культурные контакты, в отдельные периоды весьма оживленные, не меняли, в сущности, сложного характера отношений между народами, отношений победителя и побежденного, палача и жертвы.

Пакт Риббентропа—Молотова, события 17 сентября, связанные со вступлением советских войск на территорию Польши, расстрел польских офицеров в Катыни, отказ в помощи Варшавскому восстанию в 1944 г., весь период 1944—1989 гг., когда многое в Польше определялось указаниями из Москвы, — все это не способствовало улучшению взаимоотношений между странами.

В период «народной Польши» степень зависимости от Кремля в разные годы была различной, но отношения между странами никогда не отличались необходимой взаимной открытостью, а Польша всегда ощущала их невыгодность для себя. Это осознавали и политические элиты, в 70—80-е годы уже не видевшие никакого интереса для себя в факте советского доминирования.

После событий конца 80-х — начала 90-х годов и в Польше, и в России изменился общественный строй, и обе страны начали выстраивать новые отношения.

Но и сейчас, в начале нового века и нового столетия, грехи прошлого довлеют над ними. Хотя, конечно, то обстоятельство, что Россия осудила сталинские преступления и помогла прояснить тайну Катыни, сыграло несомненную положительную роль.

Но боль и гнев живут глубоко в историческом сознании и психике поляков. И это будет до тех пор, пока поляки не получают хотя бы морального, символического удовлетворения. «Великая Россия, — как полагает Квасьневский, — не любит просить прощения... Там нет должной

готовности к моральной оценке прошлого, даже своего собственного, не говоря уже о прошлом во взаимоотношениях с соседями...

Каждый народ имеет право на собственную трактовку своей истории. Нельзя, однако, использовать льготный тариф, когда речь идет об обидах, причиненных другим народам» (12, с. 198).

А.Квасьневский сравнивает Россию с Германией, которая, став после войны вновь великой державой, не колеблется просить прощения у обиженных народов, давая им как моральную, так и материальную компенсацию. Это стало возможным благодаря наличию в Германии демократической политической элиты, интеллигенции, благодаря «хорошо понимающим свою миссию христианским церквям». В России же, по мнению польского президента, всего этого нет.

Российское общество, полагает он, ищет утешение от повседневных трудностей в ностальгии по прежней эпохе, а не в идеалах современной демократии и открытости. В интересах Польши всемерно поддерживать процесс демократизации в России. В этом поляки заинтересованы как никто другой.

Особая роль в польской внешней политике принадлежит Украине, Литве и Белоруссии. Слишком многое сближает эти народы. «В каждом поляке есть какая-то частичка литовца, белоруса и украинца. И, напротив, можно признать, что в каждом из наших соседей есть какая-то частичка поляка» (12, с. 199).

Стратегический партнер Польши в регионе — Украина. История взаимоотношений обоих народов изобилует сложными страницами, причем конфликты новейшего периода, в частности события 1943–1947 гг., несомненно оказывают влияние на сознание людей, хотя и не препятствуют тесным и плодотворным дипломатическим и политическим контактам.

Не менее важно для Польши налаживание близких и даже сердечных отношений с литовцами и белорусами. А.Квасьневский подчеркивает, что характер его политики по отношению к Литве, Белоруссии и Украине формировался под влиянием политических взглядов Е.Гедройца<sup>11</sup>, которого он лично знал и с которым переписывался. Именно благодаря Е. Гедройцу «мы стали в нашей внешней политике проукраинскими, но

---

<sup>11</sup> Е.Гедройц (1906–2000) — многолетний редактор издаваемого в Париже и очень популярного в Польше журнала «Культура», оказавшего, по признанию Квасьневского, большое влияние на формирование его взглядов.

не антироссийскими. Польша выработала восточную политику, которая служит не только нашим интересам, но и Европе» (47, с. 8).

Британский историк и публицист Т.Эш отчасти в шутку говорил: «Покажи мне, что ты считаешь Центральной Европой, и я скажу тебе, кто ты». Приводя эти слова, А. Квасьневский замечает, что понятие Центральной Европы менялось с течением времени и в зависимости от точки зрения. В истории немецкой политической мысли *Mitteleuropa* — это пространство, отделяющее Германию от России. В польской традиции к Центральной Европе несомненно относится весь регион, входивший некогда в состав Речи Посполитой. Чехи и венгры видят Центральную Европу в границах монархии Франца Иосифа.

Но независимо от своей географии, Центральная Европа — это не только территория, это еще и духовная связь, чувство общности исторических судеб.

Ядром Центральной Европы являются Польша, Венгрия, Чехия и Словакия. Именно эти страны в 90-е годы отличались политической стабильностью и экономическим ростом, умело используя открывающиеся исторические шансы. Создана Вышеградская группа. Польша, Венгрия и Чехия вступили в НАТО, развиваются контакты с ЕС. Для Польши Центральная Европа — это второй круг внешней политики, после взаимоотношений с соседями. Третий круг — это региональное сотрудничество на всем пространстве от Балтики через Центральную Европу к Черному морю.

Участие Польши в процессе европейской интеграции иногда вызывает опасения, как отмечалось выше, связанные с угрозой национальной идентичности. Последняя рассматривается президентом как неоспоримая ценность, выработанная в ходе исторического развития народа. Но нет оснований бояться, что интеграция поглотит ее. Польша имеет шансы стать в центре круга европейской цивилизации. Ее лучшие культурные достижения могут войти в пантеон европейской культуры.

Хотя идентичность и не является неприступной крепостью, процессы универсализации и глобализации представляют определенную опасность. Выражением последней является и мощный натиск американской массовой культуры. От этого натиска защищаются все в Европе. И Польше будет это легче делать вместе с другими европейцами. Апеллируя к мысли известного польского публициста Ю.Мерошевского (статьи которого публиковались на страницах парижской «Культуры»),

А.Квасьневский отмечает, что история движется в одном направлении — только вперед.

Суть своих политических воззрений, являющихся его ориентиром в потоке исторического бытия, А. Квасьневский определяет следующим образом: «Я человек левицы, либеральный социал-демократ» (29, с. 192). «Это значит, — поясняет польский президент, — что в системе демократических ценностей, прав человека я являюсь сторонником либеральной концепции, которая прежде всего акцентирует субъектность человека, его права. И одновременно ждет от него ответственности.

Вместе с тем, если речь идет о моих политических взглядах, то они, несомненно, социал-демократические, что включает в себя толерантность, свободу совести, независимость собственных взглядов и вероисповедания, заботу о социальных проблемах людей... Если речь идет о сочетании экономики с социальной политикой, то я выступаю за поиск компромисса между так называемыми либеральной и социал-демократической концепциями. ... Мне близки взгляды британского премьера Тони Блэра, главы лейбористской партии и его советников, принадлежащих к Лондонской экономической школе, авторов многих интересных публикаций на тему соединения мира либеральной рыночной концепции и монетаризма с социал-демократической социальной политикой и с борьбой за социальную справедливость, которая не является только лозунгом» (31, с. 285).

«...Где точка равновесия, — размышляет президент, — между законами экономического развития и помощью людям, попавшим в беду? Как сочетать прагматизм, стремление к успеху с социальной отзывчивостью, с человеческой сердечностью? На этот вопрос политики все еще не могут ответить. Я хотел бы, будучи президентом, искать этот ответ и найти его» (17).

А. Квасьневский признает, что социальная справедливость — понятие относительное и каждый вкладывает в него свой смысл. Но, вместе с тем, при любом подходе это понятие включает в себя доступ (или отсутствие такового) к системе образования, здравоохранения. Это проблема доступа к культуре жителей села и малых городов, это проблема бедности и нищеты по независящим от человека причинам. Ведь есть бесспорное понятие человеческой солидарности.

А. Квасьневский приводит слова католического философа, ксендза Ю. Тишнера: «Бедность не должна быть святой, а богатство не должно быть грешным».

Польский опыт и опыт других стран показали, что идеального общего пути нет. У каждой страны он свой. Польша первых лет трансформации имела как бы два лица — «лицо холодного технократа — Лешека Бальцеровича — и близкое, доброе лицо Яцека Куроня, этого “гостя с разливной ложкой”, раздававшего суп бездомным» (12, с. 107).

А. Квасьневский называет Куроня «выдающимся поляком», замечая: «Бальцерович конструировал реформы, Куронь их очеловечивал». Он как никто другой понимал сложность процесса трансформации для каждого конкретного человека, понимал, как важно для людей ощущение, что кто-то о них думает, по-человечески сочувствует и хочет помочь. Именно Куронь, иногда вопреки Бальцеровичу, пытался внести в экономическую политику просоциальные элементы (возможность раньше пойти на пенсию, индексация социальных выплат, пенсий и пособий и т.д.). Благодаря ему самые слабые оказались под относительной защитой. «Такое понимание трансформации, акцентирование роли социального диалога, которые представлял и ныне представляет Яцек Куронь, близки мне» (12, с. 108).

Европейский левоцентризм, замечает А. Квасьневский, понимает социальную справедливость прежде всего как равенство шансов, а не равенство распределения. Левоцентристы выступают за признание большей роли личной активности человека, самоорганизации общества. Но при этом, подчеркивают они, необходимо сочетание рыночных механизмов и общественной солидарности.

В силу этих обстоятельств, полагает Квасьневский, правительство в новых условиях не должно действовать как в классических традициях левицы, так и либерализма, государственная власть должна шире использовать опосредованные, более тонкие механизмы влияния на экономику и социальную сферу. Квасьневский замечает, что при всей расположенности к концепции «третьего пути», отрицающего как постулаты «старых левых», так и неолиберальных «новых правых», он осторожно подходит к этой концепции, «особенно в контексте ситуации в Польше. Тони Блэр в несколько ином положении — он может использовать богатые традиции демократии и рыночной экономики. В Польше же в первую очередь речь идет об укреплении и дальнейшем развитии демократии и ее институтов. Речь идет — и это, возможно, самая сложная задача — о создании гражданского общества... Естественно, в число моих целей входит... создание эффективной рыночной экономики. Но составляющей этой эффективности является способ реагирования экономики на соци-

альные проблемы и возможности их решения. В этой сфере нужно достичь равновесия». Президент полагает, что разница между ним и Тони Блэром состоит в том, что «Блэр для меня является социал-демократом, который в действительности — социал-либерал. Отсюда его поиск третьего пути. Я же еще не зашел так далеко — я социал-демократ, который пытается стать хорошим социал-либералом. В этом состоит мое понимание нынешнего периода истории Польши. Это особый период, в задачу которого входит изменение старого и вместе с тем создание чего-то нового без потери равновесия» (18. с. 252).

Польша обращается к опыту европейских государств, а этот опыт показывает, что участие в процессах глобализации и экономическое развитие отнюдь не обязательно вступают в противоречие с реализацией социальных функций государства. Принятие концепции «третьего пути», по мнению А. Квасьневского, «требуется отказа от мнимого противоречия между правами и ответственностью, между общественным и частным секторами, а также от искусственных антиномий между производителем и потребителем, между работником и работодателем» (12, с. 123).

Успешные реформы, указывает президент, возможны только при условии диалога с обществом, при условии борьбы с бедностью. Он апеллирует при этом к позиции «великого уполномоченного» по борьбе с бедностью Иоанна Павла II (12, с. 126).

Ключом к эффективной социальной политике А. Квасьневский считает развитие малого и среднего бизнеса, полагая, что это поможет создать настоящий средний класс — основу стабильности демократичной социальной структуры.

При этом президент считает совершенно необходимым добиваться соблюдения на практике принципа равномерного развития страны (прописанного, между прочим, в Конституции). Ведь Польша «за городом» — это 94% территории и 40% жителей!

В качестве одной из важнейших задач, стоящих перед современными политиками, президент рассматривает создание равного старта для молодежи и деревни, и малых городов, с тем, чтобы молодые люди «так же, как некогда Лешек Миллер или Александр Квасьневский, могли покинуть свои городки, чтобы сделать нечто большее для Польши» (36, с. 132).

Квасьневский часто акцентирует в своих высказываниях мысль о том, что коммунизм безвозвратно ушел в прошлое — в Польше нет ни малейшей угрозы возвращения коммунизма и его идеологии как в орто-

доксальной, так и в любой другой форме. «Я убежден, — заявляет он, что наша страна на другом берегу реки» (18, с. 25).

В современной Польше многие считают, что в этом переходе сам А. Квасьневский сыграл далеко не последнюю роль. Его иногда даже сравнивают с Моисеем, переведшим свой народ, правда, не через реку, а через Черное море.

«На этом другом берегу, — отмечает президент, — нашей задачей является формирование такой левицы, которая в высшей степени ответственно и творчески была бы в состоянии ответить на вопросы об облике демократии, экономики, равновесии между механизмами свободного рынка и социальной отзывчивостью левицы, толерантной и открытой для других политических группировок, левицы..., которой бы доверяли» (18, с.251).

Квасьневский подчеркивает, что для польской левицы, имеющей свои корни в посткоммунистическом лагере, это особенно трудная задача. Ведь доверие нельзя ввести декретом, замечает президент. Но левица его обрела, и свидетельством тому результаты выборов.

Квасьневский задумывается и о перспективах левых в Европе. Задача современных левых — расширение Европы, интеграция, «слом всех исторических барьеров, которые еще существуют в Европе... Я считаю, что если составить список великих исторических вызовов для европейской левицы, то станет ясно, что нет большего вызова и задачи и ничто не обеспечит важного места европейской левицы на рубеже веков, как великая идея интеграции. Она включает в себя расширение ЕС, расширение системы безопасности посредством укрепления НАТО» (18, с.254).

\* \* \*

Последнее десятилетие XX в. стало для Польши временем серьезных потрясений и глубоких перемен. В стране произошла демократическая революция, были проведены системные реформы. В известной степени Польша была готова к этим преобразованиям: на протяжении всего периода социализма в Польше сохранялись элементы рыночной экономики (преобладание частного сельского хозяйства, относительно развитый ремесленный сектор); в 80-е годы в Польше были предприняты и попытки экономических реформ, которые, несмотря на свой ограниченный характер, все же явились определенной ступенью на пути к рынку. В

стране никогда не было абсолютного господства официальной идеологии, с 70-х годов определенное место в общественной мысли занимают взгляды польской демократической оппозиции, в 80-е годы формируется реформаторское крыло в ПОРП.

Само начало движения в сторону демократических преобразований началось в 1989 г. в результате деятельности «круглого стола». В Польше «отсутствовало серьезное сопротивление реформам как со стороны политических элит, так и со стороны значительной части населения» (3, с. 39).

В известном смысле можно сказать, что демократический вектор развития, путь перемен был избран всем польским обществом, а потому переход «через долину слез» (по выражению Р. Дарендорфа) поляки совершают достаточно успешно, опережая и по темпам экономического роста, и по степени развития демократических институтов многие страны ЦВЕ, вместе с ними начавшие путь по этой долине.

А. Квасьневский стал одним из тех, кто возглавил польское государство в этот ответственный период его истории, дважды победив на президентских выборах своих соперников, причем, если победа 1995 г. была трудной и почти половина избирателей не поддержали его, то выборы 2000 г. показали, что А. Квасьневский действительно «президент всех поляков».

Вместе с тем Квасьневский-политик (что, наверное, естественно) вызывает в польском обществе крайне неоднозначные оценки, и определенная часть политической элиты относится к нему с явной дистанцией. Его упрекают и в неоправданной риторике, и в отсутствии твердых убеждений, и в демагогии. Но рейтинги Квасьневского неизменно высоки, и никакие удары, наносимые противниками в ходе предвыборной борьбы, принципиально их не изменили.

На первый взгляд кажется парадоксальным, что в стране, уходящей от «коммунизма», столь популярен политик, не пытающийся скрыть своего «коммунистического прошлого», и что ему не мешает даже особая позиция в религиозном вопросе. Но это кажется парадоксальным только на первый взгляд. Квасьневский достаточно четко расставил акценты в своем отношении к прошлому: решительно осудив его ошибки и преступления, он вместе с тем не отнял ни у себя, ни у других поляков права на будущее. Он выбрал это будущее, определив его как движение к рыночной экономике, к демократии, к европейской интеграции. Но это движение, основанное на принципах общественной солидарности и социальной

справедливости. Сравнивая этот путь с нелегким путем между Сциллой и Харибдой, Квасьневский считает его реальным, апеллируя при этом к опыту европейской социал-демократии. Этот прагматичный политик реформаторского типа сумел возглавить переход поляков на «другой берег» и доказать им, что на другом берегу лучше и назад пути нет (8, с. 10; 42, с. 34).

Прагматизм и реализм А.Квасьневского оказались в полной мере соответствующими духу времени и настроениям польского общества, значительная часть которого, так же как президент, не желает «тратить время», а стремится обрести свое достойное место в новой реальности, избегая при этом «великих потрясений».

«О вождях, лидерах, — убежден Квасьневский, — свидетельствуют не только те революции, которые они возглавили. Но и те, которых они избежали, достигнув, тем не менее, поставленных целей» (36, с. 41).

## Список литературы

1. Бухарин Н. Общественно-политический конфликт 80-х годов в Польше // Социальные конфликты в тоталитарной системе. — М., 1991. — С.71–121.
2. Бухарин Н. Как Александр Квасневский стал президентом // Власть. — М., 1996. — N3. — С.76–81.
3. Бухарин Н., Сеницына И., Чудакова Н. Польша: Десять лет по пути реформ // Новая и новейшая история. — М., 2000. — N3 — С.38–54.
4. Вести Европы // ИТАР-ТАСС. — М., 1993. — 20 окт. — Сер. «СЕ». — С.24.
5. Кашлев Ю. Президентские выборы в Польше // Междунар. жизнь. — М., 1996. — N1. — С.54–62.
6. Михник А. Бархатная реставрация // Известия. — М., 1994. —30 сент. — С.4.
7. Потемкин А. Польша: выборы нового президента // ИТАР-ТАСС. — М., 1995. — 30 дек., «Компас». — N 80. — С.15 — 28.
8. Graczyk R. Swój chłop w pałacu // Gazeta Wyborcza. — W-wa, 2000. — 29/30lip. — S.8–10.
9. Deklaracja socjaldemokracji Rzeczypospolitej Polskiej // Trybuna kongresowa. — W-wa, 1990. — 1lut. — S.1–3.
10. Kwaśniewski A. Bezpieczeństwo-wspólna sprawa:artykuł do «Trybuny» 23 kwiet. 1999 r. // Kwaśniewski A. Przemówienia, listy, wywiady: wybór. — W-wa, 1999. — S.154–156.
11. Kwasniewski A. Czas decyzji i działań: wystąpienie na spotkaniu z robotnikami w Pisz 19 lut. 1999r. // Ibid. — S.50–55.
12. Kwaśniewski A. Dom wszystkich Polska. — W-wa, 2000. — 310 s.
13. Kwaśniewski A. Granice Europy: wystąpienie podczas konferencji «Victoria Meeting» (fragmenty), 18 lut. 1999r. // Kwasniewski A. Przemówienia, listy, wywiady: wybór. — W-wa, 1999. — S.65–69.
14. Kwasniewski A. List do prof. Z.Brzezińskiego: W-wa 30 marc. 1998r. // Ibid. — 1998. — S.92.
15. Kwasniewski A. List do wiceprezydenta USA Ala Gore: W-wa, 1 maj 1998r. // Ibid. — S.129.
16. Kwasniewski A. Margines błędów ( z A. Kwaśniewskim rozmawia M. Turski) // Polityka. — W-wa,1993. — N 40. — S.3.
17. Kwasniewski A. Prezydent PR A.Kwasniewski wziął udział w krajowej konferencji Sojuszu Lewicy Demokratycznej. — Режим доступа: <http://www.prezydent.pl/nowości/wywiad.html>
18. Kwaśniewski A. Transformacja komunizmu: konferencja wiedeńskiego Instytutu nauk o człowieku (wystąpienie prezydenta RP i fragmenty dyskusji, Wiedeń, 27 czerw. 1999 r.) // Kwasniewski A. Przemówienia, listy, wywiady: wybór. — W-wa, 1999. — S.249–254.

19. Kwaśniewski A. Wystąpienie na spotkaniu Brytyjskiej Izby Handlowej: W-wa, Hotel Marriott, 9 grud. 1998 r. // Ibid. – 1998. – S.415–419.
20. Kwaśniewski A. Wystąpienie na spotkaniu noworocznym z korpusem dyplomatycznym, W-wa, Pałac prezydencki, 15 stycz. 1998 r. // Ibid. – S.18–20.
21. Kwaśniewski A. Wystąpienie podczas ceremonii odznaczenia Jacka Kuronia i Karola Modzelewskiego, W-wa, Pałac prezydencki, 6 marc., 1998 r // Ibid. – S.63–64.
22. Kwaśniewski A. Wystąpienie na konferencji w pierwszą rocznicę wejścia w życie konstytucji Rzeczypospolitej Polskiej z 2 kwiet. 1997 r., W-wa, 17 paźd. 1998 r. // Ibid. – S.336–337.
23. Kwaśniewski A. Wystąpienie na konferencji: Wynegocjowany upadek komunizmu – polskie rozmowy Okrągłego Stolu 1989 roku, dziesięć lat później, w Uniwersytecie Michigan, Ann Arbor 10 kwiet. 1999 r. // Ibid. – 1999. – S.124–128.
24. Kwaśniewski A. Wystąpienie w czacie dnia polskiego na «Szczyście partnerstwa» w Chennai (Madras) 10 stycz. 1998 r. // Ibid. – 1998. – S.14–16.
25. Kwaśniewski A. Wystąpienie w 10 rocznicę obrad «Okrągłego Stolu», W-wa, 6 lut. 1999 r. // Ibid. – 1999. – S.40–43.
26. Kwasniewski A. Wystąpienie na posiedzeniu międzynarodowego forum Bartelsmana «Granice Europy – szanse i zagrożenia», Berlin, 4 lip.1998 r. // Ibid. – 1998. – S.216–218.
27. Kwaśniewski A. Wywiad dla «Gazety wyborczej»: rozmawiajcie z prezydentem, 3/4 stycz.1998 r. // Ibid. – S.5–8.
28. Kwaśniewski A. Wywiad dla «Głosu Wybrzeża»: wrociliśmy z wakacji zmienieni, W-wa, 1 wrześ., 1998 r. // Ibid. – S.257–258.
29. Kwaśniewski A. Wywiad dla Polskiej Agencji Prasowej: przed szczytem kompromis, W-wa, 23 czerw. 1998 r. // Ibid. – S.191–192.
30. Kwaśniewski A. Wywiad dla «Polski Zbrojnej», 1 sierp. 1998 r. // Ibid. – S.235–240.
31. Kwaśniewski A. Wywiad dla tygodnika» Z niedzieli na niedzielę»: serce mam po lewej stronie, W-wa, 20 wrzes., 1998 r. // Ibid. – S.285–286.
32. Kwaśniewski A. Wywiad dla tygodnika «Nowiny Kurier»: to nie Żydzi opuścili Polskę, to Polska opuściła Żydów, W-wa, 27 marc. 1998 r. // Ibid. – S.86–89.
33. Kwaśniewski A. Wywiad dla wydawnictwa Multimedia, Śląsk, paźd. 1998 r. // Ibid. – S.303–308.
34. Kwaśniewski A. Wywiad dla «Die Weltwoche»: Berno, 15 lip. 1999 r. // Ibid. – 1999. – S.284–286.
35. Kwaśniewski A. Wywiad dla Radia Zet (fragmenty), 18 czerw. 1999 r. // Ibid. – S.225–227.
36. Machejek J. Kwaśniewski: «...nie lubie tracić czasu.» – Łódź, 1995. – 206 S.
37. Marody M. W poszukiwaniu sensu zbiorowego // Polityka. – W-wa, 1993. – N42. – S.4.
38. Miedzy wyobrazeniem a prawdą // Trybuna. – W-wa, 2000. – 15wrzes. – S.10–11.

39. Milewicz E. Śliska droga kaliska // *Gazeta Wyborcza*. – W-wa, 2000. – 10 paźd. – S.2–3.
40. Nosowski Z. Katharsis? Kościół w Polsce a wybory prezydenckie 1995 // *Wież.* – W-wa, 1996. – N 1. – S.56–80.
41. Paradowska J. Nokaut w 1 rundzie // *Polityka*. – W-wa, 2000. – N42. – S.15–17.
42. Pradetto A., Weckmuller C. Eliten in postkommunistischen Landern: die neue Generation von Presidenten (Studien zur internationalen Politik). – Jeomburg, 2000. – H.2. – 62 S.
43. Uchwała XI zjazdu // *Trybuna Kongresowa*. – W-wa, 1990. – 30 stycz.
44. Wybory // *Gazeta Wyborcza*. – W-wa, 2000. – 6 paźd. – S.8.

Л.С.Лыкошина

## ЛЕШЕК БАЛЬЦЕРОВИЧ – «ОТЕЦ ПОЛЬСКИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ»

В конце XX в. очень многое изменилось в жизни польского общества. Все стало другим: от названия страны до экономического уклада. Это время породило своих героев — тех, без кого трудно представить себе польскую действительность этого периода; хотя отнюдь не всегда и не ко всем их деяниям применимы героические эпитеты. Просто без них история Польши была бы другой. К числу таких личностей, несомненно, принадлежит Лешек Бальцерович. Его называют «отцом польских экономических реформ», в трех правительствах последнего десятилетия XX в. он исполнял функции вице-премьера и министра финансов. Будучи одной из ключевых фигур политической и экономической жизни страны, он был объектом как самых восторженных оценок, так и самой яростной и острой критики. «Главным архитектором посткоммунистической экономической трансформации в Польше» назвал Л. Бальцеровича М. Бруно (вице-президент Всемирного банка) (19, с.89).

«Вице-премьер не теряет самообладания — вот, пожалуй, и все, что можно хорошего о нем сказать», — писала примерно в то же время «Трибуна» — орган польской социал-демократии (16, с.50).

Сколь бы различны ни были оценки Л. Бальцеровича, совершенно очевидна необходимость внимательного отношения как к его теоретическим воззрениям, так и к политической и экономической практике.

\* \* \*

Лешек Бальцерович родился 19 января 1947 г. в небольшом городке Липно (примечательно, что в окрестностях его родился и Лех Валенса). После окончания лицея, где он все годы числился одним из первых учеников, Бальцерович выбирает один из старейших экономических вузов страны — Главную школу планирования и статистики (ГШПиС), основанную еще в 1906 г. Здесь, учась на одном из самых трудных и престижных факультетов — внешней торговли, не гнушается и общественной работы, являясь активистом Объединения польских студентов. В 1970 г. Бальцерович становится членом Польской объединенной рабочей партии (ПОРП). Позже он объяснял этот шаг тем, что, в соответствии со своими представлениями тех лет, полагал, что, не будучи в партии, не сможет спокойно заниматься наукой и не получит возможности реформировать польскую экономику хотя бы в рамках существующего строя (23, с. 29).

В том же 1970 г. Бальцерович на «отлично» защищает диплом, посвященный развитию экономики Объединенной Арабской Республики (ОАР).

После окончания ГШПиС Бальцерович получает там должность преподавателя, одновременно работает в Комиссии по планированию при Совете министров (с 1976 по 1978 г.), а с 1978 г. начинает свою деятельность в Институте основных проблем марксизмаленинизма при ЦК ПОРП (так называемой «Марлене»), где он проработал до 1980 г.

Основанная в 1974 г. секретарем ЦК ПОРП А. Вербляном «Марлена» была не только научным центром, но и своеобразным средоточием оппозиции партийному «бетону».

В те годы Бальцерович достаточно критически относился к польской социалистической экономике. В 1979 г. в экспертном заключении «Цели и направления экономической реформы» он писал: «Основные причины низкой и уменьшающейся эффективности хозяйства коренятся в существующей экономической системе. Эта система приводит к постоянным диспропорциям в развитии различных отраслей народного хозяйства и к расточительству сырья, энергии и рабочей силы, не обеспечивает выбора наиболее выгодных направлений инвестирования, не создает мотиваций для побуждения людей к добросовестному труду, делает невозможным занятие Польшей надлежащего места в международном разделении труда.

...Единственным путем повышения эффективности хозяйствования в Польше является перестройка экономической системы» (цит. по 23, с. 36).

При этом Л. Бальцерович не отвергает сам принцип централизованного руководства экономикой, хотя и полагает, что оно должно ограничиваться лишь стратегическими задачами.

Работая в «Марлене», Л. Бальцерович организует собственный семинар в Институте экономического развития, работающего в рамках Главной школы планирования и статистики. Целью семинара была подготовка проекта экономической реформы, а его участниками стали единомышленники Бальцеровича, «молодые доктора» Х.Бонк, Б.Блащик, М.Домбровский, В.Каминьский, А. Липовский, Р.Михальский, А.Паркола, Е.Эйсымонт, С.Касевич, П.Пыш и жена Лешека Эва. Координацией всей работы занимался сам Бальцерович. К началу 80-х проект реформ был готов и получил название «Экономическая реформа: Основные направления и способ реализации». «Бальцериоды» — так называли себя участники семинара — по сути предлагали радикальный вариант рыночного социализма с ограниченной регулирующей ролью государства и широкой автономией предприятий. Особенно подчеркивалась необходимость проведения реформы в короткие сроки и в полном объеме.

В октябре 1981 г. все участники семинара получили диплом третьей степени от министерства науки, высшего образования и техники, а сам Л. Бальцерович был награжден Бронзовым крестом.

Между тем в Польше началось время серьезных перемен, время «Солидарности». Формально не являясь членом этой организации, Л. Бальцерович внимательно следит за развитием событий, а весной 1981 г. становится одним из консультантов так называемой «Сети» (организации, координирующей деятельность предприятий, входящих в «Солидарность»). Одновременно он работает над проектом Закона о предприятии, в основу которого положен принцип хозяйственной самостоятельности экономических субъектов.

В тот же период Л. Бальцерович продолжает работу в ГШПиС, становится ученым секретарем Института экономического развития, работающего в рамках ГШПиС. Осенью 1981 г. он готовит доклад «Экономическая реформа: Условия и проблемы реализации», в котором отмечает, в частности, что «реформа будет успешной лишь при таком характере общественно-политических отношений, который позволит достичь общественного согласия между партийно-государственной вла-

стью и представителями общества, главным образом “Солидарностью”. Реформа, навязанная властью в одностороннем порядке и не получившая одобрения общества, заведомо обречена на провал — даже если проект ее с экономической точки зрения наилучший из всех возможных» (23, с.43).

13 декабря 1981 г. (день, когда в Польше было введено военное положение) застало Л. Бальцеровича в Брюсселе, на сессии Международного экономического общества. При первой же возможности он возвращается в Варшаву, где тут же заявляет о своем выходе из ПОРП. Это решение не помешало Л. Бальцеровичу в его научной деятельности (во многом благодаря позиции главы партийной организации ГШПиС Д. Росати, ставшего впоследствии одним из активных деятелей польских реформ). Бальцеровичу удалось даже продолжать работу семинара, хотя теперь его целью становится не разработка проектов реформ, а главным образом самообразование участников. Руководство семинаром позволило Л. Бальцеровичу легче пережить это нелегкое время, несколько отвлечься от печальных мыслей о будущем страны. Он рассматривал свой семинар как своеобразную демонстрацию протеста (пусть и негромкого) против властей. Тем более что здание, где занимались семинаристы, располагалось напротив главной варшавской тюрьмы.

Одним из основных объектов научных интересов Л. Бальцеровича того периода являлись проблемы собственности. Именно этой теме был посвящен его доклад на конференции «Системы собственности и процесс хозяйствования», организованной Институтом экономического развития. Для многих польских экономистов эта конференция явилась своеобразным переломом в их представлении о собственности: в докладах Л. Бальцеровича, Т. Грушецкого, Е. Стшелецкого по сути содержались постулаты о необходимости изменения структуры собственности, приведения ее в соответствие с объективными экономическими законами.

В 1985 г. Л. Бальцерович выезжает на пятимесячную стажировку в Сассекский университет в Брайтоне (Великобритания), где занимается изучением реформ в Южной Корее. К этому времени, т.е. к середине 80-х годов, Л. Бальцерович уже достаточно известен не только среди польских экономистов, но и на Западе. Последнее стало возможным во многом благодаря активности его бывших «семинаристов», временно или постоянно работавших в это время в западноевропейских научных центрах и способствовавших переводу и публикации многих работ Л. Бальцеровича, а также популяризации его взглядов.

Осенью 1988 г., получив стипендию им. Фр. Эберта, Л. Бальцерович уезжает в Марбург (ФРГ), где работает в Институте сравнительных исследований экономических систем, подробно изучает реформы Людвиг Эрхарда.

1989 год был для Польши знаменательным — пришло время глобальных, сущностных перемен. В начале года шла подготовка к заседанию «круглого стола», что свидетельствовало о том, что власти больше не могут не признавать оппозицию, не считаться с ней. Л. Бальцерович выразил полную готовность оказать помощь «Солидарности» в формулировании экономической программы. Однако его предложение не встретило поддержки, очевидно потому, что он не входил в круг экономистов, приближенных к лидерам «Солидарности». В апреле 1989 г. на одной из научных конференций Л. Бальцерович выступил с докладом на тему «Институциональные факторы и структурные перемены в экономике», в котором, по сути, были изложены основные моменты программы, получившей впоследствии название «план Бальцеровича».

В этот период политический облик Польши решительно изменился, приобрел совершенно новые черты: в результате выборов 1989 г. «Солидарность» получила большинство мест в парламенте, президентом стал В. Ярузельский, а правительство возглавил Т. Мазовецкий. И в этот решительный момент Л. Бальцерович оказывается невостребованным: никаких предложений от правительства ему не поступает, и в начале сентября он планирует отъезд в очередную зарубежную научную командировку.

Но 31 августа ситуация меняется: Бальцеровичу предложили пост министра финансов и вице-преьера по экономическим вопросам. Глава Консультативного совета при Г. Мазовецком В. Кучинский так вспоминает об этом деле: «31 августа в 7.30 утра я позвонил Бальцеровичу.... В 14.00 мы вдвоем сидели в кабинете премьера... Мазовецкий полностью открыл карты: “Мне нужен свой Людвиг Эрхард. Мы будем бороться с инфляцией и переводить экономику на нормальный, рыночный путь. Готовы ли Вы сотрудничать со мной в этом деле?”» (цит. по: 23, с. 61).

Однажды в беседе с журналистами Л. Бальцерович сказал: «Я не был бы в политике, если бы мы жили в нормальное время... Но от тех решений, которые мы сейчас принимаем или которыми мы пренебрегаем, зависит судьба Польши на десятилетия вперед» (18, с. 21).

Итак, время определило выбор Л. Бальцеровича. Время и отношение к нему, к своему месту во времени и своей ответственности перед

ним. Готовясь к вступлению в должность, Л. Бальцерович еще раз осмысливает реформы Л. Эрхарда, обращается к опыту польского реформатора межвоенного периода В. Грабского, анализирует причины успеха «азиатских тигров» — Южной Кореи, Тайваня, Сингапура, а также Аргентины.

Вокруг Л. Бальцеровича формируется группа советников: Д. Сакс, Д. Лиштон (США), ряд польских экономистов, живущих за границей, — С. Гомулка, Я. Ростовский, С. Веллиш, В. Бжеский, В. Костшева.

Начало своей новой деятельности сам Л. Бальцерович описывает следующим образом: «Мы с женой подъехали к зданию министерства финансов. Было еще рано, и мы стали прогуливаться перед зданием. Я посмотрел наверх и увидел десятки голов в окнах. Это были мои сотрудники: они рассматривали нового шефа. Я улыбнулся и помахал им рукой. Я им, а они мне» (цит. по: 23, с. 72).

Каким же предстает «новый шеф» не только министерства финансов, но и всей польской экономики, в своем чисто человеческом, личностном измерении?

Л. Бальцерович прежде всего человек дела. Он не любит долгих и праздных разговоров. Чрезвычайно требовательный к себе, умеющий подчинить себя интересам дела, он того же требует и от сотрудников. Его раздражают нечетко сформулированные мысли, как в разговоре, так и на бумаге (сам Л. Бальцерович любит формулировать свои взгляды, разбивая их по пунктам). Он полагает, что неясность изложения означает недостаток дисциплины ума. Но Л. Бальцерович, воспринимаемый многими как человек из стали, человек-компьютер, вместе с тем отличается сдержанностью, вежливостью и внутренней культурой. Он не терпит угодничества, но не переносит и фамильярности.

Для публичного политика Л. Бальцерович, наверное, излишне серьезен и сух. Он не любит выступлений перед телекамерами, говорит четко, но чрезмерно «научно», почти не повторяясь, а это не всегда легко воспринимается слушателями. Некоторые коллеги характеризуют его как лидера со склонностями к авторитаризму, не любящего дискуссий и склонного к быстрым решениям (23, с. 102–106, 118; 44, с. 28).

О политиках многое могут рассказать такого рода «неформальные источники», как анекдоты. О Бальцеровиче в начале 90-х ходил по Варшаве такой анекдот:

«На газоне перед Сеймом сидит заросший щетиной человек и горстями ест траву. Проходит Яцек Куронь (известный польский политик и

общественный деятель, связанный с “Солидарностью”. — Прим. авт.) и спрашивает: “Что ты делаешь?” “Ем траву”, — отвечает человек. “Но почему?” — “Потому, что я безработный и голодный”. Куронь достает 30 тыс. злотых и говорит: “Вот, возьми, иди в бар, купи чего-нибудь горячего”. На следующий день та же картина повторяется, но идет Бальцерович. Он обращается к человеку с тем же вопросом и, получив тот же ответ, заявляет: “А тогда прошу Вас принять 3 тыс. злотых на билет до Пуци Камнинской. Там на полянах больше травы и она лучшего качества”» (23, с.125).

Л. Бальцерович начала 90-х — это человек, несомненно, живущий одной идеей — идеей экономической реформы. Он до минимума свел все, что напрямую не относилось к этому главному делу, причем даже на контакты с прессой шел неохотно, не желая тратить на это драгоценное время.

В самой общей форме цель реформы состояла в стабилизации экономики и изменении экономической системы в направлении перехода ее к рыночным механизмам. Для достижения этих целей предполагалось осуществить следующие меры: либерализацию цен (при сохранении контроля за ценами на уголь, кокс, энергоносители, транспортные услуги); резкое сокращение эмиссии необеспеченных денег; достижение положительного сальдо государственного бюджета, внутренней конвертируемости злотого. Сочетание либерализации цен и мер по финансовой стабилизации давало возможность быстро преодолеть гиперинфляцию при поддержании сбалансированности потребительского рынка. Создание новой экономической системы предполагало обеспечение условий для постепенной приватизации, начала продажи государственной собственности; создание климата, благоприятного для борьбы с монополиями, ликвидации остатков централизованного распределения сырья и т.д.

Бальцерович и его команда прекрасно осознавали, что грядущие перемены повлекут за собой спад производства.

«Не будет ничего удивительного в том, — подчеркивалось в одном из документов периода подготовки реформы, — если в 1990 г. произойдет значительный спад производства. Некоторые предприятия, возможно, обанкротятся и перестанут существовать. Не следует ожидать роста инвестиций и трудно не предвидеть снижение уровня потребления. Могут проявиться также негативные последствия в сфере занятости, особенно в условиях ограниченной мобильности рабочей силы и капитала» (23, с. 99).

Новая экономическая программа рассматривалась на заседании Совета министров 5 октября 1989 г. Заседание было долгим и трудным. Каждый министр пытался отстоять интересы своего ведомства и доказать недопустимость сокращения ассигнований именно в своей отрасли. Осенью 1989 г. под руководством Е. Козминского — друга, единомышленника и ученика Л. Бальцеровича — очень многое делалось для соотвествующей подготовки общественного мнения.

Для проведения необходимых законов через сейм Л. Бальцерович разработал так называемый «пакет Бальцеровича», состоящий из десяти законопроектов; о финансировании государственных предприятий; об экономической деятельности иностранных инвесторов; о новых принципах налогообложения; о банковском законодательстве; о таможенном законодательстве; о занятости; об упорядочении кредитных отношений; об условиях увольнения работников; о налогообложении роста заработной платы.

В целях рассмотрения этих законопроектов в сейме была создана чрезвычайная комиссия во главе с профессором А. Зависляком. После напряженной работы в течении (буквально) трех дней и трех ночей, 27 декабря 1989 г. А. Зависляк, выступая перед депутатами сейма, произнес фразу, как стало ясно позже, знаменательную: «Сейчас раздаются голоса о том, что темпы и интенсивность перемен, которые предполагает пакет вице-премьера Бальцеровича, чрезмерны... Но стоит вспомнить, что, когда в древности Римской республике угрожала опасность, то все обсуждения проходили под девизом: *periculum in mora* — опасность в промедлении» (23, с. 96).

И 27–28 декабря, накануне Нового года, сейм принял весь «пакет Бальцеровича».

Заметим, что несмотря на всю свою революционность и «шоковую», меры, предусмотренные реформой, не были уж совсем неизвестными и неожиданными для польского общества. Весь период 80-х годов был временем попыток «обновления социализма» и его реформирования. Важнейшей составляющей этого процесса явилась экономическая реформа, о сущности и методах реализации которой велись оживленные дискуссии на протяжении всей декады 80-х. Реформа была «запущена» в январе 1982 г., и цель ее состояла в обеспечении роста эффективности экономики и поддержании рыночного равновесия, т.е. ликвидации хронического дефицита. В документе «Направления экономической реформы», принятом X съездом ПОРП (1981) содержалась формулировка об-

щих принципов экономической системы, призванной обеспечить реализацию названных целей.

По мнению Л. Бальцеровича, ключевым моментом реформы было упразднение директивного централизованного планирования (19, с. 333).

Предприятия получали значительную самостоятельность, но при этом рыночные законы не могли действовать в полной мере, так как «стратегические функции» централизованного планирования сохранялись.

По мнению Л. Бальцеровича, причину неудач следует искать в недостаточной комплексности и радикализме реформ. Было осуществлено много как бы «точечных» перемен: расширение самостоятельности предприятий, возникновение на некоторых из них активных органов самоуправления, либерализация финансовой системы предприятий и т.д. Но вместе с тем сохранялись и многие принципиально значимые элементы старой системы: вмешательство центральной власти в производство, контроль за ценами, крайняя степень организационной концентрации и связанной с ней монополизации, зависимость директоров предприятий от партийных и государственных органов. Пример Польши, констатирует Л. Бальцерович, так же, как и опыт Венгрии, показал, что можно отказаться от системы всеобъемлющего директивного планирования без введения рыночного механизма. Но опыт такой промежуточной системы оказался неудачным. Л. Бальцерович не сомневается в бесплодности попыток найти вариант реформы, которая привела бы к усовершенствованию подобного рода системы, и убежден в необходимости значительно более радикального отказа от нее (19, с. 349–350).

Но реформа 80-х годов имела и некоторые позитивные результаты, явившись своеобразным этапом перехода к системе свободных цен: к августу 1989 г. свободные и договорные цены составляли 71% в объеме реализации товаров и услуг, а в 1990 г. — 82,6% цен на товары и услуги и свыше 90% — на продовольствие. Следовательно, сфера либерализации цен в рамках программы Бальцеровича не была столь значительной и большая часть цен была «отпущена» уже в период реформы 80-х годов (10, с. 74).

Несмотря на опыт 80-х годов, польскому обществу начала 90-х годов предстояло пережить весьма серьезные испытания. Осознавая это, Л. Бальцерович, вопреки достаточно распространенному взгляду, отнюдь не пренебрегал общественным мнением. Под руководством Е. Козминского с момента начала преобразований действовала служба

мониторинга экономической реформы, анализирующая, в частности, и динамику общественного сознания. И сам вице-премьер, и члены его семьи внимательно следили за происходящим. «Я знал из газет и телепередач, — вспоминает Бальцерович, — что торговля вышла на улицы, я хотел своими глазами видеть, как вновь созданные частники конкурируют с государственными магазинами... Меня радовал каждый новый пункт обслуживания, каждый ресторанчик, каждая пиццерия» (23, с. 103).

Чтобы видеть «возникающий капитализм»<sup>12</sup>, Бальцерович сам ходил по Варшаве, с удовольствием отмечал все новые ростки последнего. А когда в феврале 1990 г. жена сообщила ему, что в городе, несмотря на общий рост цен, подешевели яйца, на радостях была распита бутылка шампанского.

Однако в целом идущая реформа довольно сильно ударила по благосостоянию значительной части поляков. В первом полугодии 1990 г. был резко снижен коэффициент индексации заработной платы; действовал высокий налог на заработную плату, было введено дополнительное прогрессивное налогообложение сверхнормативного прироста фонда заработной платы. Правда, вследствие создания благоприятных условий для импорта полки магазинов быстро заполнились товарами, но далеко не все могли воспользоваться этим изобилием.

Наиболее высокой плата за «выход из социализма» оказалась для людей пожилых, для лиц с относительно низким уровнем образования и квалификации, для молодежи. Именно этим категориям населения трудно было вписаться в новую реальность. Число бедных в Польше (по данным Всемирного банка) составляло в начале 90-х годов около 15% населения, что в два-три раза больше, чем в 80-е годы. Значительная часть поляков ощущали себя «проигравшими». Тем не менее, если в 1989 г. лишь у 51,6% семей рабочих были цветные телевизоры, то в 1992 г. — у 91,4%, количество автомобилей увеличилось соответственно с 59 до 69% (2, с.82; 50, с. 3).

По мнению американского экономиста Д. Сакса, в Польше вообще не произошло снижения уровня потребления важнейших продуктов

---

<sup>12</sup> Заметим, что сам Бальцерович не любил употреблять это слово (во всяком случае в то время), предпочитая термины «экономика западного типа», «рыночная экономика», «открытая экономика». Слово «капитализм», благодаря его использованию социальстами в негативном контексте, вызывает, как полагал вице-премьер, негативные эмоции. — Прим. авт.

питания, хотя он и не отрицает трудностей и лишений, пережитых польским обществом (14, с. 6–7).

Однако в 1991 г. настроения неприятия перемен, потрясения от переживаемого «шока» все же преобладали. В Совет министров поступали груды писем с проклятиями в адрес Л. Бальцеровича, пресса пестрила карикатурами на него.

Самому Л. Бальцеровичу очень нравился в этой связи случай, рассказанный ему матерью, которая, будучи на рынке в Торуни, услышала, как один из продавцов убеждал покупателя, что в правительстве Т. Мазовецкого одни евреи.

«А Бальцерович?» — спросила никем не узнавшая мать вице-премьера. Говоривший на минуту задумался, а потом с пафосом произнес: «Бальцерович — это немец!» (23, с. 105).

Оценивая результаты начала реформы, Л. Бальцерович называл (используя свой любимый метод расположения материалов по пунктам) следующие моменты.

1. Устранены очереди в магазинах и остановлена гипер-инфляция, достигающая уровня в несколько тысяч процентов.

2. Укрепился злотый, который можно свободно обменивать на другую валюту.

3. Значительно богаче стал рынок, он приобрел черты конкурентности, главным образом за счет расширения свободы внешней торговли и разрушения отечественных монополий.

4. Валютный экспорт вырос более, чем на 30%.

5. Благодаря идущим реформам улучшился международный климат, став более благоприятным для сокращения внешнего долга Польши.

6. Разработаны основы приватизации, налоговой реформы и создания рынка ценных бумаг.

Вместе с тем Л. Бальцерович отмечал спад промышленного производства в государственном секторе на 24% и появление вместо скрытой безработицы — открытой на уровне 6–7% от общего числа работающих (23, с. 136).

Приведенные оценки экономического развития Польши взяты из записки, составленной Л. Бальцеровичем в конце 1990 г. по просьбе президента Л. Валенсы.

Новое правительство Л. Валенсы предложил возглавить Я. Ольшевскому, но тот отказался через несколько недель. Тогда новый президент обратился к Л. Бальцеровичу, хотя в ходе избирательной кам-

пании весьма активно критиковал его реформы. Л. Бальцерович не принял предложения, и главой правительства становится Л.К. Белецкий, назначенный на этот пост Л. Валенсой, в том числе и по рекомендации Л. Бальцеровича. В кабинете Л.К. Белецкого последний получил те же должности, что и в правительстве Т. Мазовецкого: вице-премьера и министра финансов.

Недолго функционировало это правительство: с января по декабрь 1991 г. Но короткое время пребывания польских либералов у власти достаточно примечательно. Именно тогда возникает своеобразная мода на либерализм, значительно расширяются ряды партии Либерально-демократический конгресс. Правда, это не было временем господствующих позиций «чистого» либерализма. Скорее, это был либерализм прагматический, идеологию которого Я.К. Белецкий выразил следующим образом: «Этот либерализм основан на вере в то, что в Польше когда-нибудь будет либерализм. Сегодня, когда реакция экономических субъектов на сигналы рынка ограничена или очень слаба, нужно искать определенные государственные инструменты влияния, а это уже не либеральное поведение... Государство должно участвовать в создании условий для рыночной экономики. Это совершенно не либеральный лозунг, но такова действительность» (20, с.2).

Деятельность реформаторов в этот период была весьма осложнена неблагоприятной внешнеполитической конъюнктурой: распад СССР, иракский кризис, объединение Германии — все эти явления и процессы отнюдь не облегчали дело проведения реформы.

Вместе с тем огромную роль в поддержке реформ сыграло решение Парижского клуба, принятое в марте 1991 г., о сокращении на 50% польского долга. Одновременно и МВФ, и Всемирный банк выразили готовность предоставить Польше кредиты в сумме 3,6 млрд. долл.

Л. Бальцерович придавал огромное значение проблеме урегулирования долгов, открыто заявляя, что без решения этой проблемы реформы продолжать невозможно. Но, несмотря на урегулирование проблемы внешнего долга, правительству Я.К. Белецкого не удалось удержаться у власти: росла общественная напряженность, сейм два раза выносит правительству вотум недоверия, и поздней осенью 1991г. время либералов заканчивается.

После отставки этого правительства Л. Бальцерович как бы уходит в тень с польского политического олимпа. Многим в Польше каза-

лось, что он уходит навсегда, обвиняемый во всех смертных грехах, причем и «справа» и «слева».

Примечательно, что за пределами Польши отношение к «отцу» польских экономических реформ было гораздо более почтительным, чем в самой Польше. Уже в ноябре 1991 г. Бальцерович получает приглашение из Бонна на встречу, посвященную созданию Международного форума Бертельсманна, организации, объединяющей выдающихся политиков Европы и Америки. Бальцерович явился одним из членов — основателей этого форума. Немногим позже он становится лауреатом престижной премии имени Людвиг Эрхарда, присуждаемой в Германии. В 1992 г. Бальцерович выезжает в США, где проводит встречи с государственными чиновниками самого высшего ранга, а также с представителями Всемирного банка и МВФ. По приглашению последнего Бальцерович несколько месяцев проводит в Европе, работая в крупнейших библиотеках.

Осенью того же 1992 г. Л. Бальцерович получает должность профессора кафедры международных сравнительных исследований в Главной торговой школе (так в 90-е годы стала называться ГШПиС). Преподавательскую и научную работу он сочетает с частыми поездками на международные встречи и конференции, изыскивает возможности для подготовки регулярных передач на польском радио и телевидении, посвященных проблемам экономических реформ. Сам Бальцерович говорил в те годы, что он «стоит на четырех солидных ногах», являясь одновременно заведующим кафедрой, председателем Программного совета фонда экономического образования, главой Совета основателей центра социально-экономических исследований и председателем варшавского Фонда детского и юношеского спорта (23, с.193).

В 1994 г. Л. Бальцерович проявляет черты незаурядного политического лидера, явившись одним из инициаторов создания новой политической партии — Союза Свободы (СС), в идеологии которой нашли отражение элементы как либеральной, так, отчасти, и социально-демократической идеологии.

В конце 90-х годов Л. Бальцерович (будучи вице-премьером и министром финансов в правительстве Е.Бузека, пришедшем на смену социал-демократическому правительству, пребывавшему у власти в 1993—1997 гг.) пытался активно влиять на ход проводимых этим правительством реформ, усматривая задачи правительства прежде всего в решении таких вопросов, как достижение равновесия финансовой системы, при-

дание нового импульса приватизации, реформирование рынка труда, изменение системы налогообложения. Оздоровление финансов, снижение бюджетного дефицита, как четко осознал Л. Бальцерович, не вызовет восторга у общества, но он твердо уверен, что «тот, кто избегает трудных решений, тот не способен управлять». Используя свой любимый стиль аргументации, четко выделяя пункты, Л. Бальцерович констатирует, что уменьшение бюджетного дефицита необходимо для достижения следующих целей: укрепления стабильности экономики; преодоления опасности увеличения государственного долга; снижения процентных ставок.

Л. Бальцерович последовательно выступает за жесткую реструктуризацию экономики, считает недопустимой роскошью расходовать бюджетные деньги на горнодобывающую, угольную, нефтехимическую промышленность, по его мнению, бесперспективно вкладывать деньги в сельское хозяйство. Сохранение существующего положения вещей в сфере аграрного производства, по его мнению, не имеет будущего. Средства нужно вкладывать не в консервирование отсталости польской деревни, а в ее модернизацию (19, с. 21).

Правительство Е. Бузека активно взялось за проведение реформ, которые давно назрели, но которые прежние правительства не решались осуществлять. Речь идет о четырех реформах: пенсионной, здравоохранения, образования и административной. По сути эти реформы являются продолжением и развитием системных преобразований, начатых почти десять лет назад в соответствии с программой Л. Бальцеровича.

Необходимость распространения системных преобразований на социальную инфраструктуру и убыточные сектора экономики признавалась фактически всеми польскими правительствами 90-х годов, хотя далеко не все торопились начать реформы. Когда же давно ожидаемые реформы начались, они встретили неодобрение и опасение со стороны общества, причем эти настроения легко были перенесены и на правительство, данные реформы проводящее.

Почти точно повторилась ситуация начала 90-х годов. Как тогда, так и в конце десятилетия, вскрывающиеся трудности и проблемы приписывают реформам, не всегда четко разграничивая причины и следствия. В начале 90-х многие в Польше полагали, что экономические трудности — это следствие реформ, в конце 90-х многие считают, что недостатки польского здравоохранения, несовершенная пенсионная система и т.д. — это также следствие неудачных реформ. Так же, как в начале 90-х, многие поляки признают ошибкой слишком быстрые темпы реформ,

их чрезмерный размах. Три четверти поляков, и особенно крестьяне, недовольны идущими преобразованиями.

Со стороны оппозиции нередко раздавались такого рода упреки: был экономический рост, а потом во власть вернулся Л. Бальцерович, и ситуация ухудшилась. Между тем причины такого положения дел достаточно сложны, и в том, что польская экономика не выдерживает темпов роста в 6—8% конечно же виноват не только Бальцерович. Но в общественном сознании далеко не всегда учитываются все сложности реализации экономической политики: причина неудач персонифицирована. Во время уличных демонстраций — а ни одна из них, если речь идет о Варшаве, не миновала здания министерства финансов и не обходилась без лозунга «Бальцеровича в отставку» — именно его представляли как воплощение зла. Так было в начале 90-х годов, такой же была ситуация и в конце десятилетия. Бальцерович являлся объектом самых злобных карикатур и самых невероятных обвинений: на его предвыборных плакатах рисовали и фашистские знаки, и звезды Давида. Правда, Бальцеровича, кажется, не обвиняли в нечестности и коррумпированности.

«Экономика, — полагает Л.Бальцерович, — не может обеспечить каждому личного счастья, но она может облегчить жизнь: жилье, автомобили, здоровая пища — все это элементы, определяющие степень нашего удовольствия от жизни. Мы реформируем экономику и государство не во имя абстрактных целей — чтобы просто было по-другому. Мы это делаем, чтобы было лучше» (18, с. 21).

В разгар предвыборной кампании 2001 г. (завершившейся победой социал-демократов) Л. Бальцерович пытался напомнить обществу, что состояние польской экономики значительно лучше, чем до начала преобразований, что «рост безработицы и угроза кризиса государственных финансов вытекают не из излишка, а из недостатка “монетаристско-либеральной” политики, вызванного тем, что ключевые реформы блокировались и ограничивались, а одновременно проталкивались противоположные им решения. Главную роль в этом сыграли те, кто сегодня оказался в первом ряду критиков политики, проводившейся в 1997—2000 гг. Как если бы поджигатели обвиняли пожарного в том, что тот слишком медленно тушит разожженный ими пожар» (1, с.10).

Роль Л. Бальцеровича в реформах, начавшихся в конце 90-х годов, была несомненно иной, чем в реформах «первой волны» начала 90-х. Это были уже иные реформы и иное время. Ведь на этот раз речь шла о реформах в рамках демократической системы, а в начале 90-х — о ее

создании, о трансформации всей совокупности общественно-экономических отношений.

Сам термин «*трансформация*», в представлении Л.Бальцеровича, слишком широк для использования его в анализе проблемы. Целесообразно в связи с этим выделить составляющие элементы трансформации. Таковыми являются: 1) макроэкономическая стабилизация (S), достигаемая средствами макроэкономической политики; 2) микроэкономическая либерализация (L), целью которой является устранение всех навязанных государством ограничений экономической деятельности; 3) принципиальная институциональная перестройка (I), имеющая задачей приватизацию государственных предприятий, реформу налоговой системы либо создание совершенно новых институтов, таких, как биржа.

Микроэкономическая либерализация и институциональная перестройка в целом и составляют системную трансформацию (19, с. 173, 301).

Процессы, которые пришлось пережить странам Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), носят совершенно особый, уникальный характер. Это обусловлено прежде всего необычайно широким масштабом перемен, охватывающих как политическую, так и экономическую системы, оказывающих друг другу взаимное внимание, и изменениями в социальной структуре.

Колоссальный масштаб сферы перемен обусловил необходимость использования старого административно-бюрократического аппарата, что предопределило многие сложности и ошибки в принятии решений. При относительно одновременном старте политических и экономических перемен последние проходили заметно медленнее. Широкая демократизация или по меньшей мере политический плюрализм явно опережали «наступление капитализма».

В этой связи уместно поставить вопрос о *соотношении демократии и экономической трансформации* в представлении Л.Бальцеровича.

Можно констатировать, что он совершенно твердо убежден в том, что, несмотря на все трудности проведения экономических реформ в посткоммунистических странах, они должны осуществляться в условиях политического плюрализма и демократии. Правда, сама по себе демократия еще не является гарантией экономических успехов. Но таковой не является и авторитаризм. Отсюда следует, что демократический путь предпочтительнее уже потому, что демократия соответствует представ-

лениям о человеческом достоинстве (во всяком случае в понимании последнего западной цивилизацией). Существование авторитарных режимов было оправданно в Южной Корее и на Тайване (с точки зрения экономического развития этих стран), но этот же способ осуществления власти имел катастрофические последствия для экономики Аргентины.

По мысли Л.Бальцеровича, нередко приводимый пример Китая как опыт использования авторитарной модели в проведении реформы нельзя признать состоятельным и применимым в ЦВЕ. Уже потому, что демократические революции в странах ЦВЕ происходили спонтанно, а не были «плановым» историческим событием. Демократические же перемены в политической жизни возможно осуществить быстрее, чем экономические преобразования. Важно и то обстоятельство, что экономический успех Китая во многом был обусловлен его спецификой: преобладание достаточно примитивного сельского хозяйства, легко поддающегося приватизации (19, с. 172, 312).

Итак, демократизация политической жизни, плюрализм признаются Л.Бальцеровичем необходимыми условиями трансформации. Он подчеркивает значимость влияния на этот процесс особенностей «политического класса», степень активности оппозиции. «Нигде, — замечает Л. Бальцерович, — нет нехватки в политических демагогах, но в разных странах их активность различна» (19, с.187).

Если правительство заявляет о намерении бороться с гиперинфляцией, а оппозиция заявляет о своем стремлении «скинуть» правительство именно в связи с его антиинфляционными действиями, то наступает своеобразный политический паралич (как, например, в России, на Украине). Вероятность такого паралича — еще один аргумент в пользу проведения твердой стабилизационной программы в период «чрезвычайной политики», пока оппозиция «не расправила крылья». «С нормативной точки зрения можно сказать, что освобождение страны от катастрофы гиперинфляции является с точки зрения общественных ожиданий — общей обязанностью правительства и оппозиции» (19, с. 189) (выделено авт. — Л.Л.).

Политическая оппозиция же стремится заострить внимание общества главным образом на неудачах. Это способствует формированию в общественном сознании неадекватного отношения к действительности. Примером может служить, как полагает Л. Бальцерович, приватизация. Если составить представление о том, как этот процесс разворачивается в Польше на основании передач польского телевидения, то можно уподо-

биться человеку, который «видел только старую клячу и убежден, что лошади всегда хромые и до полусмерти заезженные» (19 с.97).

Масштабные исторические преобразования, переживаемые странами ЦВЕ, породили немало трудностей в *понимании и адекватной оценке* происходящих процессов. В представлении Л.Бальцеровича существует ряд непреложных постулатов, которые совершенно необходимо учитывать при любом подступе к данной проблематике.

1. Крайне высокая степень унаследованной макроэкономической нестабильности требует проведения в жизнь твердой стабилизационной программы. Отсутствие макроэкономического равновесия, сочетающееся с элементами гиперинфляции, может быть уподоблено пожару: промедление с гашением его или медленное гашение очень опасны.

2. Отдельные элементы рыночных реформ должны обладать внутренней связью и синергетическим эффектом: чтобы преодолеть недостаток товаров, нужна радикальная либерализация цен, последняя же является необходимым условием эффективной работы предприятий. Либерализация цен должна быть связана с комплексной либерализацией внешней торговли, с тем чтобы «освободившиеся» предприятия ощутили конкуренцию. Институциональные перемены, такие как налоговая реформа, реформа системы социального обеспечения, приватизация и реструктуризация предприятий совершенно необходимы для обеспечения макроэкономической стабилизации.

3. Отдельные процессы, из которых и состоит экономическая реформа, имеют разную скорость реализации. Так, стабилизация и либерализация дадут результат значительно раньше, чем институциональные перемены, такие как налоговая реформа или приватизация. Реформаторы стоят перед выбором между быстрой стабилизацией и либерализацией социалистической экономики либо проведением этих перемен в более медленном темпе, чтобы иметь время для институционального «демонстража» социализма (19, с. 180—182).

Любой переход от одной институциональной системы в масштабе страны к другой можно успешно анализировать, используя простую схему, включающую в себя четыре группы переменных величин: 1) исходные условия; 2) условия, сопутствующие трансформации, независимые от самого процесса, но оказывающие на него влияние; 3) политика властей по отношению к идущей трансформации; 4) результаты трансформации.

Экономическая трансформация является результатом сложного взаимодействия неконтролируемых условий и потенциально управляе-

мой экономической политики. Здесь уместно сравнение с формированием человеческой личности, происходящим в результате взаимодействия генетических факторов и условий окружающей среды.

Объективные условия, унаследованные реформаторами, могут явиться своеобразным «скрытым сокровищем», которое приводится в действие именно благодаря либеральным реформам. К составляющим этого «скрытого сокровища» можно отнести относительно высокий общеобразовательный уровень постсоциалистических стран, что отличает их от стран третьего мира. Но этот «человеческий капитал» может быть задействован лишь в случае быстрых реформ. Именно в этих условиях возникает потребность в людях, обладающих высокой квалификацией; кроме того, достижима быстрая отдача от затрат, связанных с получением этой квалификации. Составляющими «скрытого сокровища» можно считать выгодное географическое положение, обеспечивающее благоприятные условия для внешней торговли.

Помимо «скрытого сокровища» есть и объективные условия, затрудняющие реализацию реформ: это чрезмерная зависимость от экономики, находящейся в состоянии кризиса, или гипертрофированное развитие горнодобывающей промышленности. Если избежать влияния отягощающих элементов невозможно, то получить выгоды от использования «скрытого сокровища» можно и необходимо. И лишь понастоящему «глупая политика» этого не делает (19, с. 201).

В качестве одного из определяющих исходных моментов реформы Л.Бальцерович называет тип экономической системы.

Таких типов, в принципе, три: это или «уничтоженный капитализм», т.е. такая экономика, в которой отсутствуют все капиталистические институты; «приостановленный капитализм», т.е. такой тип экономики, который существовал в Западной Европе к моменту окончания войны и начала реформ 40-х годов (например, известной реформы Л.Эрхарда). В данном случае нужны были микроэкономическая либерализация, стабилизация, но не было необходимости в институциональной перестройке.

Промежуточную позицию занимает так называемый «искаженный капитализм», имевший место во многих странах третьего мира. Искажения были вызваны чрезмерной ролью государства и значительной долей обобществленного сектора в экономике.

Проблема «государство и рынок» относится к числу наиболее противоречивых. Причем наиболее явно тенденции к преувеличению роли

государства, к этатизму прослеживаются в посткоммунистических странах, казалось бы, в наибольшей степени пострадавших от чрезмерной роли государства в экономике. «Эта склонность увязывать экономический успех с институтом государства является проявлением известной тенденции приписывания исключительных достижений скорее какому-либо одному выдающемуся явлению, чем комбинации безличных, рассеянных механизмов. Обратной стороной является склонность усматривать причины серьезных трудностей или неудач в каком-либо одном, скрытом факторе, — например, в манипуляциях МВФ или Всемирного банка» (19, с. 205).

Объективная оценка роли государства в экономике должна основываться, как полагает Л. Бальцерович, на следующих предпосылках:

- государство, как и большинство иных благ, ограничено с точки зрения времени, компетенции административной, политической, а также денег;

- способность государства решать те или иные проблемы определяется, с одной стороны, сферой его естественной компетентности, а с другой — сферой естественной некомпетентности. (К первой относятся международные отношения, право, в известной степени услуги типа здравоохранения и социального обеспечения; ко второй, в частности, формирование структуры экономики.)

Помимо этих основных аргументов Л. Бальцерович приводит и вспомогательные: у руля государства могут оказаться люди, не способные принимать экономические решения; политический успех может одновременно быть экономической бессмысленностью (например, субсидирование экономически неэффективных отраслей экономики).

Реализация радикальной, целостной программы реформ, проводимых даже в самых трудных макроэкономических условиях, по мнению Л. Бальцеровича, может завершиться успехами, несмотря на неблагоприятные внешние условия. Убедительный пример — опыт Польши, Эстонии, Латвии, возможно Албании. Радикальные и целостные программы позволяют переломить инерцию и изменить структуры прежней экономической системы и использовать политический капитал, увеличивающий готовность переносить тяготы реформ.

Альтернативные стратегии, основанные на терпимом отношении к высокому уровню инфляции, очень ограниченной либерализации, практически не оставляют никаких шансов на успех. Надежда избежать обострения социальной напряженности при таком подходе — не более, чем

иллюзия. Те страны, которые не используют период «чрезвычайной политики» до реализации реформ, рискуют пережить период хронической макроэкономической нестабильности, достаточно беспорядочного государственного регулирования и связанного с этим давления заинтересованных групп.

Анализ процесса преобразований в ЦВЕ показывает, что прямой связи между степенью радикальности реформ и интенсивностью общественного недовольства не существует. Наиболее серьезно недовольство проявлялось в Польше, Болгарии, Румынии. При том, что в Польше и Болгарии проводились радикальные реформы, в Румынии — не радикальные.

Для того, чтобы определить причины различий в степени проявления *общественного недовольства и политической нестабильности*, Л. Бальцерович рекомендует проанализировать исходные позиции начала реформ. Это экономическая структура, порождающая большую или меньшую безработицу; наличие или отсутствие особых «боевых отрядов» рабочего класса, таких как горняки в Румынии или Польше; наличие или отсутствие влиятельных профсоюзных организаций, которые, сыграв огромную роль в свержении коммунизма, впоследствии отдают дань популистским тенденциям («Солидарность» в Польше или «Подкрепа» в Болгарии). Риск социального протеста, как полагает Л.Бальцерович, еще не является достаточным поводом для отказа от радикальных реформ. В принятии рационального решения следует учитывать не абсолютный, а относительный уровень риска: возможно, что менее рискованный вариант в данной конкретной ситуации при дальнейшем развитии событий приведет к гораздо более значительной степени риска. В целом удачная радикальная трансформация неизбежно вызовет недовольство общества. Но это не повод отказываться от реформ, так же как не обоснован отказ от движения по Земле только потому, что это вызывает трение (19, с. 327).

Л. Бальцерович признает, что уровень жизни населения в начале реформ снижается. Но причина социального недовольства не только, а может и не столько в этом. Немаловажен факт различия в способностях людей приспосабливаться к новым условиям. Не сумевшие вписаться в новую жизнь просто завидуют «счастливчикам», как правило, расценивая их удачу как незаслуженную и несправедливую. Причиной недовольства является также и изменение социального статуса отдельных соци-

альных групп (так, шахтеры и горняки, положение которых реформа явно ухудшает, вряд ли могут быть ее горячими сторонниками).

С другой стороны, удачная экономическая реформа порождает в обществе и источники поддержки. Люди испытывают удовлетворение от обилия товаров, отсутствия очередей и т.п. Как правило, реформу поддерживают частные предприниматели и работники, занятые в частном секторе, а также люди, обладающие достаточно высоким образовательным уровнем, дающим возможность оценить открывающиеся в связи с реформой возможности (19, с. 328).

Итоги трансформации зависят от вышеназванных переменных величин (исходные условия, сопутствующие условия, экономическая политика). Но из них лишь экономическая политика «является потенциальным инструментом формирования темпов и направлений экономической реформы. Однако формирование и степень управляемости этой политики зависят от политического контекста и от личностных факторов; и в этом, и в другом случае велика роль случайности» (19, с. 198).

Экономическую политику можно рассматривать как некую переменную величину, обладающую тремя параметрами: быстротой принятия, скоростью реализации и графиком последовательного осуществления. Один из типов экономической политики предполагает наличие разногласий и комплексной экономической программы, в которой стабилизация, либерализация и институциональная перестройка осуществляются более или менее одновременно и реализуются темпами, приближенными к максимальным.

Иной тип предусматривает нерадикальную экономическую программу, в которой начало стабилизации и институциональной перестройки либо не совпадают по времени, либо осуществляются в темпах, более медленных, чем это возможно, либо бывают прерваны (например, стабилизация в России в 1992 г.). «В тех экономических условиях, которые существовали в момент падения коммунизма в Центральной и Восточной Европе, радикальные экономические реформы, решительно реализуемые, были лучшим способом преодоления инфляции, осуществления структурных перемен и вступления на путь экономического роста и рыночного капитализма. Эмпирический анализ скорее подтверждает эту гипотезу: до сего момента не известно ни одного примера удачной нерадикальной реформы» (19, с. 183).

Но как бы ни был энергичен переход к рыночной экономике, подчеркивает Л. Бальцерович, он включает в себя с неизбежностью два эта-

па: первый состоит в либерализации и стабилизации экономики, хотя последняя сохраняет характер скорее «социа-листическо-рыночный», чем капиталистический. Во второй фазе (при условии успеха первой) происходит укрепление предшествующей либерализации и стабилизации; переход к капитализму и рынку проходит стадию завершения и институционализации.

В целом же нерадикальные программы губительно сказываются на перспективах экономического развития.

Л. Бальцерович обращает внимание на то, что сразу же после эпохальных политических перемен (в данном случае падения коммунизма) в обществе доминирует особый психологический настрой, открывающий и особые политические возможности. «Как лидеры, так и рядовые граждане ощущают более сильную, чем обычно, склонность к мышлению и действию в категориях общего блага» (19, с. 186).

Этот период краток, он быстро сменяется временем обычного, нормального развития, заполненного борьбой политических партий и интересов.

«Краткость чрезвычайного периода означает, что радикальная экономическая программа, принятая вскоре после политического перелома, имеет значительно бóльшие шансы акцептации, чем та же самая программа, задействованная с опозданием, или же нерадикальный вариант политики, постепенно дозирующий трудные средства (например, повышение цен). Горькое лекарство легче проглотить сразу, чем каплю за каплей» (19, с. 187). Существует мнение, согласно которому, возникающие в ходе трансформации политические проблемы объясняются экономическими реформами. Но это позиция ошибочная. Это типичный случай применения принципа *post hoc, ergo propter hoc*. Политические перемены имеют свою логику развития. Так, в Польше скорее неудачные сроки президентских и парламентских выборов (соответственно, в 1990 и 1991 гг., т.е. в самом начале процесса трансформации) стали тормозом экономических реформ.

«Вместо того, чтобы обвинять радикальную реформу в создании политических осложнений, следовало бы скорее признать ее фактором, дающим возможность использования специфического политического капитала для продвижения вперед экономической трансформации» (19, с. 187; выделено авт. — Л.Л.).

Убеденный и последовательный сторонник радикальных и быстрых реформ, Л. Бальцерович специальное внимание уделяет проблеме критериев темпов преобразований.

Понятие «темпы процесса перемен» подразумевает минимальное время между началом процесса и получением определенного результата.

В конечном итоге темп определяется естественной способностью человека к получению и усвоению информации. В каждой стране возможно отступление от оптимального результата в силу объективных причин.

««Шоковая терапия»<sup>13</sup>, т.е. радикальный переход к рыночной экономике и частной собственности, — размышляет Л.Бальцерович, — мы можем определить как преобразования, в ходе которых отдельные составляющие процессы разворачиваются с максимально возможной для них скоростью» (19, с. 210). Конечно, в «чистом виде» обнаружить такой пример невозможно. Наиболее близки к идеалу примеры Восточной Германии и Польши.

Польские реформы носили радикальный, но не догматический характер. Радикализм определяется тем, что много важных процессов протекало темпами, приближенными к максимальным. Отсутствие же догматизма обусловило то обстоятельство, что в некоторых областях, не обладающих необходимыми условиями для внедрения рыночных механизмов, использовались нерыночные решения.

Если ставится цель достижения определенных темпов экономического развития на длительную перспективу, полагает Л. Бальцерович, необходимо соблюдение определенных приоритетов. Это, прежде всего, достижение макроэкономической стабилизации, осуществление микроэкономической либерализации и приватизации. Высокая доля общественного сектора в экономике по достижении определенного уровня может породить тенденцию к политизации экономической политики, подорвать основы твердых макроэкономических мер. Причем низкий уровень государственного сектора в экономике только создает шансы для освобождения экономики от политики, но не гарантирует этого процес-

---

<sup>13</sup> Л. Бальцерович достаточно осторожно относится к этому термину, считая его образцом неудачного применения «эмоциональной терминологии», потенциально способной вызвать негативную реакцию. Он более склонен к точному и ясному языку. «Математика имеет, между прочим, то преимущество, что ее язык совершенно нейтрален эмоционально. В дискуссиях по проблемам социальных явлений это достоинство математики так же ценно, как и точность последней» (19, с. 296).

са; тогда как высокий уровень государственного участия в экономике с неизбежностью, рано или поздно, приводит к политизации экономики (19, с. 234).

Вместе с тем, важные реформы, такие как налоговая или реформа системы самоуправления, достаточно трудно осуществить в столь же быстром темпе.

Впрочем, подчеркивает Л.Бальцерович, не всегда максимально быстрые темпы являются оптимальными. Так, слишком быстрая национализация банков в Чили обусловила впоследствии процесс их ренационализации (19, с.302).

Вообще оценки приватизации в банковской сфере — излюбленный объект разного рода критических оценок наблюдателей как на Западе, так и в Восточной Европе. При этом часто не учитывают то обстоятельство, что банковское дело требует очень больших знаний. Формальное изменение правил игры еще не решает вопроса. Нужна серьезная переквалификация кадров, а это требует времени.

«Современная институциональная экономика, — заключает Л. Бальцерович, — и связанная с ней “экономика трансформации” должны большое внимание уделять установлению (с предельно возможной точностью) максимально достижимых темпов наиболее важных процессов и определяющих их факторов. Либо в противном случае те, кто критикует слишком медленные темпы реформ, невольно могут оказаться в положении людей, критикующих законы природы» (19, с. 303).

Весьма распространена точка зрения, согласно которой *каждая страна, вступившая на путь трансформации, требует особого подхода* в силу своих особенностей, своей специфики.

Как же относится Л. Бальцерович к этой немаловажной проблеме?

Конечно, полагает он, каждая страна с какой-то точки зрения действительно особенна. Но это вовсе не означает, что существует некий успешный специфический метод лечения болезней, поразивших ее экономику. Китайцы и россияне, несомненно, отличаются друг от друга, но если они заболеют, например, туберкулезом, лечить их следует одинаково (19, с. 310).

Поэтому одной из задач экономической теории является разработка перечня экономических проблем и соответствующих оптимальных решений, независимых от специфики страны.

Вместе с тем в той или иной стране могут возникать особые экономические проблемы, требующие специальных средств, для их решения.

Судьба предоставила Л. Бальцеровичу возможность на практике реализовать свои представления и взгляды, возглавив работу по проведению экономической реформы в Польше.

Применительно к Польше (как, впрочем, и к другим странам), по мысли Л. Бальцеровича, следует рассматривать по крайней мере пять условий, оказывающих определяющее влияние на переход к рыночной экономике: макроэкономическое положение; экономическая система; структура экономики; внешний долг; специфика человеческих ресурсов.

В Польше, как и в других социалистических странах, в экономике преобладал государственный сектор, чрезвычайно велика была степень концентрации производства, структура цен определялась непосредственным государственным регулированием и системой дотаций. Конкуренция практически отсутствовала, не существовало финансового рынка и т.д. В Польше (в этом она не отличалась от других стран социализма) структура экономики характеризовалась явным преобладанием тяжелой промышленности с недостаточным развитием легкой. Экспорт в высшей степени был зависим от советского рынка в таких отраслях, как машиностроение, текстильная промышленность, фармацевтическое производство. В сфере импорта эта зависимость определялась дешевыми поставками нефти и газа.

Но были и некоторые моменты, характерные только для Польши: это отсутствие макроэкономического равновесия (причем в масштабах, не встречаемых в других странах социализма), высокий уровень внешней задолженности. Типично польскими особенностями были особая роль рабочих в общественно-политической жизни страны, обусловленная существованием «Солидарности», а также специфическое положение польского крестьянства: 78% земли находилось в частной собственности (хотя хозяйства в основном были карликовые и малорентабельные (19, с.359).

Таким образом, исходные условия Польши, полагает Л. Бальцерович, были гораздо хуже, чем в Венгрии или Чехословакии, они сопоставимы с положением дел в Румынии. В худшем положении была только Болгария.

Выработка экономической стратегии предполагала решение трех задач: определение главных проблем, обусловленных исходным положе-

нием Польши; определение типа экономики, к которому должны привести перемены; определение средств реализации экономической политики и темпов ее осуществления.

В качестве главных «болезней» польской экономики были выделены макроэкономическое неравновесие и неэффективность экономической системы. Эти факторы и были признаны тем основным звеном, взявшись за которое, можно вытащить всю цепь. Желаемым типом экономики признавался такой тип, который обеспечивал макроэкономическую стабильность, конкурентность, открытость, капиталистический характер и т.д.

Соответственно определены были орудия и средства реализации реформы: макроэкономическая стабилизация (S), предполагающая снижение бюджетного дефицита, контроль над денежной массой, установление реальных процентных ставок. Авторы реформ были также уверены в необходимости контроля за уровнем заработной платы.

Преодоление дефицита, во всяком случае его истоков, коренящихся в микроэкономике, требовало микроэкономической либерализации (L).

«Политика L», основывалась на расширении сферы экономической свободы, уменьшении степени интервенционизма государства.

Неэффективная экономическая система требовала институциональных перемен (J). «Политика L» предполагала приватизацию большей части государственного сектора экономики; устранение монополий на внутреннем рынке и введение жесткого антимонопольного законодательства; обеспечение институциональной независимости Центрального банка; реформу налоговой системы, финансовой сферы, системы социального обеспечения; создание органов реального местного самоуправления.

Сочетание политики S, L и J было признано ключом к устранению деформаций экономической структуры и огромного внешнего долга.

Аргументом в пользу именно такой стратегии явилось фиаско прежних частичных реформ, а также признание принципа существования сильной синергии между разными сферами экономической политики. Все три типа политики тесно взаимосвязаны. Успешная стабилизация требует радикальной либерализации. Вместе с тем последняя невозможна без тесной связи с «политикой S».

К этим выводам Л. Бальцерович пришел еще в 80-е годы, работая над сравнительным анализом экономических систем, проблемой низкой эффективности социалистической экономики и ее трансформации.

Дополнительными аргументами в пользу радикального варианта реформ были необходимость и возможность использования благоприятного политического климата, сопутствующего началу реформ. Какие же результаты были достигнуты?

При оценке результатов, замечает Л. Бальцерович, в высшей степени важно учитывать, что стандартный статистический подход отнюдь не всегда дает верное представление о происшедших переменах — такой подход не отражает в полной мере масштабы позитивных сдвигов: быстрый рост частного сектора, ликвидацию дефицита товаров на рынке, с другой стороны, при таком подходе в качестве негативных явлений предстают некоторые социально-экономические факторы, существовавшие и раньше, но в скрытой форме (скрытая безработица, скрытая инфляция и т.д.).

К числу наиболее острых проблем польской экономики предреформенного периода относится проблема нарушения макроэкономического баланса. Решение этой проблемы — в изменении размеров инфляции как явной, так и скрытой.

В течение последних месяцев 1989 г. рост цен на потребительские товары составил 3000% (в годовом исчислении). На период 1990, 1991, 1992 и 1993 гг. этот рост составил соответственно 249; 60,4; 44,3; 37,6% (19, с. 368).

Быстро исчезли очереди и товарный дефицит. «Быстрое снижение темпов инфляции и ликвидация дефицита явились ожидаемыми результатами сочетания политики S и L» (19, с. 369).

В сфере системных перемен, по мысли Л. Бальцеровича, наиболее важным представляется следующее: благодаря радикальной либерализации, осуществленной в 1990 г. и дополненной в 1991 г., около 90% товарооборота осуществлялось в свободных ценах. Значительно улучшилась структура цен. Возросла роль денег как средства обмена: польский злотый свободно обменивался на товар (вследствие исчезновения дефицита). Причем злотый обменивался не только на товары, но и на другие валютные единицы.

Либерализация систем собственности и внешней торговли открыла возможность свободной экономической деятельности в Польше, в

результате чего в 1990—1993 гг. было создано более 1 млн. новых частных фирм (19, с.370).

Развивался процесс приватизации польской экономики. Доля частного сектора (без учета сельского хозяйства и кооперативов) возросла с 13,2% в 1989 г. до 34,4% в 1992 г. Если же учесть названные сектора, то окажется, что в 1992 г. в частном секторе было занято 60% всех работающих, а давал он 50% ВВП (19, с. 375). Правда, приватизировались в основном малые и средние предприятия. Приватизация крупных предприятий шла значительно труднее и нередко становилась картой в политической игре.

Произошла существенная деконцентрация польской промышленности, увеличилось число предприятий с небольшим числом занятых (от 51 до 100 человек). С 1989 г. началось создание новой банковской системы, соответствующей новым экономическим реалиям, растет независимость Центрального банка. Возникают и успешно развиваются коммерческие банки, а также внебанковские финансовые институты и оборот ценных бумаг.

В 1990—1993 гг. Польша перешла от сложной и нестройной налоговой системы, характерной для социализма, к системе налогообложения, принятой в западных странах.

Существенно изменилась система бюджетных расходов, сформировалась (правда, с большими проблемами) система адресной социальной помощи и пособий по безработице. Особую проблему составила в Польше система выплаты пенсий и пособий. В результате специфики демографического развития и слишком щедрой индексации пенсий доля бюджетных расходов по этим статьям возросла с 13% в 1989 г. до 28% в 1993 г., число же пенсионеров в 1990 г. увеличилось на 4,1%, а в 1991 г. — на 11,8%. Проблема приобрела политическую окраску и тяжелым бременем легла на бюджет. Именно положение в сфере выплаты пенсий, а также слишком медленная приватизация крупных предприятий стали наиболее слабыми местами польских реформ.

В результате макроэкономической и рыночной реформ произошли важные перемены в сфере реальной экономики. Прежде всего, изменилась структура производства: уменьшилась доля промышленного производства в ВВП, при одновременном росте значения сферы услуг. В принципе же развивались главным образом те отрасли, которые при социализме были «в загоне». В результате возросла эффективность производства и снизилась его энергоемкость.

Весьма существенные перемены произошли в сфере внешней торговли, имел место рост как экспорта, так и импорта. Изменения в пропорциях цен, ликвидация дефицита привели к большей доступности для населения товаров длительного пользования. При этом рост обеспеченности этими товарами домашних хозяйств не сопровождался одновременным сокращением потребления мяса и овощей.

Изменился и рынок труда: выросло число безработных. В Польше в 1990—1992 гг. уровень безработицы составил около 10% (19, с. 383).

Все это в комплексе привело к тому, что уже на третий год экономических реформ в Польше наметился экономический рост, несмотря на неблагоприятные внутрисполитические условия и сложную международную обстановку.

Польская экономическая реформа позволяет, как считает Л. Бальцерович, сделать некоторые выводы: традиционные меры достижения макроэкономической стабилизации — уменьшение бюджетного дефицита, контроль за денежной массой, стабильный курс валюты должны быть дополнены контролем за заработной платой. Эта дополнительная мера обусловлена спецификой социалистической экономики.

Реализация радикальной программы S—L может в течение нескольких недель привести к ликвидации дефицита, а в течение одного-двух лет значительно расширить ассортимент потребительских товаров. Благодаря этой программе возможно приведение в действие масштабной реструктуризации производства, повышение эффективности и снижение энергоемкости производственных процессов.

Таким образом, делает вывод Л. Бальцерович, стратегия, принятая в Польше, оправдалась в том смысле, что иные стратегии, существенно отличные от польской, при тех же самых исходных условиях и внешних обстоятельствах принесли значительно худшие результаты. С этой точки зрения, польская экономическая программа является успешной (19, с.385). Бальцерович полагает, что это обусловлено следующими обстоятельствами: радикализм и целостность польской программы реформ позволили переломить инерцию и изменить структуру прежней экономической системы, а также использовать политический капитал, созданный в ходе перемен 1989 г.

Программа в целом последовательно проводилась в жизнь, несмотря на давление и критику, особенно в 1991 г. Важной особенностью стратегии польской реформы стала «игра по правилам», обязательным для всех экономических субъектов, т.е. всех отраслей и всех предприятий. Эти особен-

ности, как убежден Л. Бальцерович, решительно отличают польский опыт от румынского или российского, а также от опыта большинства постсоветских республик.

\* \* \*

Последнее десятилетие XX в. стало для Польши временем реформ, изменивших облик страны. «План Бальцеровича» стал не только достоянием экономической мысли, он воплотился в реальные преобразования всех сфер польской действительности. Конечно, Польша не превратилась в «рай земной», и проблемы, стоящие перед обществом, не исчезли вместе с отказом от «реального социализма». Но это уже другие проблемы другой общественной реальности.

В период подготовки реформ Д. Сакс советовал полякам «отрубить собаке хвост одним ударом», ибо рубить ко кусочку гораздо больнее. Но даже решительному Бальцеровичу это не вполне удалось: по оценкам польских экономистов, осуществление его плана означало, что «хвост» отрублен наполовину. Вторую половину приходится «рубить по кусочкам» и по сей день. Трудно идет процесс приватизации, неправомерно велики расходы на социальную сферу, серьезные проблемы переживает деревня.

Несправедливо, очевидно, упрекать в недостаточном радикализме польских реформаторов. Ведь удачное выражение Д. Сакса не более, чем образ. В реальности же речь идет о живых людях, рубить судьбы которых гораздо сложнее и ответственнее, чем собачий хвост (пусть даже этот «хвост» олицетворяет не оправдавшую себя социальную систему).

Начало нового столетия не принесло польскому обществу исполнения всех надежд, пробудившихся в конце 80-х годов прошлого века. Но в этой новой достаточно сложной экономической и политической реальности имя Л. Бальцеровича, как бы ни оценивалась его деятельность и его идеи, несомненно, обрело свое место.

«Почему, — вопрошает известный польский публицист С.Братковский, — Лешек Бальцерович не получил Нобелевской премии по экономике?... О Нобелевской премии для Бальцеровича поговаривали еще в памятном 1992 г. По сравнению с тем историческим переломом, который удалось совершить Бальцеровичу и его помощникам, любая из награжденных тогда работ была не более, чем кучей исписанной бумаги... Нобелевская премия Бальцеровича была бы наградой польскому

обществу... Она напомнила бы миру, что европейцы могут действовать не менее четко и эффективно, чем американцы» (6, с. 26).

### Список литературы

1. Бальцерович Л. Пожарные под огнем // Новая Польша.-Варшава, 2001. — №10. — С.10.
2. Бухарин Н. Социальные последствия экономических реформ в Польше // Экон. история: Реформы и реформаторы. — М., 1995. — С. 75–88.
3. Гадомский В. Как тут не верить в чудеса? Ошибки и просчеты // Новая Польша. — Варшава, 1999. — № 1. — С. 20–24.
4. Корнилов Л. Уроки польского // Там же. — № 1. — С. 29–32.
5. Кулерский В. Бальцерович без очков // Там же. — № 1. — С.25–28.
6. Кулерский В.Хроника (некоторых) текущих событий // Новая Польша. — Варшава, 2002. — №10 — С.18.
7. Майорова О. Либерально-демократический конгресс в поисках своего места на польской политической сцене // Постреволюционная Восточная Европа: Экономические ориентиры и политические коллизии. — М., 1995. — С. 70–98.
8. Майорова О. Правые группировки на польской политической сцене // Политический ландшафт стран Восточной Европы середины 90-х годов — М., 1997. — С. 128–157.
9. Мастеров В. Бальцерович остается // Время МН. — М., 1999, 1 дек. — С. 6.
10. Матышин С., Синицина И., Чердакова Н. «Шоковая терапия» в Польше; опыт и выводы // Международная жизнь. — М., 1992. — № 5. — С. 71–81.
11. Мирошников В. Основные контуры политического развития Польши во второй половине 80-х — первой половине 90-х годов // Политический ландшафт стран Восточной Европы середины 90-х годов. — М., 1997. — С. 94–126.
12. Нельсон Л.Д., Кузес И. Уроки реформ в Польше и Китае // Проблемы прогнозирования. — М., 1996. — № 2. — С. 94–100.
13. Сакс Дж. Старые мифы о польских реформах умирают тяжело // Transition. Трансформация. — Киев, 1995. — № 11/12. — С. 11–12.
14. Сакс Дж. Польша на пути к рыночной экономике // Мир науки. — М., 1993. — № 1, т. 37. — С. 6–11.
15. Синицина И., Чудакова Н. Социально-экономическая трансформация в Польше // ОНС. — М., 1996. — № 2. — С. 24–34.
16. Хроника некоторых текущих событий // Новая Польша. — Варшава, 1999. — № 1. — с. 42–53.
17. Baczyński J.Obcy w świecie polityki // Polityka. — W-wa,1999. — N50. — S.20–21.

18. Balcerowicz L. Balcerowicz w «Polityce»: kto unika trudnych decyzji nie nadaje się do rządzenia // *Polityka*. – W-wa, 1997. – N 52. – S. 21–22.
19. Balcerowicz L. Socjalizm, kapitalizm, transformacja. Szkice z przełomu epok. – W-wa, 1997. – 388 S.
20. Bielecki J.K. Nie mam konfliktów sumienia /Z J.K. Bieleckim rozmawia W. Kudziński // *Sztandar Młodych*. – W-wa, 1991. – 24/26 maj. – S. 2.
21. Budżet mniejszego deficytu // *Rzeczpospolita*. – W-wa, 1999. – 15 paźd. – S. 1–2.
22. Celinski A. Nie ma trzeciej drogi w gospodarce // *Rzeczpospolita*. – W-wa, 1999. – 15 paźd. – S. 7.
23. Gach Z. Leszek Balcerowicz. Wyrwać. – W-wa, 1993. – 198 s.
24. Janicki M. Partia niezadowolonych // *Polityka*. – W-wa, 1999. – N 39. – S. 22–25.
25. Janicki M., Wtadyka W. Wymiana luster // *Ibid.* – N 40. – S. 6–8.
26. Knyszewski Z. Partie i system partyjny w Polsce w okresie transformacji. – W-wa, 1998. – 191 s.
27. Kleer J. Pięć grzechów głównych // *Polityka*. W-wa, 1999. – N 45. – S. 66–68.
28. Kuczyński W. Siła odpychania // *Ibid.* – N 42. – S. 20–24.
29. Krzemiski J. Strategia rządzenia // *Rzeczpospolita*. – W-wa, 1999. – 31 sierp. – 1 wrześ. – S. 7.
30. Lagodzinski W. Strach przed biedą // *Ibid.* – 27 sierp. – S. 3.
31. Majcherek J. Nikt nie mówił że będzie łatwo // *Ibid.* – 16 sierp. – S. 10.
32. Nikolski L. Hipochondria też jest groźna // *Ibid.* – 25 paźd. – S. 12.
33. Obrzydzenie wicepremiera // *Ibid.* – 8–10 paźd. – S. 3.
34. Palwak L. Reforma i dyrektorzy // *Sztandar Młodych*. – W-wa, 1984. – 8 maj. – S. 3.
35. Paradowska J. Jesień rządu // *Polityka*. – W-wa, 1999. – N 38. – S. 3–8.
36. Paradowska J. Żagle w dłoń // *Ibid.* – N 46. – S. 24–28.
37. Paradowska J. Mieszanie bez cukru : czy obecny układ polityczny wyczerpał swe możliwości // *Ibid.* – 1995. – N 9. – S. 8.
38. Paradowska J. Wypychanie Balcerowicza // *Ibid.* – 1999. – N 45. – S. 17.
39. Paradowska J. Cztery reformy i rząd // *Ibid.* – N 44. – S. 38–41.
40. Program realizacyjny II etapu reformy gospodarczej // *Rzeczpospolita*. – W-wa, 1988. – 13/14 lut. – S. 8.
41. Równowazenie mediów // *Ibid.* – 25 paźd. – S. 5.
42. Roczkowski W. Wygluszenie pamięci // *Ibid.* – 25 paźd. – S. 3.
43. Śpiewak P. Między dzuma a cholera // *Ibid.* – 6 paźd. – S. 5.
44. Subotic M. Odlądzone telefony: Rozmowa z T. Mazowieckim // *Ibid.* – 11/12 wrzes. – S. 3.
45. Unia Wolności. Nowa partia, ci sami liderzy // *Życie Warszawy* – W-wa, 1994. – 25 kwiet. – S. 1, 3.

46. Uchwały II krajowej konferencji Kongresu liberalno-demokratycznego // Programy partii i ugrupowań parlamentarnych 1989–1991. – W-wa, 1995. – 450 S.
47. Waszkiewicz B., Gawrys F., Zdort M.D. Niepewne status quo // Rzeczpospolita, W-wa, 1999. – 12 paźd. – S. 3.
48. Waszkiewicz B., Gawrys F., Zdort M.D. AWS proponuje podatkowy kompromis // Ibid. – 29 paźd. – S. 2.
49. Waszkiewicz B. Gawrys F., Zdort M.D. Wzorcowy liberal // Ibid. – 10 wrześ. – S. 4.
50. Zielinski Tulu jest w Polsce biednych i przegranych // Polityka. – W-wa, 1994. – N 34. – S.4.
51. Zmiany w życiu Polaków w gospodarce rynkowej. – W-wa, 1999. – 192 S.

**Т.Г. Биткова**

## **ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ И ИХ РОЛЬ В ПРЕОБРАЗОВАНИИ РУМЫНСКОГО ОБЩЕСТВА**

Уличные манифестации 16 декабря 1989 г. в Тимишоаре и позже Бухаресте вылились в кровопролитие и молниеносное изгнание Чаушеску. 22 декабря, опасаясь гнева толпы, диктатор спешно ретировался на вертолете прямо с крыши здания ЦК РКП, отбыв в неизвестном направлении. На дворе стояла холодная предрождественская неделя, но жителям Бухареста было не до святых праздников. Через несколько дней супружеская пара Елены и Николае Чаушеску предстала перед чрезвычайным трибуналом. В накаленной атмосфере уличной стрельбы и всеобщей неразберихи тот вынес экстренный приговор — смертная казнь. Сразу, как только диктатор бежал из своей резиденции, вся полнота власти перешла к возникшему из небытия Фронту национального спасения, об образовании которого официально было объявлено на другой день. Ру-

мынское телевидение представило народу главу самостийно образовавшегося органа — Иона Илиеску.

Откуда же явились на свет столпы власти новой Румынии?

Руководящее ядро первого Совета Фронта национального спасения (ФНС) составили наиболее известные деятели, которых на Западе считали противниками Чаушеску, но ведущее место среди них занимали представители интеллектуальной элиты Румынской коммунистической партии — И.Илиеску, С.Брукан, Д.Марциан, В.Мэгурияну, Н.С.Думитру и др. Правда, премьер нового правительства и один из главных руководителей ФНС Петру Роман не имел партийного прошлого, да и возрастом был помоложе (1946 г. рождения). Окончив Политехническую школу в Тулузе, Роман имел степень доктора и свободно говорил по-французски и испански. Никаких эпизодов из его прошлого, свидетельствовавших о критике режима или поддержке диссидентов, известно не было (15).

В отличие от Романа Сильвиу Брукан имел за плечами историю противостояния режиму. Он представлял интеллектуальную элиту РКП старшего поколения. В 1989 г. ему уже исполнилось 73 года. Профессиональный дипломат, занимавший в прошлом самые высокие посты в иерархии румынского МИДа, он был известен своим негативным отношением к Чаушеску в последние годы правления диктатора, в частности, был одним из авторов «письма шести» в марте 1989 г. Однако вскоре после переворота Брукан уйдет в отставку из-за разногласий с Илиеску, начнет публиковать политологические анализы, станет также настаивать на версии заранее подготовленного и четко спланированного переворота.

Высшая политическая власть, которой наделили себя люди, оказавшиеся в решающий момент в здании ЦК РКП, не была устойчивой. Происходила смена лиц внутри Совета ФНС. На улицах столицы стреляли неизвестно в кого загадочные «террористы», неизвестно кого представлявшие, но сеявшие панику. 12 января в Бухаресте состоялась массовая демонстрация в память жертв революции, в ходе которой Илиеску, Роман и Брукан обвинялись в том, что они пытались спасти коммунистический режим. После этого состав Совета ФНС был расширен, в него вошли известные фигуры оппозиции.

В Румынии Чаушеску, как известно, не было ни организованного диссидентства, ни самостоятельных профсоюзов. Многие известные критики режима Чаушеску либо эмигрировали на Запад, либо вынужде-

ны были не высказываться публично. В отличие от других стран Восточной Европы Румыния на рубеже 80–90-х годов унаследовала общественное устройство, в котором гражданские свободы подавлялись особенно жестоко и последовательно. В обществе, хотя и присутствовала глухая озлобленность, но явное противодействие исходило лишь от отдельных представителей культурной элиты. Эти шаги находили отклик за рубежом, но не имели ни резонанса в широких социальных слоях, ни связи с силами, способными оказать кардинальное воздействие на центры власти. Попытки организации правозащитного движения предпринимались, но безуспешно. Наибольшую известность в мировом общественном мнении получила деятельность писателя П. Гомы. Результат — преследования и, наконец, в 1977 г. высылка за рубеж. Таким образом, предпосылок для возникновения общепризнанного национального лидера не было.

Наступила вторая половина 80-х годов. Чаушеску нервно относился к переменам в СССР. Он называл перестройку крайне правым уклоном, но чувствовал, что почва начинает уходить из-под ног. Узнав, что в Польше в августе 1989 г. победила «Солидарность», он призвал страны Варшавского договора предпринять интервенцию. Чаушеску хотелось сохранить статус-кво, но как, он не знал. Люди слушали западные радиостанции и были в курсе перемен, происходивших в Восточной Европе. Скупая в хозяйственных магазинах металлические тазы, население устраивало антенны, позволявшие принимать болгарское, венгерское, югославское, советское телевидение.

Март 1989 г. был ознаменован открытым письмом протеста, распространенным радиостанциями «Свобода», Би-би-си, «Голос Америки». Оно было подписано шестью старыми коммунистами, занимавшими важные посты в государственных и партийных структурах. Чаушеску приказал подвергнуть подписавших домашнему аресту (среди них — С. Брукан), но те не повиновались. После этого послышались и другие голоса с открытой критикой диктатора. Тем не менее, в ноябре прошел XIV съезд РКП, участники которого с энтузиазмом переизбрали Чаушеску, но власть находилась в коме. Позже последовали кровопролитные события в Тимишоаре, однако народ уже не боялся выходить на улицы.

Несмотря на возрастающую напряженность, к 1989 г. общепризнанный оппозиционный лидер все еще отсутствовал, ибо демократические институты, благодаря которым такой лидер мог стать популярным, были полностью разрушены авторитарным режимом. Ни о каком подполье

не могло быть и речи ввиду эффективной деятельности спецслужб. Правда, еще были живы некоторые известные политические деятели довоенного периода, пережившие лагеря и репрессии, но они были весьма преклонного возраста и не имели прямых контактов с нараставшим массовым сопротивлением.

Чем до переворота был известен Илиеску и почему так стремительно оказался первым лицом в государстве? Эти и подобные вопросы вскоре появились на страницах румынской прессы. «Почему обыкновенный директор издательства (а именно такой пост занимал до 22 декабря И. Илиеску), едва очутившись в водовороте событий, сразу повел себя как человек, облеченный некими полномочиями? Более того, и другие участники событий, посвященные во многие “детали”, относились к нему, как к уже избранному и утвержденному руководителю. В отличие от других ораторов, Илиеску, выступая перед камерой, оперировал точными формулировками и излагал готовую политическую программу» (1, с.186).

Конечно, Илиеску не был ординарным руководителем издательства. Получив высшее техническое образование в московском вузе, в 1955 г. он начал карьеру инженера-энергетика в исследовательском институте. В период либерализации, с 1967 по 1971 г., Илиеску — министр по проблемам молодежи. Затем он был избран секретарем ЦК РКП, но пробыл в этой должности недолго, лишь шесть месяцев. Как вспоминает сам Илиеску, в 1971 г. Чаушеску, вернувшись из Северной Кореи, был воодушевлен увиденным, но услышал из уст Илиеску критику тоталитарного режима, превращающего людей в роботов. Позже на рабочем совещании, посвященном идеологической деятельности, Илиеску также выразил несогласие с Чаушеску, который предпринимал в этот период шаги для искоренения демократических элементов как внутри партии, так и обществе в целом (8, с.39). Чаушеску, естественно, не потерпел рядом с собой критика национал-патриотического курса. Илиеску был обвинен в «интеллектуалистских заблуждениях» и лишен поста секретаря ЦК. До 1979 г. он «перевоспитывался» в должности председателя уездного совета Тимишоары, затем был частично «реабилитирован», получив место первого секретаря парторганизации Ясс, в 1979—1984 гг. возглавлял Национальный Совет водных ресурсов. В этот период он вступил в прямую конфронтацию с диктатором в связи с рядом гидротехнических проектов, в частности предполагавшегося тогда канала Дунай—Бухарест. Шаг за шагом Илиеску удаляли от политической дея-

тельности. Заканчивая свою коммунистическую карьеру в должности директора Технического издательства, Илиеску имел обширный опыт руководящей работы и имидж либерального коммуниста на Западе. В частности, радиостанция «Свобода» не раз комментировала точки зрения и особые позиции Илиеску по различным вопросам.

Согласно официальной версии, Фронт национального спасения родился в огне революции как орган власти, взявший на себя ответственность возглавить народное движение. Никаких организаций на местах он не имел, а по существу представлял лишь группу лиц, захвативших власть под лозунгами демократизации общества. После переворота в печати муссировались предположения, что ФНС существовал задолго до декабрьских событий. В некоторых мемуарах утверждалось, что Илиеску еще при Чаушеску был избран на роль будущего политического лидера тайной политической оппозицией, состоявшей в основном из высших военачальников. Именно эта оппозиция якобы и готовила переворот (1).

Сам Илиеску описывает решающий день 22 декабря как кульминационный момент спонтанных уличных демонстраций, за которыми он наблюдал вначале из окна своего служебного кабинета. Еще с утра по дороге в издательство его привычно сопровождала машина наружного наблюдения сигуранцы. Позже, увидев по телевидению массы людей, двигавшихся к центру города, он оставил работу и вышел на улицу, чтобы направиться к телецентру. Машины с наблюдением не было. К этому времени вертолет, на борту которого находился Чаушеску, уже покинул здание ЦК. С помощью знакомых Илиеску удалось войти внутрь телецентра и выступить со спонтанной программой демократизации. Потом, с трудом пробравшись в осажденное демонстрантами здание ЦК, будущий президент наряду с другими выступал с балкона перед многотысячной толпой. Главное, понимал он, — сформулированная программа. И вот уже составлен первый письменный документ — «Обращение к стране Совета Фронта национального спасения», которое содержало политическую программу, состоящую из десяти пунктов:

- отказ от руководящей роли партии и установление демократической плюралистической формы правления;
- организация свободных выборов;
- разделение законодательной, исполнительной и судебной властей; выработка Конституции;

— реструктуризация национальной экономики, исключение административно-бюрократических методов, содействие свободной инициативе и компетенции;

— реструктуризация сельского хозяйства мелкотоварного крестьянского производства;

— реорганизация образования, развитие национальной культуры, прессы, радио, телевидения;

— уважение прав и свобод национальных меньшинств;

— организация торговли, исходя из приоритетов каждодневного потребления населения;

— опора внешней политики на принципы добрососедства, мира и дружбы, содействие процессу объединения Европы при уважении уже заключенных соглашений, в особенности Варшавского договора;

— подчинение внутренней и внешней политики интересам отдельной личности, уважению прав и свобод граждан, включая право на свободное передвижение (8, с. 66—67).

Родилась ли эта программа спонтанно или опиралась на предварительные заготовки? Как бы то ни было, Ион Илиеску вскоре стал харизматической фигурой, выразившей общенациональную потребность вывести страну из экономического тупика и культурного застоя, покончить с полицейскими методами управления государством.

Конечно, формально шанс доступа к вершинам политической власти имели и те лидеры, кого выдвинула улица, толпа. Однако реализовать эту возможность им не удалось. Некоторые из них позже получили должности на среднем административном уровне.

В первый, расширенный в январе 1990 г., Совет Фронта национального спасения входило более 100 членов, но это был Совет несуществующего Фронта. Его энергичным руководителям, однако, вскоре удалось создать мощную политическую организацию, прекрасно организованную и достаточно дисциплинированную. Филиалы Фронта контролировали всю страну, все центры власти независимо от их величины, и в отличие от бывших организаций компартии они пользовались авторитетом и поддержкой населения. К тому же местные организации могли контролировать массы людей, которые были еще на улицах или могли выходить на улицы по призыву местных советов.

Советы ФНС на местах в основном представляли трудовые коллективы, они избирались и переизбирались этими коллективами, ибо не имели мандата от какого-либо высшего органа. Советы имели власть и

готовы были ее использовать. Но уже через месяц после революции руководством ФНС было принято решение вывести их из игры путем роспуска или преобразования в нечто иное. Территориальные советы были интегрированы в административную систему и взяли на себя функции местной администрации.

Попытка превращения советов на производстве в профсоюзные организации не удалась, ибо к этому времени уже появились новые профсоюзы, которые противостояли такой узурпации. В конце концов советы были просто распущены. Руководители предприятий стали подчиняться только отраслевым министерствам. Начался процесс превращения ФНС в политическую партию.

В мае 1990 г. состоялись первые демократические выборы президента и парламента. Умелая избирательная кампания позволила И.Илиеску стать легитимно избранным президентом страны. На кого опирался новый лидер? Какие силы его поддерживали и кто ему противостоял? Мы можем сказать, что, выиграв выборы почти безальтернативно, Илиеску де-юре и де-факто был поддержан народом, который оказал ему большой кредит доверия, основываясь лишь на его публичных выступлениях. Однако накануне выборов появились и другие претенденты, пока еще мало известные либо известные, но не сумевшие стать популярными. Два из них и составили конкуренцию Илиеску в мае 1990 г.

Значительной группой, претендовавшей на власть в начале 1990 г., была антикоммунистически настроенная культурная элита, в том числе из эмигрантских кругов. Некоторые из ее представителей стали членами первого Совета ФНС. Однако «интеллектуалы» постепенно покидали коридоры власти и вливались в ряды оппозиционеров.

Среди первых оппозиционеров, многие из которых через несколько лет также войдут в новую политическую элиту, были видные деятели политической жизни докоммунистической Румынии, а также бывшие диссиденты, которые сразу почувствовали свою несовместимость с государственной властью, представленной ФНС, некоторые лидеры революционных событий на улицах Бухареста, Тимишоары и других городов.

Интеллектуальную оппозиционную элиту представляли люди, имевшие доступ к фондам основных библиотек, учившиеся на Западе в эпоху либерализации 60-х годов. Что касается бывших политических лидеров буржуазной Румынии, то, как уже отмечалось, все они были весьма преклонного возраста и вызывали порой в общественном созна-

нии незаслуженно насмешливое отношение как ожившие «тени прошлого». Правда, кончина в 1995 г. лидера Национал-цэранистской партии К.Капосу имела неожиданно бурный общественный резонанс: его похороны прошли как многолюдная оппозиционно настроенная уличная манифестация.

Определенную часть оппозиции составили лидеры молодежи, кровь которой пролилась ради разрушения диктатуры Чаушеску. Они сразу ощутили недостаток своего политического опыта для того, чтобы иметь шансы для вхождения во власть. Все это определилось на выборах 1990 г.

Уже 31 декабря 1989 г. вступил в силу Закон-декрет о регистрации и функционировании политических партий и общественных организаций. Не прошло и месяца, как были зарегистрированы первые партии. В первую очередь были восстановлены так называемые «исторические» партии, которые и попытались стать альтернативой ФНС на первых парламентских и президентских выборах в мае 1990 г.

Довоенная Национал-цэранистская партия была преобразована в Национал-цэранистскую и христианско-демократическую партию после объединения с группой христиан-демократов. Партию возглавил Корнелиу Капосу — ближайший сподвижник главы довоенной Национал-цэранистской партии Ю. Маниу, погибшего в политических застенках. Сам Капосу пережил многие годы репрессий. Другой видный деятель национал-цэранистов Ион Рациу вернулся после 50 лет эмиграции из Англии для участия в президентских выборах.

Была восстановлена и другая ведущая довоенная партия — Национал-либеральная партия. В начале января вернулся из Парижа после 14 лет эмиграции один из деятелей этой партии — Раду Кымпяну, переживший девять лет политической тюрьмы. Он также намеревался выставить свою кандидатуру на президентских выборах.

В начале 1990 г. бывший секретарь Румынской социал-демократической партии А.Димитриу инициировал ее восстановление. После регистрации социал-демократов политический ландшафт, казалось, приобретал традиционную конфигурацию.

Однако оппозиция Фронту национального спасения поначалу представляла собой разобщенные и разрозненные группы, хотя ведущие политические партии прошлого и заявили о себе сразу же после смены власти. Дело в том, что сама идея возрождения партий, существовавших в довоенный период, не была популярной в первые месяцы 1990 г.

Результаты выборов 1990 г. были следующие: И.Илиеску — 85,07%, Р.Кымпяну — 10,64%, И.Рацу — 4,24% (15).

Одной из главных причин поражения оппозиции аналитики считали не только ее недостаточную организацию. Как полагала А.Мунджиу, ущербной была тактика ее лидеров, состоявшая в прямом лобовом воздействии на убеждения своих оппонентов и массы избирателей, что снижало эффективность такого действия (9, с.79).

В период 1990—1992 гг. в Румынии образовалось около 160 партий, порядка 100 из них продолжали существовать в середине 90-х годов, но без заметных следов деятельности. Что касается «исторических» партий, которые на протяжении первой половины 90-х годов заявляли о себе достаточно ошутимо, то по существу они представляли одну партию: их различия в основном сводились к разногласиям лидеров.

Несмотря на идентичность названий, не существовало и достаточной связи между прежними партиями и новыми «историческими». Так, довоенная Национал-цэранистская партия образовалась из слияния Национальной партии Трансильвании, представлявшей румынскую этническую группу антивенгерской направленности, с Цэранистской партией Румынии, выражавшей интересы крупных и средних землевладельцев, в том числе крестьян, и интеллигенции из сельскохозяйственных районов, что определяло тесную связь этой партии с православием. Новая Национал-цэранистская и христианско-демократическая партия включила этническую организацию румынских венгров и имела очень слабые связи с крестьянством. Социал-демократическая партия Румынии как раньше, так и после переворота 1989 г. не являлась очень значительной организацией в политической жизни. В межвоенный период это была партия интеллигенции, желавшей представлять интересы рабочих. В первые послереволюционные годы она не пользовалась поддержкой ни тех, ни других.

Национал-либеральная партия была партией городской буржуазии, как крупной, так и мелкой. Эта партия была самой влиятельной политической силой на протяжении столетия. Конечно, когда через месяц после декабрьской революции она заявила о своем существовании, в Румынии вообще не было никакой буржуазии. В той мере, как в партии появлялись представители нового класса предпринимателей, они вступали в конфликт с прежними членами и в результате раскололи ее, образовав Либеральную партию — крыло молодых. Появление этого крыла означало, по оценке В.Пасти, лишь конфликт новых удачливых предпри-

нимателей Д.Патричу и В.Катарамэ с их коллегами-«стариками», специалистами по политическим интригам. «Новые» стремились к власти, чтобы создать благоприятный климат для бизнеса, а «старикам» нужен был лишь доступ к почестям и привилегиям.

Если на протяжении 30 довоенных лет «исторические» партии демонстрировали свою непримиримую враждебность, то через несколько лет после революции 1989 г. они объединятся в Демократической конвенции, чтобы ввиду президентских и парламентских выборов 1996 г. противостоять Илиеску и поддерживающей его Партии социальной демократии Румынии — наследнице ФНС.

«Исторические» партии в основном объединили тех, кто в буржуазной Румынии пользовался привилегиями, имел собственность и положение. Все эти люди хотели вернуть довоенный статускво. Статистический анализ членства в этих партиях в первой половине 90-х годов не показывал, однако, что большинство из них — прошлые собственники или их наследники, но «ядро» этих партий состояло из таких людей. Именно это «ядро» и превратило свой личный интерес в политические цели (10).

Процесс формирования новой политической элиты поначалу шел по принципу отторжения от коммунистического прошлого. К 1992 г. борьба за власть начинает облекаться в формы политического противостояния, за которым стояли разные подходы и концепции реформ. И все же партии в начале 90-х годов представляли собой группы поддержки отдельных лидеров, претендующих на власть. Они не могли еще быть политическими организациями с функциями демократического представительства. Поэтому роль отдельных личностей в складывании новой модели общественного развития оказалась чрезвычайно велика. Самой успешной среди них продолжал быть Илиеску, который и на следующих выборах в 1992 г. без труда одержал победу, хотя и не столь безусловную.

Экономическая и политическая программа Илиеску как руководителя Фронта национального спасения поначалу не была выражена достаточно определенно. Ясно было только, что она отрицала чаушизм и имела социальную направленность. Постепенно программа Илиеску приобретает более отчетливые контуры. В политическом руководстве ФНС к 1991 г. обнаруживается размежевание между сторонниками мягких и постепенных преобразований (Илиеску) и жесткого вхождения в рынок (премьер-министр П.Роман, более молодой и более радикально

настроенный). Но вскоре Илиеску удалось выйти победителем из этой конфронтации.

С точки зрения оппозиционных лидеров, группа либеральных коммунистов во главе с харизматической фигурой Илиеску представляла консервативные взгляды. Именно поэтому премьер-министр В.Роман — сторонник жестких рыночных реформ — покинул в октябре 1991 г. свой пост. С ним ушла и «технократическая элита, получившая образование на Западе на деньги РКП в 60—70-е годы» (10, с.81). В конце марта 1992 г. был оформлен раскол ФНС на две группы: ФНС во главе с Романом (позже — Демократическая партия) и Демократический ФНС под председательством Илиеску (позже — Партия социальной демократии Румынии). Группа Романа, которая вначале была более многочисленной, потеряла вскоре многих своих сторонников. За Илиеску к выборам 1992 г. оказалось большинство.

Краеугольным камнем экономической программы группы Илиеску стало понятие «социальной рыночной экономики», подразумевающее контроль государства над значительной частью экономики. Важным термином политической пропаганды оставалась на протяжении шести лет «социальная защита», которая использовалась в ходе всех предвыборных кампаний. Именно благодаря акцентированию внимания на «социальной защите» президенту Илиеску, как считали его критики, удалось добиться успеха на выборах 1990 и 1992 гг. (9, с.84). На самом деле, писали критики Илиеску, это был своеобразный тактический прием. Он не раз жертвовал социальной защитой ради сохранения своего контроля над обществом.

В связи с этим некоторые оппозиционно настроенные румынские аналитики приходили к заключению об авторитарности правления Илиеску в 1990—1996 гг. Секрет устойчивости пребывания Илиеску у власти они видели в умелом воздействии на массы, использовании их консервативных предрассудков, низкого образовательного уровня и страха перед реформами. Важнейшую роль в успехе Илиеску, подчеркивала, в частности, А.Мунджиу, сыграл также контроль над телевидением, которое являлось единственным самым доступным средством информации для многих сельскохозяйственных районов, куда пресса поступает с запозданием (9).

Анализу популизма программы Илиеску уделялось много внимания в румынской политологической литературе, особенно в связи с периодом 1990—1992 гг. Как отмечал Д.Барбу, в этот период Илиеску уда-

лось в глазах общества превратиться из выразителя спонтанного выбора народа в генерала народного фронта, стратега массового движения. Давление интеллектуальной элиты на процесс восхождения к власти старой номенклатуры заставило Илиеску играть эту роль. И только с момента, когда конфликт поколений (Илиеску—Роман) уже не мог быть смягчен, а накануне выборов 1992 г. кристаллизовались партии, президент мог открыто представить себя в качестве высокого партийного функционера. До 1992 г. Илиеску правил страной в режиме народного фронта (2, с.8).

Румынский вклад в типологию популизма, не без доли иронии отмечал Д.Барбу, состоит в том, что «в 1990—1991 гг. мы не имеем харизматического лидера, который атакует позиции политической и экономической элиты во главе армии обездоленных. Мы имеем фактически шефа политического аппарата, который подстрекает массы, озабоченные судьбой жалких привилегий, которые они имели при тоталитаризме, против интеллектуальной элиты» (2, с.7).

Наиболее резкой критике со стороны оппозиции подвергался тезис Илиеску об «оригинальной демократии», которой не нужны политические партии. Впервые этот тезис прозвучал у Илиеску в начале 1990 г., но как концепция был сформулирован в начале 1992 г., что дало оппозиции основание для очередных обвинений президента в «ностальгии по авторитаризму».

Вместе с тем, как доказывал В. Пасти, с декабря 1989 по май 1990 г. (когда состоялись первые выборы) Румыния действительно прошла через стадию «оригинальной демократии». Некоторые ее черты установились именно тогда, хотя в известной мере присутствовали и в политической жизни середины 90-х годов.

По мере того, как страна с трудом входила в рыночные отношения, основным содержанием публичной деятельности оппозиционной политической элиты стали обвинения команды Илиеску то в связях с КГБ и скрытых коммунистических симпатиях, то в недостаточно решительной экономической реформе.

Но пока шли дискуссии, экономика и общество эволюционировали в известной мере по инерции. Пока либеральные политики обсуждали задержку процесса приватизации и упрекали команду Илиеску в отсутствии политической воли, шла приватизация скрытая, нелегальная, ибо нормативный план приватизации был негибким и к тому же скован весьма косными бюрократическими структурами. Эти структуры быстро осознали свою силу. Они вовсе не были заинтересованы в усиле-

нии процессов разгосударствления. Вследствие этого громадные размеры приобретает приватизация на незаконных основаниях. Бюрократические препоны и коррупция благоприятствовали плавному перетеканию государственных средств в карманы крупных частных «предпринимателей», которые в значительной части состояли из бывших руководителей госпредприятий, людей, близко стоящих к рычагам банковско-финансовой, торговой и прежде всего экспортно-импортной деятельности в коммунистической Румынии, а также членов разнообразных советов, уполномоченных новыми государственными структурами (3).

Результатом такой спонтанной реформы, проходившей под фактическим покровительством левой социал-демократии, находившейся у власти, стало рождение мощных трестов и монополий, в которых решающую роль играет государственно-бюрократический аппарат. Огромные состояния возникали не в частных мастерских и магазинах, а на основе крупных финансовых и торговых операций с использованием государственных рычагов управления. В этой ситуации парадоксально звучали обвинения в адрес властей в их коммунистических симпатиях на том лишь основании, что они пытались смягчить негативные последствия структурной перестройки на жизненный уровень широких слоев населения.

Тем не менее, кредит доверия Илиеску к концу второго президентского срока (1996) стал иссякать, а оппозиция стала набирать силу. Экономического чуда не происходило, положение населения было достаточно трудным. Коррупция, финансовые пирамиды и раздражающая роскошь новых богачей подрывали демократический имидж нового режима.

Администрацию Илиеску и правительство 1992–1996 гг. правая оппозиция обвиняла не только в некоммунистических симпатиях, но и ложной социальной политике, якобы направленной на смягчение социальных последствий проводимых преобразований, а на деле лишь усугублявшей плачевное материальное положение преобладающей массы населения. Во властных структурах действительно оказалось много представителей бывшей коммунистической номенклатуры, что, по мнению оппозиции, давало им неограниченные возможности личного обогащения, в том числе и за счет перехода в новую экономическую элиту.

При этом уже с начала 90-х годов устойчивую поддержку в обществе получили политические объединения националистического толка. Хотя национал-коммунистический режим Чаушеску ассоциировался с нищетой и моральным унижением, дальнейшее падение жизненного

уровня из-за негативных последствий социально-экономической и политической перестройки рождало иллюзии, что с уходом национал-коммунизма Румыния потеряла всякую надежду на возрождение. Наиболее радикальные из этих объединений — Партия национального единства Румынии и Партия «Великая Румыния» — прошли в 1992 г. в парламент, несмотря на одиозно скандальное поведение их лидеров — Г.Фунара и особенно К.В.Тудора, и даже были приглашены в правящую коалицию ПСДР, которая прагматически учитывала, что националистический дискурс привлекает значительную часть электората. Этот факт затем постоянно использовался противниками Илиеску в качестве главного доказательства его скрытых националистических симпатий.

В 1996 г. после нескольких лет оппозиционной деятельности большинство в парламенте получил альянс партий праволиберального толка (Демократическая конвенция Румынии), а их представитель, профессор университета Эмиль Константинуеску, стал президентом. Эта победа далась нелегко. Константинуеску победил Иона Илиеску только во втором туре. Тем не менее, это был момент радужных ожиданий для либерально настроенной интеллигенции. Страна, думали многие, встала на путь более радикальных социально-экономических и политических реформ, что, наконец, освободит ее от пут неразвитости и косного балканизма.

В правящую коалицию вошли блоки Демократическая конвенция Румынии и Социал-демократический союз, а также партия «Демократический союз венгров Румынии». Ядро ДКР, включавшей Национал-либеральную партию и Аграрную партию Румынии, составляла Национал-цэранистская христианско-демократическая партия.

Основной в Социал-демократическом союзе была Демократическая партия с лидером П.Романом, бывшим премьером первого после-революционного правительства.

Оптимистические прогнозы, однако, не оправдались. Вскоре обнаружилось, что правящая коалиция слишком неоднородна, ее начали раздирать внутренние противоречия. Кульминационным моментом нарастания разногласий явился правительственный кризис конца 1997 — начала 1998 г., поставивший под угрозу политическую стабильность.

Противоречия между партнерами по коалиции, а также внутри самой Демократической конвенции так и не позволили создать на протяжении четырех лет эффективное и жизнеспособное правительство. Кабинеты сменялись один за другим, что к тому же сопровождалось мно-

гочисленными политическими скандалами, обвинениями в продажности и коррупции. Новая политическая элита не смогла прийти в течение этого времени к консенсусу относительно четко сформулированного курса реформ. Экономика продолжала балансировать на грани срыва, что давало основания для неутешительных прогнозов. Цели внешней политики, о которых говорил Константину при вступлении в должность, также не были достигнуты. Константину, безусловно, не был столь опытным политиком, как Илиеску. Не раз он допускал неловкости в международных контактах, на которые обращали внимание румынские аналитики (13). Присоединение Румынии к НАТО отодвигалось на неопределенное время; уже после окончания президентских полномочий Константину Румыния была включена в переговорный процесс для вступления в Европейский союз.

Тем временем Партия социальной демократии Румынии, отцом-основателем которой был Илиеску, хотя и ушла в оппозицию, но сохранила за собой значительное число мест в парламенте (22%). Социал-демократические взгляды левоцентристского толка, которые выражала программа этой партии, по-прежнему привлекали большую часть румынского электората. Не последнюю роль в сохранении политического единства ПСДР сыграли умелая тактика самого Илиеску, а также его авторитет.

На президентских и парламентских выборах 2000 г. преобладающее большинство избирателей отказало в доверии праволиберальному курсу в его отечественном варианте. К власти снова пришел Ион Илиеску. Партия социальной демократии Румынии из парламентской оппозиции вернулась на арену политической жизни как самая влиятельная организация социал-демократической направленности левоцентристского толка. ПСДР шла на парламентские выборы общим списком с двумя небольшими партиями схожей ценностной ориентации — Румынской социал-демократической партией и Гуманистической партией Румынии — и получила около 45% голосов. В результате этих выборов Демократическая конвенция Румынии и ее ядро, Национал-цэранистская христианско-демократическая партия, потерпели сокрушительное поражение, не пройдя даже в парламент. Бывшие партнеры НЦХДП по правительственной коалиции, Демократическая партия Романа и «историческая» Национал-либеральная партия, участвовали в выборах отдельно и в парламент прошли, получив около 9% голосов каждая.

Выборы 2000 г. выявили не только крах право-либеральной политики, но и неожиданно мощную для большинства аналитиков поддержку националистической идеологии в обществе. К.В.Тудор, глава националистической Партии «Великая Румыния», к удивлению либеральной интеллигенции и зарубежных наблюдателей, получил 28,34% голосов избирателей и вышел во второй тур президентских выборов вместе с Илиеску. Его партия по итогам парламентских выборов заняла второе место после Партии социальной демократии Румынии, как в палате депутатов, так и в сенате.

Уже накануне выборов 2000 г. социологические опросы показывали резкий скачок симпатий к Тудору и его партии. Однако действительность превзошла все прогнозы. Поэтому накануне второго тура президентских выборов Партия социальной демократии Румынии, уже получив около 45% голосов в парламенте, призвала демократически ориентированные партии подписать Меморандум о совместной деятельности против угрозы крайнего национализма. Меморандум, однако, подписан не был. Правда, Тудор, несмотря на всю свою демагогию, не улучшил результаты первого тура.

Успех Партии «Великая Румыния», отмечали комментаторы, был хотя и «потрясающим, но конъюнктурным». Он явился результатом не столько деятельности самой ПВР, сколько невольным следствием политического разложения Демократической конвенции Румынии и отсутствия ясной политической альтернативы у населения.

Однако нельзя недооценивать опасность избирательного успеха экстремистского движения неонацистского толка, использующего демагогию национал-коммунизма Чаушеску. Социальный пессимизм и дальнейшее снижение жизненного уровня населения, на фоне которых проходили выборы, повлияли на их характер. Были разрушены иллюзии либеральной интеллигенции, что демократия победила в Румынии окончательно.

Проблема экстремистских тенденций в румынской политике не сводится к определенным политическим объединениям, хотя в данном случае свою роль сыграла и умелая демагогия Тудора. Наличие ксенофобских, националистических, даже расистских тенденций в общественном сознании при острой социальной неудовлетворенности может блокировать процесс демократической трансформации. К тому же Румыния в межвоенный период уже пережила опыт организации таких движений. Выборы 2000 г. показали неустойчивость, если не

структурный кризис демократического здания, они также явились экзаменом для стабилизации демократической политической системы (12). Поскольку общество потеряло веру в способность праволиберального руководства проводить экономические и политические реформы в интересах рядовых граждан, стали раздаваться голоса, что правые, возможно, вообще покинут сцену политической жизни (5).

В период президентства Константинуэску произошла сильная реструктуризация всей политической системы румынского общества. Оно прошло путь от биполярной системы, при которой две большие партии могли бы править альтернативно, путем привлечения ключевых союзников к системе с громадной единой партией (ПСДР), вынужденной править, не имея абсолютного большинства мест в парламенте. Эта политическая система, как полагали после выборов некоторые эксперты, нестабильна. Она должна изменяться и вести за собой внутренние структурные изменения в политических партиях, в первую очередь парламентских.

Изменения не заставили себя долго ждать. Руководство ПСДР снова предприняло полезный для себя тактический шаг. 16 июня 2001 г. было объявлено о слиянии Партии социальной демократии Румынии и Румынской социал-демократической партии. РСДП была партией небольшой, но считалась преемницей СДПР межвоенного периода, партией парламентской и имевшей определенное влияние на политическую жизнь того времени. Под угрозой репрессий в 1948 г. СДПР приняла решение о своем слиянии с Коммунистической партией, что, однако, не спасло ее руководителей от преследований. После своей реконструкции РСДП стала членом Социалистического интернационала и Европейской социалистической партии. Социал-демократический имидж был как нельзя кстати для Партии социальной демократии Румынии в условиях неустойчивого парламентского большинства. В результате слияния ПСДР и РСДП возникла партия, которая получила упрощенное название – Социал-демократическая партия, что отвечало программе ПСДР и ее стремлению выглядеть респектабельно в общеевропейском контексте. Это был очередной выигрышный ход команды Илиеску.

За полтора года до конца своего президентского срока, 8 февраля 2003 г., на совещании СДП в Снагове Илиеску предложил радикальную антикоррупционную программу, которая своей бескомпромиссностью привела в замешательство даже его ближайшее окружение. Президент настаивал на повышении налогообложения с высоких доходов до 80%, отказе парламентариев от участия в бизнесе, по крайней мере от участия

в административных советах государственных и частных компаний. Министр экономики назвал предложения президента «экономическим разбоем» и «вышедшими из моды», сославшись на то, что в экономической политике Западной Европы сейчас противоположные тенденции. Кроме этого Илиеску выступил с инициативой обязать всех членов СДП предоставить для публикации в «Мониторул официал» данные о своих доходах начиная с 1990 г. Он также потребовал создания Контрольной комиссии СДП для проверки этих данных. Председателям обеих палат и руководителям фракций было предложено выяснить отношение парламентариев к этим предложениям ввиду подготовки пакета антикоррупционных законов (7; 14).

Эти инициативы были расценены комментаторами как очередная акция президента по усилению своего имиджа отца нации. Поскольку Илиеску заявлял, что не будет выставлять свою кандидатуру на очередных президентских выборах, то единственным импульсом для такого шага, с точки зрения Р. Чобану, могло быть желание оставить о себе добрую память среди недовольного реформами населения. Илиеску уже не боялся вызвать недовольствие своих сподвижников по партии, хотя этой партии он отдал 15 лет жизни и сам стоял у ее истоков (6). Социал-демократическая партия насчитывает в своих рядах много предпринимателей, поэтому инициативы Илиеску не встретили одобрения, но популярность президента, как показали опросы, возросла. Его рейтинг стал на 7% выше рейтинга премьер-министра А.Нэстасе. Илиеску наделен инстинктом, который позволяет ему нравиться массам. Никто не может соперничать с ним в умении говорить с народом на его языке. Он воюет с бюрократами и парламентариями-патронами, требует, чтобы отобрали богатство у богатых и отдали бедным, он советуется с пенсионерами и призывает министра финансов найти решение проблем. СДП получает у Илиеску урок того, как можно завоевывать президентство (6).

### Список литературы

1. Морозов Н.Н. Румыния 1989: Революция или путч? // Россия и современный мир. — М., 1994. — №1. — С.186 — 205.
2. Barbu D. Scurtă istorie a populismului românesc // Sfera politicii. — Buc., 1996. — N38. — P.4—8.
3. Brucan S. Stâlpii noii puterii în România. — Buc., 1996. — 151 p.
4. Brucan S. Treptele tranziției spre capitalism. — Buc., 1999. — 111 p.

5. Huiu I. Noii lideri și schibarea politicii românești // Sfera polit. – Buc., 2001. – N89. – P. 31–34.
6. Ciobanu R. Adeveratul Iliescu // Adevărul. – Buc., 2003. – 15 febr. / Режим доступа [www.adevarul](http://www.adevarul) online.ro.
7. Iliescieni își tradeaza mentorul // Curentul. – Buc., 2003. – N 32. – P.1.
8. Iliescu I. Revoluție și reformă – Buc., 1994. – 279 p.
9. Mungiu A. Românii după '89. – Buc., 1995. – 326 p.
10. Pasti V. România în tranziție. – Buc., 1995. – 331 p.
11. Pasti V., Miroiu M., Codita C. România – starea de fapt. – Buc., 1997. – Vol.1. – 218 p.
12. Pirvulescu C. Exceptionismul românesc // Sfera polit. – Buc., 2001. – N90. – P. 20–23.
13. Stan V. Romania și eșecul campaniei pentru Vest. – Buc., 1999. – 316 p.
14. Tănăsescu: Inițiative economice ale lui Iliescu sunt demodate // Curentul. – Buc., 2003. – N31. – P.1.
15. Tismăneanu V. Exceptionalismul românesc? // Sfera polit. – Buc., 1998. – N62. – P. 45–48.

**Э.Г.Задорожнюк**

## ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПРЕЗИДЕНТА- ДРАМАТУРГА ВАЦЛАВА ГАВЕЛА

Последнюю четверть истории Чехословакии, а затем десятилетнюю историю Чехии — и в немалой степени всей Центральной (бывшей Восточной) Европы — невозможно представить без фигуры Вацлава Гавела. Об этом постоянно и совершенно справедливо говорилось перед его уходом с поста президента. Так, 15 января 2003 г., на совместном заседании депутатов и сенаторов председатель палаты депутатов Парламента Л.Заоралок, обращаясь к Гавелу, подчеркнул: «Со времен Томаша Гаррига Масарика пост Президента в этой стране, может быть, является более престижным, чем в других государствах. Я уверен, в том, что Вы способствовали этому. На своем посту Вы стали “спикером” Центрально-европейского региона, а потому саммит НАТО впервые за бывшим “железным занавесом” проходил именно в Праге. От имени обеих палат Парламента ЧР позвольте мне поблагодарить Вас, потому что Вы внесли большой вклад в развитие этой страны. Господин президент, спасибо Вам!»<sup>1</sup>.

Большинство приверженцев и оппонентов уже экс-президента согласны с тем, что одно из главных убеждений Гавела — неприятие идеи коммунизма и социализма, причем тотальное. Оно вознесло Гавела на высоты политики и общественной мысли своего времени. Система аргументов против указанной идеи всегда отличалась у него редкой искусностью и эмоциональной насыщенностью, а практика социализма подвергалась острой критике.

И что же? Социал-демократические партии превалируют в большинстве стран Западной и Центральной Европы; их лидеры возвращают себе посты премьер-министров и президентов в странах Балтии; на начало нового века «социалистическая зараза» не затронула высшую власть лишь в двух крупных странах — США и России. Премьер-министр Чехии на момент ухода Гавела с поста президента — социал-демократ; представитель этой же партии боролся за пост президента. Поражение испытал коммунизм, но Коммунистическая партия Чехии и Моравии остается крупнейшей политической силой в стране, причем прогнозы относительного того, что число ее сторонников будет уменьшаться вследствие «старения», не оправдываются.

Объектом своего неприятия Гавел избрал социализм не столько политический, сколько метафизический, а в чем-то даже эстетический. Таковой, по его мнению, должен быть истреблен окончательно, что возможно лишь тогда, когда удастся выявить его источники. Один из них — в России, сколько бы ни говорили ее лидеры о своей приверженности ценностям демократии и единой Европы. Отсюда — трудно уловимая, но все же слышимая подмена антисоциализма некой русофобией<sup>2</sup>.

Задача создания политического портрета В.Гавела, однако, не проста. Дело в том, что свои политические предпочтения он высказывал с большой долей неопределенности и нарочитой незавершенности, а его внешнеполитические оценки и решения отличались чрезмерными предпочтениями одних векторов при демонстративном игнорировании других. Для тех, кого условно можно назвать апологетическими историографами, это — признак лучшей политики, а Гавел — политический идеалист, рыцарь без страха и упрека. Но такой представитель критической историографии, как английский исследователь Дж. Кин, в свое время тесно общавшийся с Гавелом и переводивший на английский язык его книгу «Власть безвластных», оценивал его стиль как довольно искусный макиавеллизм<sup>3</sup>.

С учетом всего этого нейтральный политический портрет Гавела написать пока не удастся — время реалистической историографии, на наш взгляд, еще не наступило. Слишком легко этот политик позволял себе разные метафизические передержки для оправдания прагматически оцениваемых задач, слишком просто и даже нарочито проводил в мире линии раздела, многое списывая на причудливое воображение художника-абсурдиста.

Это — президент в течение 13 лет, постоянно и почти безоговорочно избиравшийся народом, — правда, в лице его представителей в парламентах Чехословакии, а затем Чехии. Но часто создавалось впечатление, что народ устал и свои проблемы, включая политические, решал практически без него. Тем более, что свою миссию Гавел скорее видел в наставлении других народов — достаточно познакомиться с его многочисленными речами, произносимыми в основном при получении международных премий. Россия в этом плане — в числе самых нерадивых его учеников, не готовых к экзаменам ни по демократии, ни по европеизму<sup>4</sup>...

Возможно, изложение биографии Гавела и системы (скорее — совокупности) его политических взглядов позволит приблизиться к ответу на вопрос: почему это так?

## *Годы становления и мужания: 1936–1976*

Гавелы — семья в прошлом богатая, происходит из г. Лимберга в Северной Чехии; представители этого рода, старинного и почтенного, пользовались общенациональной известностью<sup>5</sup>. Гавел постоянно подчеркивал, что родился в семье «представителей крупной буржуазии»<sup>6</sup>. Но с неменьшей гордостью он отмечал, что его прапрадед был пражским мельником, а прадед — весовщиком. Дед со стороны отца Вацлав Гавел (1861–1921) приобрел известность как архитектор, построивший «Люцерну» (1907–1920) — первое железобетонное здание в Праге. Отец — Вацлав М. Гавел (1897–1979), продолжая его дело, построил жилой массив Баррандов, а дядя Милош Гавел (1899–1968) перенес туда основанную им киностудию. Он же стал одним из киномагнатов Чехословакии, а после 1939 г. — Протектората Богемии и Моравии, за что после окончания Второй мировой войны и был обвинен в коллаборационизме. После февральских событий 1948 г. он пытался перебраться нелегально за границу, но попал в тюрьму. Лишь позже Милош обосновался в Мюнхене, где в 1968 г. и встречался в собственном ресторане с племянником — незадолго до своей смерти и Пражской весны.

В обычных обстоятельствах родиться в семье с подобными традициями и репутацией было бы большим везением. Но в Чехословакии после 1948 г. это означало пожизненное клеймо. Гавел считал, что детские ощущения избранности, усиленные позже клеймом «классового врага», отразились в первую очередь на его литературном творчестве. В частности, он утверждал, что как раз в силу этого в его пьесах доминирует «взгляд “снизу”, взгляд “извне”. Это взгляд, сформировавшийся на чувстве абсурда»<sup>7</sup>. Своеобразные «качели» — от классовых привилегий к преследованиям по классовому признаку, — порождающие ощущение неприкаянности, неловкости, отверженности, а в итоге просто абсурдности. Гавел не принимал привилегий, а поэтому не понимал преследований.

В 1951 г. Вацлав окончил неполную среднюю школу и стал работать лаборантом, хотя ему по аттестату предназначалась профессия плотника. Одновременно продолжалась его учеба в вечерней гимназии, после восьми часов работы наступали четыре часа занятий. А еще — собственное творчество, начавшееся с 15-летнего возраста, когда он написал первые стихи.

В 1951–1953 гг. В. Гавел становится членом группы «Тридцать шестые» — по году рождения ее участников; в поисках «другой культуры» он познакомился с ведущими чешскими поэтами Я. Сейфертом (будущим нобелевским лауреатом) и В. Незвалом. Встречался молодой Гавел и с философами Я. Паточкой и И. Коларжем. Все эти контакты были, по его словам, на грани дозволенного, но считались им весьма важными в плане духовного развития.

С 1957 по 1959 г. Гавел служил в саперной части в г. Чешске Будейовице. Это была далеко не элитная часть, но и здесь поощрялась художественная самодеятельность. Поэтому солдат Гавел писал пьесы, которые оказались по духу антиармейскими — абсурд номер один; вопреки такой направленности, они все же ставились на сцене — абсурд номер два; наказания за открывшиеся в них насмешки часто оборачивались поощрениями — абсурд номер три. Первые пьесы определили тональность не только дальнейших драм, но и политической активности Гавела: говорить серьезно о смешном и смешно о серьезном.

После возвращения из армии он стал рабочим сцены в театре «АБЦ». Театр был на подъеме, и Гавел чувствовал себя равноправным участником творческого процесса, начав писать пьесы и критические статьи в газеты. В театре «На забрадли» он проработал восемь лет — до 1968 г., здесь он и написал наиболее известные свои пьесы<sup>8</sup>. В конце концов ему удастся поступить в Театральную академию и окончить ее с красным дипломом.

Театральная жизнь сблизила Гавела с Ольгой Шплихаловой, с которой он познакомился еще в 1953 г. и которая была дочерью рабочего, избравшей путь актрисы и помогавшей молодому драматургу. Несмотря на противодействие матери Гавела, они тайно расписались 9 июля 1964 г., после чего Ольга стала проникаться и политическими идеями своего мужа. Детей у них не было. В январе 1996 г. Ольга, верный соратник Гавела более 30 лет, умерла после продолжительной болезни. Впоследствии он не раз говорил о жене, как о своей незаменимой жизненной опоре. В январе 1997 г. Гавел женился во второй раз на актрисе Дагмар Вешкрновой.

Еще в 1964 г. в Чехословакии началось нечто, похожее на оттепель, предвещавшую Пражскую весну. Политическое лицо Гавела начало определяться с достаточной четкостью к середине 60-х годов, когда он перестал скрывать свои немарксистские настроения, сотрудничая с журналом «Tvář» (Образ). В одной из своих статей под абсурдистским (в

стиле своих пьес) названием «О диалектической метафизике» он подчеркивал опасность директивного мышления, так удачно превращающего нечто «хорошее» (живую диалектику) во что-то совсем «плохое» (непредсказуемую метафизику); протестовал против «механического втискивания действительности в колодки»<sup>9</sup>.

Первый звездный час для Гавела настал в 1968 г. (позднее был еще 1976 г., время создания Хартии-77, и 1989 г. — год президентства). Он — в числе лидеров, по крайней мере в кругах интеллигенции: в 1968—1970 гг. — председательство в «Круге независимых писателей»; май—июнь 1968 г. — поездки в США и Западную Европу; возобновляются спектакли по его пьесам; растет круг его политических знакомств, включая тогдашнего лидера Пражской весны Александра Дубчека. «Я советовал ему, — писал В.Гавел, — уступить социал-демократам, не осложнять жизнь бывшим политзаключенным, объединенным в “К 231”, я объяснял ему, что он должен избавиться от своих иллюзий относительно Кремля, что он не должен находиться в обороне и постоянно умирять общественность в надежде, что это ему как-то поможет, и многое другое»<sup>10</sup>. 1968 год стал годом получения первых зарубежных литературных премий, сначала из Австрии «за вклад в европейскую литературу», затем из США — за постановку пьес.

Однако в августе Чехословакия подверглась оккупации. Гавел 21—27 августа ведет совместное с женой Ольгой и актером Яном Тршиской свободное радиовещание в краевой студии чехословацкого радио г. Либерец (город не был поначалу оккупирован советскими войсками, они через него лишь проходили) против вторжения, критикует соглашательскую политику властей.

С осени 1968 г. по осень 1969 г. он — главный редактор обновленного журнала «*Tvář*», призванного сохранять видимость свободы слова. Такая миссия оказалась для Гавела неприемлемой, а в силу того, что журнал высказывал, по мнению властей, «абсолютно чуждые социализму идеи», он был закрыт<sup>11</sup>. Но Гавел продолжал печататься в других изданиях.

С 1969 г. начались времена сначала «бархатных», а потом открытых жестких преследований. Гавел лишается заграничного паспорта, почти сразу же прекращается постановка его пьес. В 1969 — 1970 гг. он привлекался к допросам, власти пытались обвинить его в подрывной деятельности, хотя уголовное дело было отложено на неопределенный срок. Интеллигент Гавел оказался весьма последовательным политиком, не

принимая самой идеи «нормализации». При этом он говорил о готовности положить свою жизнь за свободу, но не побуждал напрямую к этому других.

Гавел в 1971–1972 гг. писал новые пьесы, включая «Заговорщики», «Оперу нищих» (вторая была поставлена нелегально лишь в 1975 г.); они уже отвергались властями, принеся ему горькое осознание собственной отверженности.

Затем наступает период, который будущий президент назвал «сплошным бесформенным туманом». Хорошо еще, что гонорары из-за границы позволяли чете Гавелов сравнительно безбедно жить в Градечке, где в конце 60-х годов супруги купили домик.

В 1974 г. глава семьи неожиданно решил работать грузчиком на местном пивоваренном заводе, где он и трудился десять месяцев. Это, по его словам, было продиктовано желанием разорвать круг одиночества<sup>12</sup>, и Гавел не был разочарован общением с новым для него кругом людей. «Хождение в народ» увенчалось решением не быть и дальше лишь пассивным объектом «истории, написанной победителями», а попробовать стать хоть на миг опять ее субъектом; «короче говоря, не ждать, что сделают «они», а наоборот, сделать что-нибудь самому и заставить «их» заниматься чем-то другим, а не тем, что они сами запланировали»<sup>13</sup>.

8 апреля 1975 г. Гавел пишет Г.Гусаку открытое письмо, провавшее «молчание интеллигенции, парализованной кровавым концом Пражской весны»<sup>14</sup>. Главная его тема — констатация морального падения страны, которого нельзя скрыть за фасадом спокойной жизни, и мера ответственности руководства за это. В основе общественной власти, цели которой ограничиваются самосохранением путем насильственного единства, подчеркивалось в письме, лежит недоверие ко всякому разнообразию, сопротивление неведомому, стремление к однообразию и неподвижности, непреодолимое влечение к статускво. Гавел писал: «...вопреки всем привлекательным внешним фактам внутренне наше общество не только вовсе не консолидировано, но наоборот, погружается во все более глубокий кризис, который в чем-то даже опаснее всех тех кризисов, какие памятны нам по нашей Новейшей истории»<sup>15</sup>.

Письмо и отвечало настрою времени общественного разочарования, и опережало его. Гавел вскрыл всю губительность для общества так называемого «режима нормализации». Поступок этот выражал его решимость самым радикальным образом противостоять всеобщей апатии, письмо получило широкий резонанс в стране и за рубежом, его передава-

ли западные радиостанции, сравнивавшие Гавела, требовавшего «жизни по правде», с А.Солженицыным, ранее призывавшим «жить не по лжи».

Прямых репрессий по отношению к автору письма не последовало; Гавел написал пьесы «Аудиенция» и «Вернисаж» в 1975 и «Гостиницу в горах» в 1976 г., а также наладил издательскую деятельность, организуя серии «Edice Expedice» и «Pohledy 1» («Мнения 1»)<sup>16</sup>. До апреля 1979 г. вышло 51 ее название.

Во второй половине 70-х годов Гавел формируется как профессиональный политик, несмотря на то, что в апреле 1975 г. он решительно заявляет в интервью с И. Ледерером: «Активно заниматься политической деятельностью на практике я не хочу»<sup>17</sup>. Пиком этой деятельности явилась работа в ноябре—декабре 1976 г. по подготовке Хартии-77 с осознанием того, что это был прямой вызов властям. Ощущение «неделимости свободы» стало тем последним шагом, что привело его в круг создателей этой платформы независимого мышления, которую в период между Рождеством и Новым годом подписали 242 человека<sup>18</sup>. Несмотря на преследования, Хартию к 1 февраля 1977 г. подписали еще 208 человек, к 9 марта — 177, а к 13 июня под документом появились еще 133 новые подписи<sup>19</sup>.

Таким образом, путь в политику Вацлава Гавела оказался непростым. Его взросление и мужание происходило в тяжелейших социальных условиях и при непростых жизненных обстоятельствах. Но он не только противостоял им, он осуществлял мощнейшие импульсы альтернативной политики.

### *Годы борьбы: От Хартии-77 до «бархатной» революции 1989 г.*

В книге «Хартия-77. 1977—1989. От моральной к демократической революции», изданной известным чешским историком В.Пречаном в 1990 г., имя Гавела — в общем ряду. Указывается только, что он был в первой тройке «млувчих» (спикеров или пресс-секретарей)<sup>20</sup>. Сам он называет безусловным лидером Иржи Гаека, в то время 64-летнего историка и бывшего политического деятеля, выступившего в 1968 г. в ООН против оккупации Чехословакии. Третьим спикером был 70-летний философ Ян Паточка, который скончался 13 марта 1977 г. после допроса о его деятельности в рамках Хартии.

«Я взял на себя, — пишет Гавел, — техническую сторону и развез сборщикам текст и инструкцию, как собирать подписи. Сам я тоже собирал подписи, главным образом среди своих друзей, литераторов»<sup>21</sup>. Большинство же биографов считают именно Гавела вдохновителем и организатором Хартии. Действительно, именно он собирал подписи под документом, что было связано с немалым риском, явился соавтором (другими были П.Когут и З.Млынарж) «Воззвания», приурочил выпуск Хартии к 1 января 1977 г.; при этом Гавел понимал, что наказание от властей последует незамедлительно.

Появление Хартии взбудоражило и международную общественность, и чехословацкую полицию. 6 января она задержала автомобиль Гавела, в котором находились также писатель Л.Вацулик и актер П.Ландовский; все они направлялись в Федеральное собрание и Канцелярию президента для передачи «Воззвания Хартии-77» со всеми собранными подписями. В доме Гавела был проведен обыск, его допрос снимался на пленку. Но 8 января он все же подписал еще один документ Хартии-77, а 10 и 11 января подвергся более подробным допросам. 12 января пражская «Руде право» и братиславская «Правда» выступили со статьей «Банкроты и самозванцы», в которой он назывался «непримиримым антисоциалистом»<sup>22</sup>.

14 января 1977 г., после неоднократных допросов, Гавел оказывается в тюрьме, откуда выходит только весной — 20 мая. Ему инкриминировался ряд нарушений законов республики<sup>23</sup>. Первое тюремное заключение оказалось для него самым трудным в психологическом плане. Он тяжело перенес смерть философа Яна Паточки, последовавшую вскоре после провозглашения Хартии. Гавел ранее подал прошение об освобождении, и на этом основании власти заявили, что тем самым он отказался от роли глашатая Хартии-77. В то же время они распространяли порочащие его репутацию слухи, а внутри тюрьмы оказывали на него давление. «...Я вышел из тюрьмы опозоренный и оказался лицом к лицу с обществом, которое представлялось мне одним сплошным упреком», — так позже сказал об этом Гавел в письме к жене Ольге<sup>24</sup>.

Но тяготы заключения не смогли полностью сломить Гавела, более того, они активизировали его деятельность в защиту прав заключенных. После тюрьмы он публиковал работы, давал интервью, устраивал демонстрации. Началась борьба, в которой трудно было найти компромисс.

В октябре того же 1977 г. по сфабрикованному обвинению в «покушении на интересы республики за рубежом» Гавела осуждают на 14 месяцев тюрьмы условно, с отсрочкой приговора на три года. Лишь 26 ноября 1989 г. этот несправедливый приговор был отменен.

28 января — 13 марта 1978 г. состоялось предварительное следствие по обвинению «в нападении на представителей властей» — неуклюже выдуманному поводу. Гавел направлялся в Дом культуры железнодорожников на Виноградах на бал, который должен был стать и местом встречи хартистов. Переодетая полиция грубо напала на него и избила. А выдвинутые обвинения были явно несостоятельны.

После выхода из тюремного заключения Гавел как бы в ответ становится одним из создателей Комитета защиты несправедливо преследуемых и членом шведского ПЕН-клуба. Он снова избирается спикером Хартии с 6 ноября 1978 г. по 8 февраля 1979 г.

К этому времени была написана одна из ключевых политических работ Гавела — книга «Власть безвластных» (под названием «Сила бессильных» ее перевели на русский язык в 1991 г. в Минске). К 1978 г. контуры и сила Хартии-77 определились в достаточной мере, поэтому и начальные слова книги: «По Восточной Европе бродит призрак, который на Западе называют “диссиденты”»<sup>25</sup> (с явным намеком на слова Коммунистического манифеста 1847 г.) звучали обнадеживающе. Диссиденты — не бессильны, они пока безвластны; это нужда, представляющая из себя добродетель, ибо в условиях «диктатуры политической бюрократии над нивелированным обществом»<sup>26</sup> власти им не дают. В грядущем же «посттоталитарном обществе» она, может, не будет нужна. А уж тем более не нужна будет идеология, фальсифицирующая настоящее и будущее, ибо исчезнет ее опора — ложь, считал Гавел.

Это не значит, что честным людям не следует напрямую выступать против диктатуры. Надо, но без вовлеченности в политику, особенно в ее рутинные процедуры. Хартия-77 показывает, что гражданская активность приобретает весомую силу при опоре на «особое политическое значение нравственного аспекта»<sup>27</sup>.

Хартия не выдвигает альтернативных политических программ, и в этом плане ее приверженцы, как утверждают сами хартисты, не являются оппозицией. Скорее она ориентирована на создание «параллельных структур, осуществляющих служение правде и защиту человека»<sup>28</sup>. Под эту идею, отмечал Гавел, формируются не столько зародыши будущих социальных институтов, сколько гражданские сообщества — группы лю-

дей, обладающих авторитетом в силу всего только отторжения власти наличествующей.

Гавел верил в сопротивление «снизу», в потенциал независимой жизни «гражданских сообществ» вне рамок государственной власти. «Власть безвластных», полагал он, заключается в способности самоорганизации гражданского общества, которая бросает вызов «инструментальному разуму», воплотившемуся в государстве, в технических средствах контроля и подчинения. Позже это оказалось утопией, корни которой можно было обнаружить в опоре на тотальное неприятие политики.

В Комитете защиты несправедливо преследуемых Гавел деятельным образом участвует вплоть до 29 мая 1979 г. Именно в этот день на Комитет обрушиваются репрессии; Гавела вновь арестовывают, обвиняют в попытке свержения существующего строя и 23 октября приговаривают к четырем годам лишения свободы за подрывную деятельность против республики. Гавел так прокомментирует свое тогдашнее состояние в уже цитированном письме: «Лучше всего я чувствовал себя в тюрьме: во время второго срока заключения я вздохнул чуть свободнее, а во время третьего, который длится и по сей день, я — хочется надеяться — наконец-то пришел в себя»<sup>29</sup>.

Из тюрьмы его выпускают в 1983 г. досрочно по состоянию здоровья — после тяжелейшего воспаления легких. Гавел почти сразу включается в общественную жизнь: ставит подпись под документами Хартии-77, дает интервью западным корреспондентам, пишет по тюремным воспоминаниям пьесу «Ошибка».

Как уже отмечалось, деятельность Гавела во второй половине 80-х годов резко активизировалась, причем в самых различных направлениях. В 1986 г. он завершает редактирование интервью с Карелом Гвиждялой «Заочный допрос» — концентрированное обобщение своей биографии и художественно—политических воззрений. С сентября 1987 г. он становится членом редколлегии самиздатовского ежемесячного периодического издания «*Lidové noviny*». В октябре 1988 г. он подписал Манифест «Демократия для всех»<sup>30</sup>, с которым выступила независимая политическая инициатива Движение за гражданскую свободу, а с ноября 1988 г. становится членом Чехословацкого Хельсинкского комитета. Гавел, отходя от принципов «неполитической политики», считал манифест «Демократия для всех» «важнейшим политическим актом 1988 г. для Чехословакии, поскольку внешне казавшиеся банальными истины,

содержавшиеся в нем, были представлены в целостном виде, публично и как руководство к действию»<sup>31</sup>.

В духе предшествующих идей Гавела, в частности письма Гусаку 1975 г., существовавшая власть оценивалась в нем как виновник морального кризиса. Поскольку коммунистическая партия не желала отказываться от тоталитарного способа правления, манифест совершенно определенно отрицал законность догмата о ее так называемой руководящей роли и выдвигал в качестве базисного политический принцип демократического плюрализма.

В эти годы пьесы Гавела ставятся все чаще и все в большем числе театров во всем мире, он получает премии (в частности, имени Эразма Роттердамского в 1986 г., Улофа Пальме в 1990 и немецкого Креста за заслуги в 2000 г.; постоянно шли разговоры о его выдвижении на Нобелевскую премию) и почетные звания многих университетов, дает бесчисленные интервью для зарубежных средств массовой информации.

1989 год начался очередной и яростной стычкой Гавела с властями. 16 января он выступил на митинге на Вацлавской площади в память о Яне Палахе, совершившем в 1969 г. самоубийство в знак протеста против оккупации Чехословакии. Последовал арест и были приняты жесткие меры со стороны государства. Однако посыпались многочисленные протесты, ухудшилось здоровье уже немолодого политика, и власти 17 мая выпустили его.

### *В роли президента*

С 18 сентября по 9 ноября 1989 г. — Гавел еще раз становится спикером Хартии-77. На сей раз одним из последних. Ибо в том же ноябре он основывает (вместе с хартистами, коммунистами-реформаторами периода Пражской весны и другими политиками, партийная принадлежность которых в тот момент — дело третьестепенное) Гражданский форум как олицетворение власти безвластных. Появление этой достаточно аморфной в политическом плане структуры с большим потенциалом разрушения коммунистической власти определило новую перспективу Гавела-политика.

Уже через два дня после начала «бархатной» революции в ноябре 1989 г. Гавел предстает в роли искусного политика, ведущего переговоры от имени созданного 19 ноября 1989 г. при его непосредственном участии Гражданского форума (ГФ), как с официальными представителями го-

сударственной власти ЧССР, так и с политиками демократической ориентации.

Начало блестящее. Но от ряда наблюдателей уже тогда не скрылось, что главный вопрос «бархатной» революции — вопрос о власти — решался в Чехословакии не на демократических выборах, как это происходило в Венгрии и Польше, а в ходе кулуарных переговоров лидеров набравшей силу оппозиции с представителями официальной власти. В.Гавел на пресс-конференции 26 ноября 1989 г. заявил, что проведение свободных парламентских выборов в Чехословакии возможно лишь через год<sup>32</sup>.

Вместо них состоялась серия переговоров лидеров возглавивших «бархатную» революцию движений — Гражданского форума и Общественности против насилия (ОПН) — с главой правительства ЧССР коммунистом Л. Адамцем, которая завершилась отставкой не только Кабинета министров, но и самого премьера.

Следующий раунд переговоров лидеров ГФ и ОПН с новым федеральным премьер-министром, коммунистом М. Чалфой, удалось завершить к 10 декабря решением вопроса об исполнительной власти в пользу оппозиции. В новом федеральном правительстве — «правительстве национального согласия» — коммунисты получили десять постов, а некоммунисты 11. При этом диалог официальной власти с оппозицией велся в Чехословакии при активнейшем участии третьего действующего «персонажа» — организованных ГФ и ОПН массовых манифестаций протеста в Праге, Братиславе и других городах ЧССР. В этот же день, 10 декабря 1989 г., по требованию оппозиции в отставку уходит президент ЧССР Г. Гусак. Вакантность президентского поста актуализирует решение вопроса об избрании нового президента страны. За два дня до отставки Гусака этот вопрос, казалось бы, нашел свое успешное решение. 8 декабря на заседании Координационного центра ГФ, в котором приняли участие 37 человек, на пост президента ЧССР выдвигается кандидатура Вацлава Гавела («за» Гавела проголосовал 31 участник заседания, воздержались — шестеро)<sup>33</sup>. 10 декабря 1989 г. представители ГФ и ОПН официально объявили о выдвижении В. Гавела на пост президента. Но в это же время и Александр Дубчек дает понять, что не будет возражать против выдвижения на пост президента ЧССР своей кандидатуры<sup>34</sup>; для подобного шага у него имелись достаточно веские основания. Еще 25 марта 1989 г. оппозиционный Клуб за социалистическую перестройку «Возрождение» призвал чехословацкий парламент в случае ухода по болезни в отставку

президента ЧССР Г.Гусака избрать новым президентом страны Александра Дубчека<sup>35</sup>. Эта идея активно обсуждалась представителями чехословацкого оппозиционного движения. Немногим позднее, в начале лета 1989 г., известный диссидент В.Гавел поддержал выдвижение другого известного диссидента А.Дубчека на пост президента ЧССР. «Да, — сказал тогда В. Гавел, — лично я эту кандидатуру поддерживаю. И мои друзья тоже поддержат ее, но при условии: Дубчек должен пообещать, что не будет стремиться вернуть себе пост первого секретаря КПЧ, а также не вернется к реформам, которые повторяли бы реформы 1968 г.»<sup>36</sup>. Следует еще раз особо подчеркнуть, что и выдвижение активного борца против режима нормализации А.Дубчека, и обсуждение его возможной кандидатуры на высший государственный пост проходили в среде оппозиционеров задолго до ноябрьских событий 1989 г.<sup>37</sup>.

12–13 декабря 1989 г. в ФС ЧССР велись острые дебаты о способе избрания президента. Депутаты-коммунисты, имевшие в парламенте абсолютное большинство, представили свой законо-проект о референдуме, составной частью которого были всенародные прямые выборы главы государства. Однако предложения КПЧ о всенародных выборах президента на альтернативной основе (помимо В.Гавела выдвигались и другие кандидаты на президентский пост — А.Дубчек, Ч.Цисарж, и Л.Адамец<sup>38</sup>) в расчет не принимаются, а квалифицируются лидерами ГФ как попытка «дестабилизации государства», угроза для «национального согласия», стремление нарушить «шаткое политическое равновесие»<sup>39</sup>. Между тем, согласно опубликованным 13 декабря 1989 г. Институтом по изучению общественного мнения результатам опросов, 4/5 населения страны прямые всенародные выборы президента поддерживали<sup>40</sup>.

11 и 14 декабря Координационный центр ГФ издал ряд заявлений, в которых решительно выступил против прямых выборов президента. Тем самым складывалась парадоксальная ситуация: лидеры ГФ призывали соблюдать коммунистическую конституцию времен режима «нормализации» в части избрания президента, в то время как представители старого режима намеревались коренным образом ее изменить. В обращении ГФ по чехословацкому телевидению сложившаяся ситуация квалифицировалась лидерами оппозиции как «гротескная»<sup>41</sup>.

Тем временем один из коммунистов-реформаторов Ч.Цисарж снимает свою кандидатуру, но как быть с Дубчеком, намерения которого баллотироваться на президентский пост самые серьезные и более того — поддерживаются словацкими официальными структурами? С этого мо-

мента открывается одна из самых драматических страниц в истории чехословацкой «бархатной» революции. Более того, как полагают словацкие исследователи, разгоревшаяся вокруг кандидатуры на президентский пост между словацкой и чешской политическими элитами и общественным мнением дискуссия «возвестила о первых разногласиях в словацко-чешских отношениях»<sup>42</sup>.

Именно в эти дни Гавелу после ряда неофициальных личных встреч с А.Дубчеком удается убедить последнего в необходимости отказаться от участия в выборах 1989 г.<sup>43</sup>. Взамен ему предлагается возглавить Федеральное собрание ЧССР, создав «политический дуэт»: Гавел — президент, Дубчек — председатель<sup>44</sup>.

При этом Гавел заявляет: он намерен занимать президентский пост только до первых парламентских выборов в июне 1990 г. Более того, он обещает, что в одном из своих публичных выступлений назовет Александра Дубчека одним из будущих кандидатов на президентский пост после парламентских выборов.

Надо подчеркнуть, что этого обещания Гавел не выполнит, а повторит уже опробованный ход: неперенным условием своего выдвижения на пост президента он ставит занятие второй важнейшей государственной должности — председателя федерального парламента — А.Дубчеком. 16 декабря 1989 г. в вечернем выступлении на телевидении уже в качестве кандидата в президенты Чехословакии от ГФ и ОПН Гавел, в частности, сказал: «Если общественность заинтересована, чтобы я занял президентский пост, я сделаю это. Но лишь при двух условиях: я буду временным рабочим президентом, в котором мы сегодня нуждаемся, а тот, кто займет на пятилетний срок кресло Масарика, будет избран лишь после свободных парламентских выборов. Второе мое условие: бок о бок со мной должен находиться Александр Дубчек — в какой бы то ни было функции. Это после М.Штефаника, вероятно, самый выдающийся человек, которого дала Словакия нашей стране и миру. Я не допущу, чтобы каким-либо темным силам удалось вбить клин между ним и мною, а тем самым и между нашими двумя народами»<sup>45</sup>. Драматизм ситуации заключался в том, что как раз в этот же день, 16 декабря 1989 г., в своем интервью итальянским газетам «La Repubblica» и «L'Unita» Дубчек в очередной раз подтвердил свое намерение баллотироваться на пост президента в декабре 1989 г.<sup>46</sup>.

Между 16 и 18 декабря состоялась вторая встреча Гавела и Дубчека. По свидетельству участника этой встречи В.Шилгана, Дубчек,

обращаясь к Вацлаву Гавелу, сказал: «Господин Гавел, по существу речь идет о полугодии до проведения свободных выборов. Подождите полгода, пройдут выборы, и кому же, как не Вам, быть президентом. Но после Гусака президентом хотелось бы стать мне»<sup>47</sup>. Встреча снова не дала никаких конкретных результатов, поскольку и Гавел, и Дубчек «хотели стать главой государства именно в данный исторический момент»<sup>48</sup>. Последовали еще две встречи, после которых ситуацию можно было считать разрешенной: 29 декабря 1989 г. пост президента занимает Вацлав Гавел, а днем раньше, т.е. 28 декабря 1989 г., Александр Дубчек становится председателем Федерального собрания ЧССР.

Проходившие с 10 по 29 декабря 1989 г. события<sup>49</sup> и особенно их исход в чем-то удивительно напоминали пьесы диссидента-драматурга, написанные в абсурдистском стиле. Во-первых, избирать президентом социалистической Чехословакии непримиримого антикоммуниста Вацлава Гавела предстояло Федеральному собранию ЧССР, функционировавшему еще с периода «режима нормализации», то есть того самого режима, против которого известный диссидент вел активную борьбу.

Во-вторых, 350-местный «нормализаторский» федеральный парламент, правда, теперь уже несколько обновленный, *единогласно(!)* избирает активного борца с «режимом нормализации» и одного из его «гробовщиков» Вацлава Гавела Президентом ЧССР. Это единомыслие и послушание высшего законодательного органа страны были поразительными и не могли не напоминать участникам тех событий «старые добрые времена» тотального единодушия<sup>50</sup>. В частности, напрашивается аналогия с Национальным фронтом ЧССР, в котором, по словам З.Йичинского, всегда господствовало «неестественное единство»<sup>51</sup>.

Как политик высшего ранга, Гавел начал с предельно смелых и конструктивных шагов по освобождению страны от тисков режима «нормализации». Слов о коммунистическом кошмаре он не употреблял, и компартия оставалась активной политической силой — наряду с занимавшими высокие посты «хартистами» или, например, приглашенным на специально созданную для него должность канцлера князем К.Шварценбергом из Вены. Но антикоммунизм Гавела ни для кого не был тайной, причем неприязнь к нему в какой-то мере распространялась уже и на восстановившихся социал-демократов.

В первый день 1990 г. президент Гавел обратился к согражданам с речью, в которой не скрывал жестокой правды: страна в кризисе — экономическом, социальном, образовательном и экологическом. Выход из

него виделся в первую очередь через очищение нравственной атмосферы, а также обращение к традициям отечественного гуманизма. «Во всем мире, — говорил президент, — люди не перестают удивляться, откуда вдруг взялась в этих покорных, униженных, скептических и, казалось бы, ни во что уже не верящих гражданах Чехословакии такая потрясающая сила, что они всего за несколько недель вполне благопристойным и мирным образом скинули со своих плеч тоталитарный режим. Да мы и сами не перестаем этому удивляться. И спрашиваем себя: из какого источника молодые люди, в жизни не видевшие другого режима, почерпнули свое стремление к правде, вольнолюбие, политическое воображение, гражданское мужество и мудрость?»<sup>52</sup>. Ответ на эти вопросы Гавел находит в философских размышлениях о природе человека, способного возноситься к высшим идеалам, как бы ни подавлял его внешний мир.

Говоря о грядущих задачах, он акцентировал внимание на укреплении нравственных основ политики, на определении перспектив нового государства. Гавел считал необходимым развивать и далее отношения между двумя воистину равноправными народами на основе взаимоуважения и сохранения национальной самобытности. «Чех на посту президента, принеший присягу выдающемуся и духовно близкому мне словаку, я, ввиду множества тяжких испытаний, выпавших в прошлом на долю словаков, считаю своим особым долгом заботиться о том, чтобы уважались все интересы словацкого народа и чтобы в будущем ему не был закрыт доступ к любой государственной должности, включая высшую»<sup>53</sup>, — так прокомментировал Гавел избрание его президентом при участии А.Дубчека 29 декабря 1989 г.

Как Верховный главнокомандующий Вооруженными силами, Гавел поставил задачу сочетать обороноспособность государства с мирными инициативами. Он объявил также широкую амнистию и призвал общественность не бояться выпущенных на свободу заключенных, не осложнять им жизнь и христиански помогать им.

В сфере внешней политики Гавел взял на себя миссию укреплять авторитет страны в мире, демонстрировать взаимопонимание, терпимость и миролюбие. Он выразил пожелания, чтобы еще до выборов страну посетили папа Иоанн-Павел II и далай-лама; чтобы были установлены дипломатические отношения с Ватиканом и Израилем; чтобы наладить отношения с объединяющимися оседами — ГДР и ФРГ, а также братской Польшей и все более близкими Венгрией и Австрией.

Но многие инициативы в плане экономической политики Гавел отдал Вацлаву Клаусу: именно он предложил план чековой приватизации как пути упрочения рыночной экономики. В Словакии появились свои энергичные политические лидеры, в первую очередь В.Мечияр, еще до выборов 1990 г. выдвигавшие идею усиления ее национального суверенитета. Однако политический авторитет Гавела оставался непререкаемым.

В выступлении в Польском сейме в январе 1990 г. он заявил: «Мы имеем возможность превратить Центральную Европу из в прошлом главным образом исторического и духовного феномена в феномен политический. Мы имеем шанс превратить венок европейских государств, до недавних пор контролируемых Советским Союзом, в некую особую формацию, которая будет приближаться к более богатой Западной Европе не как бедный родственник, а как некто, кто тоже кое-что приносит»<sup>54</sup>.

Симпатии к президенту стали убывать в 1992 г., когда форсировался процесс разделения Чехословакии, а он не сумел сдержать его, в частности, не обеспечил проведения по данному вопросу референдума. В интервью еженедельнику «Респект» 20–26 июля 1992 г. он отмечал: «Референдум, за который я бился два года и на котором надо было для начала поинтересоваться мнением граждан, хотят ли они разделиться, теперь уже явно не имеет смысла. Ибо никто не проявляет желания его объявлять»<sup>55</sup>.

Гавел прилагал немало усилий для сохранения единого государства чехов и словаков, апеллируя к воле народов, стремившихся преобразовать, но не разрушить единую страну. Он предложил Федеральному собранию проект Конституции, в котором модифицировался Закон о компетенциях, принятый в декабре 1990 г. (им предполагалось, что суверенитет республик является первоначальным, а суверенитет федерации — производным).

Однако 21 января 1992 г. Федеральное собрание ЧСФР отвергло данный проект, а также поправки к Закону о референдуме. После этого логика событий определялась столкновениями множащихся партий и фракций, а не волей или хотя бы пожеланиями президента, а затем, можно сказать, лобовыми ударами Клауса и Мечияра. Гавел стал лишним, а его призывы к честности и уважению воли народов оказались проигнорированными — и 20 июля 1992 г. он ушел в отставку. Два дня спустя чехословацкие политики зафиксировали патовую ситуацию в переговорах — и фактически начали действовать как чешский и словацкий политики<sup>56</sup>.

Еще до избрания Президентом Чешской Республики Гавел решительно выбрал западный вектор во внешней политике, ориентируясь на вхождение в НАТО и Европейский союз, причем в качестве первой из стран региона. Он утверждал, что Запад должен страны Центральной и Восточной Европы принять, а Россия это понять; и тогда-де наступят мир и стабильность, смягчение напряженной атмосферы. Только членство в НАТО может дать гарантию безопасности, а в Европейском союзе — гарантию экономического процветания, считал будущий президент.

После того как 26 января 1993 г. Гавел был избран президентом уже только Чехии, трогательный образ философствующего драматурга начал постепенно тускнеть. Так, например, «Ньюсуик» 3 апреля 1995 г. опубликовал весьма любопытную статью «Свержение с трона философов-королей», в которой анализировалась судьба властвовавших (Т.Мазовецкий) и властвующих (как Ж.Желев и В.Гавел) интеллектуалов в странах Центральной (бывшей Восточной) Европы. Еще вчера, говорилось там, они выступали лидерами преобразований в странах региона, не без некоторой «театральности», проводя избавление от 45-летнего «коммунистического ига». Постепенно к рулю власти приходят прагматики, а они предпочитают набирать в команду и бывших коммунистов. Президенты же, которые в основном считаются обладающими меньшей политической властью, возвышаются над полем боя, «осуществляя моральное наставничество и проповедуя демократическое евангелие. Никто не делает это лучше, чем Гавел, но даже и его влияние постоянно уменьшается»<sup>57</sup>.

Как раз с этого времени началось обострение его отношений с премьер-министром Чехии, последовательным рыночником Клаусом. Если в 1992 г. Гавел высоко ценил его за трудолюбие, спокойствие, решимость реформировать экономику и даже умение создать политическую партию, то с 1995 г. они поочередно обвиняли друг друга в тайной приверженности социализму. Но у Гавела, как отмечал Дж.Кин, было преимущество: он защищал довольно абстрактные ценности, в то время как Клаусу приходилось отвечать на конкретные вопросы о неутешительном состоянии чешской экономики<sup>58</sup>. Решимость, с которой повел себя Гавел перед очередными президентскими выборами 20 января 1998 г., ни у кого не оставила сомнений: он в борьбе за сохранение власти — сильный политик, который не ограничивался обсуждением абстрактных ценностей.

## *«Рыцарь демократии»: Мировоззрение и политика В.Гавела*

Политическая философия Вацлава Гавела представляет собой последовательный антикоммунизм. Она связывалась с антисоветизмом поскольку коммунистические идеи и практика социализма были во многом привнесены в Чехословакию из СССР. Однако после распада СССР Гавел не считал возможным интенсифицировать свои идейные контакты с российскими демократами, а с середины 90-х годов он постоянно говорил об отсутствии понимания Россией своей идентичности, что представляет угрозу для определившей свою идентификацию евроатлантической цивилизации. Фоном таких оценок является выражение приверженности идеям демократии, прав человека и открытого общества. Важным элементом мировоззрения Гавела являются также идеи о взаимосвязи человеческой, национальной и цивилизационной идентичности, по-разному обосновываемые им на всем протяжении его жизни.

Надо сказать, что сам Гавел особо не заботится о цельности и непротиворечивости своих мировоззренческих позиций. Вследствие этого и их реконструкция сопряжена с рядом трудностей, а однозначная оценка достигается с трудом. Правда, он постоянно говорил, что исходит из некоторых узнаваемых и определенных ценностей: Бог, нравственная ответственность, гражданское общество, не всегда взаимно увязывая их, а объединяющую их платформу антикоммунизма трактуя чрезмерно расширительно.

Первая добротная попытка донесения взглядов Гавела до широкой общественности — выпуск сборника его работ философского и политического характера «Об идентичности человека», изданного 1983 г. и переизданного в 1990 г.<sup>59</sup>, переведенного на ряд европейских языков.

Первый раздел сборника называется «Жизнь в правде» — он и задает этический настрой, связанный с уважением к трансцендентному, т.е. ценностям высшего порядка. Человеческая идентичность недостижима без опоры на трансцендентное — об этом Гавел говорил и писал постоянно. Он акцентировал свое внимание на необходимости возвращения ценностей демократии и построения гражданского общества.

Примерно те же положения были повторены в речи «Авторитет и демократия в современном мире», прочитанной через более чем полтора десятка лет на другом конце света — в Канберре 29 марта 1995 г. В ней также отмечалась *роль трансцендентного* в факте продвижения современной глобальной цивилизации путем сотрудничества различных куль-

тур, а не борьбы между ними. Нужно выработать некие общие правила человеческого общежития, основываемые на глубинном опыте всех народов в настоящем, а главное — признать трансцендентальное происхождение нравственных законов, утверждает Гавел. Им должны соответствовать ценности демократии как открытой системы, причем модифицирующейся сегодня для того, чтобы преодолеть кризис цивилизации и укрепить статус прав человека. Они должны проявиться как продукт Запада, но быть признаны и на Востоке.

Их принятие связывается с экзистенциальной революцией, которую Гавел трактует как процесс преодоления духовного давления и пробуждения глубинной человеческой ответственности, основанной на связи с Абсолютом. Поэтому и демократию надо воспринять «как призыв к ответственности и вдохнуть в нее или вернуть ей тот духовный смысл, какой она имела при своем рождении»<sup>60</sup>. Задача эта выполнима, потому что демократия — система открытая. Там же, где она не укоренилась, часто опираются на тысячелетние традиции авторитаризма, всецело оправдывающего светский авторитет кнута, а не миссию ответственности перед человеком и за человека<sup>61</sup>.

Данные мотивы не только постоянно повторялись, но и подразумевались во многих других речах Гавела. С 1999 г. в них все настойчивее звучало обоснование идеи *гражданского общества* как ключевой социальной структуры многополюсного и мульти-культурного мира, расширения масштабов этого общества вплоть до границ всей планеты. Данная концепция занимает ключевое место и в системе социально-философских взглядов Гавела в целом.

Десятилетие революции как бы завершило одну из главных тем философских речей и работ Гавела: роль трансцендентного начала в укреплении, с одной стороны, человеческой идентичности, а с другой — глобальной цивилизации. При этом особое внимание уделялось Гавелом некой посредствующей между этими двумя феноменами структуре — гражданскому обществу.

В 2000—2002 гг. тематика речей и работ Гавела изменилась. Первостепенное внимание он начал уделять не идентичности личности, а *идентичности национальной*. При этом она делилась на три части: надежная идентичность стран ЕС, укрепляющаяся под давлением общих демократических ценностей (Гавел постоянно подчеркивал, что религиозные особенности православной Греции или культурные особенности Испании и Италии лишь выигрывают от вхождения данных стран в ЕС);

необходимость определения Россией своей идентичности; опасения за сохранение чешской идентичности, которой скорее угрожает внутреннее безразличие, чем внешнее давление.

Трактовки последней темы явно связаны с внешне-политическими предпочтениями Гавела, определяемыми им как евроатлантизм. Еще задолго до вхождения Чехии в НАТО он выражал опасения, что этому могут противостоять «шовинистические, панросийские, криптокоммунистические и крипототалитарные силы» — и тогда произойдет возврат к временам “холодной войны”<sup>62</sup>. К 2000 г. такого рода угрозы, согласно Гавелу, уменьшились, но ситуацию в России надо держать под контролем в связи с Чечней<sup>63</sup>.

«Уважая будущее России, мы (то есть принимающий совместные решения демократический мир, в который, конечно, входит Чехия. — Э.З.) не можем молчать, видя то, что происходит... Мы можем помочь России осуществить задачу поиска своей идентичности единственно надежным образом: выражая наши мысли относительно ее действий», — утверждал чешский президент 26 мая 2000 г.<sup>64</sup>.

Что касается чешской идентичности, то опасения, будто она рухнет с вхождением страны в ЕС, по мнению Гавела, безосновательны. Лишь сами чехи могут ее нарушить, если будут искажать родной язык, пренебрегать местной архитектурой, портить жизненную среду.

Таким образом, Гавел подчеркивает роль национальной идентичности в выявлении идентичности человека и укреплении основ гражданского общества в отдельных странах и в рамках глобальной цивилизации. Необходимость такого укрепления — сквозной мотив во всех его статьях и речах, касающихся не только мировоззренческих, но и политических вопросов, особенно связанных с обоснованием расширения «евроатлантической цивилизации». Что, в свою очередь, по логике «рыцаря демократии», требует укрепления военно-политического блока НАТО как гаранта ценностей гражданского общества и прав человека.

Поначалу Гавел считал возможным одновременную трансформацию Варшавского договора и НАТО<sup>65</sup>. Так, на встрече с М.Горбачёвым 26 февраля 1990 г. прозвучало следующее мнение президента Чехословакии: «Надо ликвидировать раскол Европы и наметить новую систему безопасности, которая заменила бы нынешние противостоящие друг другу структуры, стала бы своего рода преемником Варшавского договора и НАТО... Таким образом, был бы решен вопрос и о Варшавском пакте. *Варшавский договор и НАТО из военных образований превратились бы в*

*политические, а в конечном счете слились бы в единую систему общеевропейской безопасности* (курсив мой. — Э.З.). Словом, надо поставить точку под Второй мировой войной и ликвидировать положение, когда Европа стала крупнейшим арсеналом современного оружия. Это было бы победой мира, а не поражением США или СССР<sup>66</sup>. В 1991 г. Гавел мыслил вступление в НАТО как часть процесса объединения «Хельсинкского региона». «Будущая структура безопасности демократической Европы немыслима без участия в ней демократического сообщества народов сегодняшнего Советского Союза», — заявил он в своем обращении к НАТО<sup>67</sup>.

Вскоре произошла смена акцентов, а стремление Чехии к вступлению в НАТО было заявлено с особой интенсивностью в 1993 г. президентом уже самостоятельной Чешской Республики. СССР к этому времени распался, а Россия стояла на пороге гражданской войны после противостояния Верховного Совета и президента.

Данное стремление получило новый импульс с подписанием 10 марта 1994 г. рамочного документа программы НАТО «Партнерство во имя мира» (ПИМ). Блок приобрел себе в лице президента-пацифиста одного из наиболее мощных пропагандистов, особенно искусного в связи с тем, что он обращался к аргументам предельно моралистического характера.

В 1996 г. на конференции в Аахене В. Гавел подчеркивал: «Я знаю, что ни Союз, ни Североатлантический альянс не могут в один прекрасный день стать открытыми для всех, кто может к ним присоединиться. Но что безусловно требуется — и что мы должны сделать как можно быстрее — выявить Европу в целом как некую сферу»<sup>68</sup>. Гавел полагал, что западная часть Европы несет свою долю вины за медленные темпы единения континента, в чем-то потакая России и выражая сомнения в правомочности НАТО защищать евроатлантические ценности<sup>69</sup>.

В 1997 в заключительном номере журнала «Transition» были опубликованы (в форме статей) обращения — в первую очередь к сенату США — президентов трех стран, принятые на летней встрече в Мадриде в НАТО<sup>70</sup>. Президент Чехии при этом считал, что «Америка должна вмешаться» (так озаглавлена одна из частей статьи) — и тогда наконец-то Европа станет единой и спасенной. Так, лишь ее вмешательство предотвратило разрастание Балканской трагедии, поэтому подключение к НАТО «значит расширение сферы мира и стабильности»<sup>71</sup>.

В Парламенте ЧР в апреле 1998 г. просьба принять страну в НАТО была ратифицирована подавляющим большинством голосов законодателей: 80% всех присутствующих депутатов нижней палаты и 93% сенаторов. В то же время в Программе Правительства ЧР от 12 августа 1998 г. речь шла и о добрых отношениях с соседними странами, а также развитии международного взаимопонимания<sup>72</sup>.

Характерна позиция Гавела относительно бомбардировок с марта 1999 г. территории Югославии. По некоторым свидетельствам, перед их началом Б.Клинтон почти два часа консультировался по телефону с главой чешского государства. Суть его аргументов в пользу военного вмешательства в статье «Косово и конец национального государства», опубликованной в «New York Review of Books», сводилась к тому, что Североатлантический альянс, бомбардируя Союзную Республику Югославию, поставил права человека выше прав государства. По оценке словенского философа С.Жижека: «Слабость гавеловской аргументации заключается в другом: он оправдывает интервенцию необходимостью защиты жертв ненависти и насилия, иначе говоря, мнимо деполитизированной ссылкой на всеобщие права человека»<sup>73</sup>.

Гавел полагает, что это серьезный прецедент на будущее, поскольку было продемонстрировано: права человека неделимы, а идол государственного суверенитета должен неизбежно рассеяться; «идея невмешательства — теория о том, что нам нет никакого дела до того, что происходит в других странах, что нас не касается, нарушаются ли там права человека, — также должна оказаться на свалке истории». Неприемлема и слепая любовь к собственной стране, которая может стать опасным анахронизмом, источником конфликтов и человеческих страданий<sup>74</sup>.

Парадоксально, но правый политик В.Клаус выступил с осуждением вовлеченности страны в поддержку действий НАТО в Югославии, социал-демократ М.Земан занял умеренную позицию, а президент В.Гавел, известный в прошлом защитник прав человека, яростно выступавший против интервенции стран Варшавского договора в августе 1968 г. в Чехословакию, агрессию поддержал.

9 июня 1999 г. палата депутатов Парламента Чешской Республики 91 голосом «за» и 46 — «против» приняла к сведению Концепцию внешней политики Чешской Республики как члена НАТО, подчеркнув, что речь идет о значительном событии, которое закладывает новую ее традицию<sup>75</sup>. В это время бои в Югославии уже пошли на убыль. В конце

июня 1999 г. чешский президент даже посетил Косово, хотя этот визит и не вызвал одобрения властей Югославии. Земан отмечал, что, преданность президента политике НАТО демонстрирует защиту прав человека без обязательного внимания к конкретным людям<sup>76</sup>.

Его позиция не в полной мере разделялась и рядовыми гражданами Чехии. Весной 2000 г. лишь 38% чехов считали НАТО гарантом безопасности в Европе, а для 47% из них вхождение в блок — отражение подчиненности иностранным державам, как это было в не столь уж далеком прошлом<sup>77</sup>.

В 2000 г. Гавел решил обратить большее внимание уже не на юг, а на восток Европы. В одном из своих интервью пражскому журналу «Респект» он предложил провести черту единой Европы по восточным границам Белоруссии. Для этого надо уподобить данную страну Чехии и провести в ней соответствующие перемены по чешскому сценарию. «В случае Белоруссии, — утверждал Гавел, — я бы прислушался к голосу тамошней оппозиции ...к нам как бы чуточку тянутся, там жива память о том варианте падения коммунизма, который проявился у нас, в нас видят определенную надежду. Там возникли движения “Хартия-97” и “Гражданский форум”... Белоруссия является более важной страной, чем это кажется». Это заключается, по убеждению Гавела, в том, что «она — подобно государствам Балтии и Украины — имеет иное направление развития, нежели Россия. Если вы посмотрите на карту (едва ли не цитата из речи У.Черчилля в Фултоне в 1946 г. — Э.З.), то ясно увидите некую разделяющую черту. Она отделяет Россию как евроазиатскую державу от остальной Европы, которая должна знать, где начинается и где кончается, и мне кажется, что кончается на границе с Белоруссией. Если же Белоруссия войдет в состав России, существует опасность, что то же может случиться и с Украиной»<sup>78</sup>. Если согласиться с аргументацией Гавела, то, во-первых, надо было признать необходимость «избавить» Белоруссию от Лукашенко, подобно тому, как Словакия была избавлена от Мечияра, а Югославия от Милошевича, а, во-вторых, следует жестко указать России ее место вне Европы. Конечно же, с опорой на моральный и силовой авторитет НАТО.

В мае того же года Гавел повторил, что если НАТО придвинется к границам России, это приблизит стабильность, безопасность, демократию и развитую политическую культуру, и это будет в интересах России<sup>79</sup>. Но почему-то чешским президентом ей предлагалась лишь евразийская, а не европейская и не евро-атлантическая, внешнеполитиче-

ская перспектива. Подобного рода заявления не могли не волновать российских политиков, да и рядовых граждан, для которых границы, по данной логике, скорее закрывались, чем открывались<sup>80</sup>...

«Лично я, — заявлял чешский президент, — не могу себе представить Россию в качестве члена НАТО, и, главное, я не думаю, что подобное членство может привести к каким-то положительным результатам»<sup>81</sup>.

В речи перед Итальянским сенатом в Риме 4 апреля 2002 г. чешский президент характеризовал Римскую империю как прообраз современного Европейского союза, но также отмечал, что Италия — место создания Римского клуба, предупреждавшего против неконтролируемого развития современной техники. В новом же тысячелетии президент пожелал, чтобы Вечный город оставался ключевым пунктом, где сосредоточатся мысли Европы относительно мира в будущем. «И пусть, — подчеркнул Гавел, имея в виду предстоящее расширение НАТО в ноябре того же года, — подобную роль сыграет, следуя духу его (Рима) славной истории, и Прага»<sup>82</sup>. За полтора месяца до того, как истекали полномочия Гавела на посту президента, он 20 ноября 2002 г. на конференции «Трансформация НАТО» фактически повторил указанные тезисы, особо подчеркнув тождественность понятий «евроатлантическая» и «евроамериканская» цивилизация, относительно же России заметил, что она «явно представляет собой евро-азиатскую силу такого уникального характера, что вопрос о ее членстве в НАТО не имел бы никакого смысла». Было отмечено также, что Россия — вследствие «войны против народа Чечни» — не может быть надежным партнером по борьбе с мировым терроризмом<sup>83</sup>.

Создавалось впечатление, что Гавел лучше понимает возможности, задачи и границы России, чем ее лидеры и политики любой ориентации, да и Запада тоже. Отсюда не только моралистическое идеалистическое требование к блоку проводить антироссийскую политику, но и назидательный тон его заявлений и рекомендаций в отношении российской политики по отношению к НАТО.

Надо подчеркнуть, что к голосу Гавела крупные политики Запада прислушивались, чтобы сразу же его забыть. Они четче осознавали новые угрозы, поэтому сразу же после Праги президент США посетил Россию, а уж затем столицы новых государств — членов НАТО. Кроме этого, по свидетельству газеты «Financial Times», армия в Чехии не реформировалась, вооружение морально устарело, участие в миротворческой

деятельности носило больше демонстрационный, чем действенный характер. Количество военнослужащих уменьшилось с 93 тыс. в 1993 г. до 54 тыс. в 2002 г. (предполагается его снижение до 35 тыс. в 2006 г.<sup>84</sup>), но армия при этом сохранила старые структуры и не модернизировалась. Тем самым, как представляется, наиболее действенным чешским ресурсом для блока являлась воинствующая риторика президента.

В целом внешнеполитические позиции Гавела как президента отличались моралистическим характером, и подобный морализм, на наш взгляд, сужает горизонты его видения судеб мира и излишне упрощает оценки конкретных стран и исторических событий.

### *Последние годы президентства: 1998–2003*

20 января 1998 г. Гавел был переизбран на второй срок в качестве президента Чешской Республики. В этом же месяце он столкнулся с патовой ситуацией в правительстве, возникшей из-за распада возглавляемой В.Клаусом правящей коалиции. Она разрешилась путем создания «правительства технократов», возглавляемого бывшим управляющим Чешского национального банка И.Тошовским.

Через полгода авторитет президента способствовал приемлемому для страны решению другого кризиса: на состоявшихся внеочередных выборах в палату депутатов ни одна из партий не смогла получить большинства в 101 мандат, не прибегая к коалиции с партией, занимавшей альтернативные политические позиции. 9 июля 1998 г. ГДП и ЧСДП подписали Договор о создании стабильной политической обстановки в республике. Было сформировано однопартийное социал-демократическое правительство меньшинства при пассивной поддержке правоконсервативной ГДП, выразившейся в неучастии в голосовании о доверии правительству.

Примерно с этого времени усилились трения между президентом и его бывшим премьер-министром, который выражал намерения занять высший пост в Пражском Граде. Гавел стремится не допустить президентства Клауса, но, по отзывам прессы, его критика не доходила до граждан Чехии. Это послужило лишним побуждением сосредоточиться на проблемах внешней политики, причем явно не ограничиваясь интересами Чехии — Гавел стремился стать глашатаем свободы для всех европейских народов и связывал ее с продвижением НАТО на Восток. Данная карта оказалась для его авторитета на Западе беспроигрышной в

1997–1999 и в 1999–2002 гг. и при сдержанном отношении к ней России<sup>85</sup>. В.Клаус же относился к идее форсированного вхождения в НАТО куда сдержаннее, а министр иностранных дел социал-демократ Я. Каван ставил вопрос о праве не только войти, но и выйти из НАТО<sup>86</sup>.

Сложнее выявить позиции Гавела относительно внутренней жизни страны, в частности ее экономического положения. Того же Клауса он упрекал в потворстве социализму, а правительство социал-демократов избегал оценивать, тем более что при нем наметились признаки оживления во всех сферах хозяйственной жизни и четче определилась перспектива вхождения в ЕС.

Но даже после наступившей с 2000 г. определенной стабилизации чешской экономики ей так и не удалось избавиться от угрозы безработицы для десятой части всего занятого населения (9,4% на 1999 г.; по оценкам, в 2003 г. знаковый рубеж в 10% будет перейден), темпы же разрыва между показателями экономического развития Чехии и Германии лишь увеличиваются (58% в 1999 г.)<sup>87</sup>. Тем не менее страна прочно занимает в Центральной Европе первое место по степени приближенности к странам Европейского союза. Это и позволяло Гавелу без особого рвения заботиться об использовании потенциала внутрирегионального развития и не создавать некоего аналога ЕС в центре и на востоке Европы, чем в какой-то мере обеспокоен, например, президент Польши.

Перед саммитом в Праге западные аналитики дали свою оценку ситуации в Чехии. После трех лет ведущего участия социал-демократов в правительстве в стране наблюдается постоянный экономический рост, которому угрожают, однако, случайные (наводнение 2002 г.) и постоянные (отсутствие парламентского большинства и высокая безработица) беды. Поэтому страна вряд ли достигнет стандартов скандинавского социального государства, как на то надеялись большинство ее политиков. По инвестиционной привлекательности страна вышла на первое место в регионе при социал-демократах, проигнорировавших опасения Клауса, что чрезмерно открытая экономика — это не обязательно экономика наиболее эффективная. Скупаются местные банки, но не ожидается падения уровня безработицы. В целом, согласно прогнозам, ситуация в 2003 г. может заметно улучшиться<sup>88</sup>. Можно добавить, что на этом фоне невнимание Гавела к проблемам внутриэкономического развития страны забудется.

Что касается внутриполитической ситуации, то, по мнению чешских аналитиков, с начала 2002 г. в стране наметилось еще более резкое

противостояние «программы Гавела» и «программы Клауса», и первый делал все возможное, чтобы подорвать позиции второго на ожидавшихся в январе 2003 г. президентских выборах, поддерживая в противовес ему кандидатуру председателя сената П.Питгарта<sup>89</sup>. В свою очередь тот дистанцировался от Гавела и заявлял, что делал это уже с начала 90-х годов<sup>90</sup>. Парадокс в том, что сам Питгарт еще во времена диссидентства отличался от «суперреволюционера» Гавела и не принимал слово «революция» по отношению к 1989 г. Платформа христианской демократии, на которой стоит Питгарт, вряд ли вытянет в гонке за президентство, и ему надо набирать очки — но он не может и не желает стать «клонированным Гавелом»<sup>91</sup>. Не снимал вопроса о своем возможном президентстве и М.Земан, несмотря на то, что в числе первых кандидатов он не числился.

8 августа 2002 г. нижней палатой парламента ЧР в результате голосования с шатким преимуществом (101:98) утверждено новое коалиционное правительство ЧР (ЧСДП, Союз свободы и ХДС—ЧНП) во главе с социал-демократом В.Шпидлой. Гражданские демократы и коммунисты единогласно сказали «нет» правительству, которое поставило задачи вступления Чехии в Европейский союз, завершения экономической трансформации и консолидации общественных финансов. Гавел считал выражение доверия новому правительству важным событием, так как это дает возможность Кабинету министров вплотную приступить к выполнению своих обязанностей. Страна находится на пороге ЕС, и динамику интеграционных процессов необходимо сохранить, утверждал президент, выражая уверенность, что правительству удастся выполнить свою программу. В.Клаус же называл правительственную программу почти инопланетной.

Последний акт политической драмы Гавела — его косвенное и отдаленное участие в выборах нового президента. Несмотря на отсутствие прямых заявлений в поддержку того или иного кандидата, отрицательное «силовое поле» его отношений с Клаусом и Земаном, конечно же, проявлялось в ходе постоянных голосований в парламенте. Равно как и его экстравагантность при выдвижении в качестве возможных претендентов на пост президента мало известного католического священника и Марии Кербеловой (Мадлен Олбрайт).

Первый раунд выборов состоялся 15 января 2003 г. он прошел в три тура; в последнем Клаус получил 80 из 200 голосов в нижней палате и 33 из 81 в сенате; П.Питгарт, соответственно, 44 и 40. На 24 января

был назначен следующий раунд, к Клаусу подключились два новых кандидата.

Между выборами почти половина населения страны (48%) хотели видеть президентом страны В.Клауса, «простив» ему и издержки проведенной жестко-прокапиталистически приватизации, и приписываемую ему Гавелом склонность к социализму; М.Земана хотели бы видеть в этой роли 36%, а Я.Мозеру — сенатора, представителя Христианских демократов—Народной партии и Союза свободы, — 16%.

Даже на состоявшихся 24 января 2002 г. повторных выборах избрать нового президента Чешской Республики не удалось. В третьем, последнем, туре повторных выборов Клаус набрал 127 голосов из требуемых 141. За Мозеру голосовали 65 депутатов и сенаторов. Третий кандидат на пост главы государства, бывший социал-демократический премьер-министр Земан, неожиданно выбыл уже после первого тура. Нового главу Чешской Республики должны были выбирать опять депутаты и сенаторы. Представители политических партий заявляли, что они пока против прямых выборов, в которых президента выбирали бы граждане Чехии. Последующие выборы, по Конституции Чешской Республики, которые должны состояться в течение 30 дней после ухода с поста нынешнего президента Вацлава Гавела, были намечены на 28 февраля 2003 г.<sup>92</sup>. (В третьем туре этих выборов победил В.Клаус.)

Таким образом, с начала 2002 г. и до конца президентства можно говорить о ситуации, когда незабываемый нравственный авторитет Гавела в международном аспекте сочетался с падением такового внутри страны. Проводить внутреннюю политику в соответствии с линией Гавела становилось опасным и для его приверженцев. Но вернуться в эту политику ему самому было невозможно — и не только по состоянию здоровья. Причина в другом: Гавел оказался неплохим разрушителем, но малопродуктивным созидателем; более того, даже этот удручающий факт, как показывает его новогоднее выступление 2002 г. (в отличие от мажорного выступления 2003 г.), чешский президент осознал лишь к концу своей политической карьеры.

Несомненно, В.Гавел войдет в историю Чехословакии и Центральной Европы, и войдет с именем разрушителя коммунизма. Но многие проницательные историки обнаружат: дело созидания в Чехии во многом проходило без него.

\* \* \*

2 февраля 2003 г., почти 55 лет спустя после февральских событий 1948 г., приведших к власти в Чехословакии коммунистов, со своего поста ушел президент Чешской Республики Вацлав Гавел, поставивший целью своей политической деятельности непримиримую борьбу с коммунизмом. Ушел во славе и спокойствии, так и не решив многих острых проблем Чехии начала нового века — и даже не оставив преемника!

Такой конец его политической карьеры был предопределен самим ее ходом и промежуточными итогами. Наиболее ярким был первый период его деятельности, когда имя Гавела связывалось с постоянной оппозицией коммунистической власти. Вехи этой борьбы: неприятие режима «нормализации» в конце 60-х годов, письмо Г.Гусаку в 1975 г., создание Хартии-77, выпуск книг и постановки пьес, пребывание в тюрьме и борьба за гражданские права сограждан.

В ходе такой борьбы ведущий диссидент Гавел сформировался как политик и стал президентом страны.

В политической и государственной деятельности он отводил главную роль нравственной мотивации. Но оказалось, что нельзя только на ней строить политический курс: моральные качества должны подкрепляться знанием действительности, волевыми импульсами, возможностью (и необходимостью) предвидеть ход событий. Ибо лишь благими пожеланиями и идеальными намерениями дорога часто выстлана в ад<sup>93</sup>.

Гавел ощутил и адекватно оценил опасность распада Чехословакии. Более того, он косвенно апеллировал к мировому сообществу, чтобы его предотвратить. Однако давление лозунга «власти безвластных» оказалось слишком мощным. И первый президент посткоммунистической Чехословакии стал, на наш взгляд, заложником политиков яркой инструментальной направленности: Клауса и Мечияра. Таков смысл второго периода его деятельности, вызывавшего весьма разнородные оценки.

Третий период характеризуется в первую очередь акцентом на глобальных идеях моралистической апологии военно-политического блока НАТО как проводника и гаранта демократии и явно антироссийскими интенциями во внешней политике — на фоне почти равнодушия к внутренней жизни страны. Отсюда непоследовательность в его конкретных политических решениях, которые оказались неприемлемыми для большинства граждан Чехии, и в первую очередь — оправдание бомбардировок Югославии. Отсюда и его настороженное, а по мнению многих

наблюдателей, даже враждебное отношение к России — вопреки его собственным заверениям в уважении к русской культуре.

Представляя собой образ политика-идеалиста, Вацлав Гавел войдет в историю конца XX в. — времени гигантских социальных сдвигов, пылающих костров национальных амбиций, вымывания ценностей гуманизма из политических решений.

У него был высокий авторитет в глазах всех без исключения политиков, которые какой-то частью души понимают, что успешная политика без мотивации идеалистического порядка принципиально невозможна. Гавел выявил данный момент со всей рельефностью. Это ставит его, несмотря на многие неудачи и субъективизм в оценках европейской истории, в ряд заметных политических фигур конца XX в.

## Примечания

<sup>1</sup> См.: <http://www.radio.cz/ru/statja/33459>

<sup>2</sup> Об этом говорил, например, российский политолог В.Никонов. На наш взгляд, точнее обозначается позиция Гавела лексически неуклюжим, но более точным термином «Россиефобия». Сколь бы ни велики были его заслуги по укреплению идеалов свободы и демократии в одних ареалах, даже силой оружия, как, например, в Югославии, — отнесение других, включая «громадную евро-азиатскую Россию», к ареалам неопределенности и постоянной угрозы трудно признать соответствующим задачам политики XXI в. Об этом надо говорить с полной определенностью, которая четче идентифицируется, если сопоставлять взгляды Гавела, например, со взглядами З.Бжезинского.

<sup>3</sup> Подобные взгляды сконцентрированы в его 500-страничной книге, которая переведена на ряд европейских языков (включая чешский) и получила десятки рецензий в различных странах. См: Keane J. Václav Havel. A Political Tragedy in Six Acts. London. 1999. — P. 361—373.

<sup>4</sup> Хороших слов для России Гавел не нашел даже в интервью газете «Известия» См.: Известия — М., — 2002. — 24 декабря.

<sup>5</sup> О начальном периоде биографии В.Гавела см.: Пирошко Ф.Штрихи к портрету Вацлава Гавела, избранного 29 декабря 1989 г. президентом Чехословакии // За рубежом. 1990. № 5; Задорожнюк Э.Г. Драматургия президентства // Кентавр. — 1995. — № 5; Шимов Я. Перекресток. Центральная Европа на рубеже тысячелетий. — М., 2002. — С. 85—89.

- <sup>6</sup> Гавел Вацлав. Заочный допрос. Разговор с Карелом Гвиждялой. Пер. с чеш. М., 1991. — С. 9.
- <sup>7</sup> Там же. — С. 12.
- <sup>8</sup> Там же. — С. 57.
- <sup>9</sup> Havel V. O dialektické metafyzice // Havel V. Protokoly — Praha, 1966. — S. 141.
- <sup>10</sup> Гавел Вацлав. Заочный допрос... С. 105.
- <sup>11</sup> Keane J. Op. cit. P. 250.
- <sup>12</sup> Пирошко Ф. Штрихи к портрету Вацлава Гавела, избранного 29 декабря 1989 г. президентом Чехословакии // За рубежом. — 1990. — № 5.
- <sup>13</sup> Гавел Вацлав. Заочный допрос... С. 124.
- <sup>14</sup> Пирошко Ф. Указ. соч. С. 7.
- <sup>15</sup> Гавел В. Гостиница в горах. Перевод с чешского. М., 2000. — С. 94.
- <sup>16</sup> Лукеш Я. Пять этапов жизни драматурга и политика Вацлава Гавела. См.: <http://www.russ.ru/persons/98-12-25/lukes.htm>
- <sup>17</sup> Там же.
- <sup>18</sup> Charta-77. 1977—1989. Od morální k demokratické revoluci. Dokumentace. Usporádal Vilém Prečan. — Scheinfeld-Schwarzenberg-Bratislava, 1990. — S. 13.
- <sup>19</sup> Ibid. S.384—385. Всего Хартию-77 в период 1977—1989 гг. подписали 1886 человек См.: Ibid. S. 489.
- <sup>20</sup> Ibid. S. 486.
- <sup>21</sup> Гавел Вацлав. Заочный допрос... С. 138.
- <sup>22</sup> Charta-77. 1977—1989. Od morální k demokratické revoluci... S. 27.
- <sup>23</sup> В целом в тюрьме Гавел был четырежды. Первый срок он отбывал с 14 января по 20 мая 1977 г.; второй: с 28 января — 13 марта 1978 г.; третий: с 29 мая 1979 г. до 7 февраля 1983 г.; четвертый раз: с 16 января до 17 мая 1989 г. См. : Charta-77. 1977—1989... S. 479.
- <sup>24</sup> Havel V. O lidskou identitu. — Praha, 1990.
- <sup>25</sup> Гавел В. Сила бессильных. Пер. с чеш. — Минск, 1991. — С. 11.
- <sup>26</sup> Там же. — С. 12.
- <sup>27</sup> Там же. — С. 16.
- <sup>28</sup> Там же. — С. 42. Термин «параллельный полис» впервые ввел в 1978 г. Вацлав Бенда в статье под таким же названием. В дальнейшем он был подхвачен всеми оппозиционно настроенными гражданами Чехословакии. См.: Benda V. Paralelní polis // Charta-77. 1977—1989... S. 43—50.
- <sup>29</sup> Цит. по: Лукеш Я. Указ. соч.
- <sup>30</sup> См.: Hnutí za občanskou svobodu. 1988—1989: Sborník dokumentů. — Praha, 1994. — S. 25—31.

<sup>31</sup> Пречан В. Чехословакия на пути к демократической революции // Революции 1989 г. в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие. — М., 2001. — С. 26–27. См. также: Precan V. Středoevropský kontext demokratického převratu v Československu roku 1989 // November 1989 na Slovensku. — Bratislava, 1999. — S. 21.

<sup>32</sup> Deset pražských dnů (17–27. Listopad 1989): Dokumentace. — Praha, 1990. — S. 508.

<sup>33</sup> Подробнее см.: Suk J. K prosazení kandidatury Václava Havla na úřad — prezidenta v prosinci 1989: Dokumenty a svědectví // Soudobé dějiny, 1999. — № 2–3. — S. 347.

<sup>34</sup> 1989 november a Slovensko. Chronológia a dokumenty (1985–1990). Bratislava, 1999. — S. 420, 426.

<sup>35</sup> Suk J. Dubčekův návrat do vysoké politiky // Úloha Alexandra Dubčeka v moderních dějinách Československa: Sborník z konference. — Praha, 2002. — S. 90–91.

<sup>36</sup> См.: Šilhán V. K Alexandru Dubčekovi // Úloha Alexandra Dubčeka v moderních dějinách Československa... S. 126.

<sup>37</sup> См.: Šilhán V. K Alexandru Dubčekovi // Úloha Alexandra Dubčeka v moderních dějinách Československa... S. 125–126.

<sup>38</sup> Кандидатуру Дубчека выдвинули ЦК НФ СССР, Комитет действий КПС, Президиум СНС, Демократическая партия, Партия свободы и словацкие общественные организации; Адамеца — делегаты краевых и районных конференций КПЧ, а Цисаржа — ЦК Социалистического союза молодежи. См.: 1989 november a Slovensko... S. 82–85; Suk J. K prosazení kandidatury Václava Havla ...S. 348. Проведенные 6–7 декабря 1989 г. в Праге опросы общественного мнения свидетельствовали о гораздо больших шансах А.Дубчека. А опубликованные 12 декабря 1989 г. студенческим информационным центром в Братиславе результаты социологического опроса свидетельствовали: из 5 тыс. словацких респондентов подавляющее большинство поддерживало кандидатуру А. Дубчека. Подробнее см.: Suk J. K prosazení kandidatury Václava Havla ... S. 350. Pozn. 12; S.351. Pozn.14.

<sup>39</sup> Suk J. Občanské fórum. Listopad-prosinec 1989. 2.díl. Dokumenty. — Praha, 1998. S. 227– 232.

<sup>40</sup> Suk J. K prosazení kandidatury Václava Havla ... S. 351. Pozn. 14.

<sup>41</sup> Suk J. Občanské fórum... S. 227.

<sup>42</sup> 1989 november a Slovensko... S. 85.

<sup>43</sup> Подробнее см.: Suk J. Život Václava Havla v pětadesáti vinetách zhotovených anglickým politologem Johnem Keanem // Soudobé dějiny, 2000. — № 4. — S. 626–640.

<sup>44</sup> Verejnosť proti násiliu. 1989–1991. Svedectvá a dokumenty. Bratislava. 1998. S. 97.

<sup>45</sup> Suk J. Občanské fórum... S. 246.

<sup>46</sup> Suk J. K prosazení kandidatury Václava Havla... S. 350.

<sup>47</sup> См.: Šilhán V. K Alexandru Dubčekovi // Úloha Alexandra Dubčeka v moderních dějinách Československa... S. 127.

<sup>48</sup> Подробнее см.: Suk J. Život Václava Havla... S. 626–640.

<sup>49</sup> Подробнее см.: Suk J. K prosazení kandidatury Václava Havla ... S.346–369.

<sup>50</sup> Один из лидеров оппозиционного студенческого движения, член первой парламентской комиссии по расследованию событий 17 ноября 1989 г., В.Бартушка так пишет о своих впечатлениях на выборах президента Федеральным парламентом 29 декабря 1989 г.: «В ходе борьбы за демократию демократия снова осталась на бобах, и Федеральное собрание демонстративно избирает президентом Вацлава Гавела. Нахожусь в качестве гостя во Владиславском зале и в душе молюсь, чтобы хоть кто-нибудь из депутатов нашел в себе мужество вопреки всем соглашениям проголосовать против. Однако при голосовании никто не отваживается даже воздержаться. Меня бесит единомыслие, ведь в какие бы одежды оно ни рядилось, все равно не дает правдивого отражения реальности...». См.: Bartuška V. Polojasno: Pátrání po vinících. — Praha, 1990. — S. 83. См. также: Rychlík J. Rozpad Československa. Česko-slovenské vztahy 1989–1992. — Praha, 2002. — S. 89.

<sup>51</sup> Jičínský Z. Charta-77 a právní stát. — Praha, 1995. — S. 67.

<sup>52</sup> Гавел В. Гостиница в горах... С. 141.

<sup>53</sup> Там же. — С. 144.

<sup>54</sup> Дидусенко А. Вацлав Гавел. «Я просто на стороне правды против лжи» // Политические портреты. — М., 1991. — С. 28.

<sup>55</sup> Гавел В. Гостиница в горах... С. 151.

<sup>56</sup> В своей новогодней речи 1 января 2003 г., возвращаясь к факту распада ЧССР, Гавел сказал, что разделение государства «имело огромное преимущество: оно проходило мирно, без насилия, без крупных конфликтов и без особых неразрешенных последствий. И это снискало всеобщее уважение. Поскольку такого в большинстве случаев не бывает. Однако оно имело единственный недостаток: вопрос столь чрезвычайной важности, как прекращение существования государства и возникновение двух других государств, решали не граждане в народном голосовании, как это подобало бы в демократических отношениях, но оно происходило действительно преимущественно технически, почти так, как будто бы речь шла о какой-то бухгалтерской операции». См.: сайт <http://www.hrad.cz/prezident/Havel/speeches/index.html> Гавел пытался противостоять подобному подходу, но сдержать ход событий не смог.

<sup>57</sup> Newsweek. 1995. — 3.IV.

<sup>58</sup> Keane J. Op. cit. P. 447.

<sup>59</sup> Havel V. O lidskou identitu. — Praha, 1990. — 89 p.

<sup>60</sup> Гавел В. Гостиница в горах... С. 169.

<sup>61</sup> Там же. — С. 169.

<sup>62</sup> Сайт <http://www.hrad.cz/prezident/Havel/speeches/index.html>

<sup>63</sup> Выступая в Пражском Граде на слушаниях по нарушению прав человека в Чечне, Гавел потребовал в этой связи от Совета Европы жесткости по отношению к России и предложил учредить централизованный офис для сбора факторов и документов о войне. «Если кто-либо в будущем предпримет в данном плане некую легальную акцию, он

может получить их в свое распоряжение», — подчеркнул президент. См.: сайт <http://www.hrad.cz/prezident/Havel/speeches/index.html>

<sup>64</sup> Projev prezidenta republiky Václava Havla na závěr veřejného slyšení o porušování lidských práv v Čechách. Pražský Hrad. 26 května 2000 // Сайт <http://www.hrad.cz/prezident/Havel/speeches/index.html>

<sup>65</sup> Революции 1989 г. в странах Центральной (Восточной) Европы... С. 65—66.

<sup>66</sup> Архив Горбачёв-Фонда. Фонд 1. Горбачёв М.С. Запись беседы М.С.Горбачёва с президентом СССР В. Гавелом 26 февраля 1990 г.

<sup>67</sup> Projev prezidenta ČSFR Václava Havla v sídle NATO. Brusel. 21 března 1991 // Сайт <http://www.hrad.cz/prezident/Havel/speeches/index.html>

<sup>68</sup> Havel V. Europe as Task // Dialogue and Universalism Toward Synergy of Civilization. 1996. № 5—6. — P. 14.

<sup>69</sup> То, что некоторые политические решения Гавела были заведомо непопулярны, должно рассматриваться тщательно и оцениваться неоднозначно, отмечает в своей статье Я.Шимов. В частности (незвизрая на протесты чешского парламента), Гавел счел необходимым принести публичные извинения судетским немцам, депортированным из Чехословакии после войны. Но он же — в отличие от Валенсы и президентов балтийских республик — «не отказался в 1995 г. от приглашения Ельцина принять участие в торжествах по случаю 50-летия Победы, за что подвергся нападкам и в Чехии, и в России. На постоянные упреки в том, что он “забыл ужасы 1968 г.”, Гавел отвечает: “Границу, на которой кончается желание быть справедливым и возникает желание мстить, определяет нечто, не подчиняющееся правовым нормам: чувство, великодушие, мудрость — то есть человеческие качества”. См.: Шимов Я. Президент без страха и упрека // Сайт <http://www.ej.ru/051/particular/profile/>

<sup>70</sup> Joining the NATO Parade. Three Presidents speak out // Transition. Changes of Post-Communist Societies. Vol.4. № 7. 1997. December; см. также: Задорожнюк Э.Г. Президенты стран Центральной Европы о благе вхождения в НАТО // НАТО: факты и комментарии. — 1998. — Вып. 5.

<sup>71</sup> Joining the NATO Parade... P. 17.

<sup>72</sup> Programové prohlášení vlády České Republiky // Politika v České Republice, 1998. — № 4. — S. 68—69.

<sup>73</sup> Жижек С. Уходя от логики капитализма // Интеллектуальный форум. М., 2000. — № 2.

<sup>74</sup> Комментируя данное заявление, П.Дейниченко иронически отметил, что канадцы, едва спасшие свою страну от раскола по проблеме Квебека, по достоинству оценили бескомпромиссность президента Чехии, тем более что Гавел не предотвратил распада собственной страны. См.: Дейниченко П. Существует ли прогресс // Сайт [wysiwyg://67/http://boombook.boom.ru/global/twfcenury4.html](http://www.wysiwyg://67/http://boombook.boom.ru/global/twfcenury4.html)

<sup>75</sup> Kavan J. O koncepci zahraniční politiky České republiky // Mezinárodní politika. 1999. — № 7. — S. 4.

<sup>76</sup> Пульс планеты, 1999. — 2.VII.

<sup>77</sup> Российская газета, 2000. — 17.V.

<sup>78</sup> Независимая газета, 2000. — 12.IV.

<sup>79</sup> Там же. — 17.V.

<sup>80</sup> По прочтении подобных речей Гавела создается впечатление: ему какая-то инстанция поручала высказывать самые необычные по накалу и направленности, но явно антироссийские идеи, для того, чтобы выявить реакцию «русского медведя», — даже тогда, когда с ним более западные партнеры ведут более толерантные разговоры и «медведем» вовсе не считают?

<sup>81</sup> Дипкурьер. 2001. — 21.VI.

<sup>82</sup> Address by Vaclav Havel, President of the Czech Republic «Europe and the World». Senate. Rome. 4 April 2002 // Сайт <http://www.hrad.cz/president/Havel/speeches/index.html>. В качестве комментария хотелось бы добавить одно: если Гавел желает, чтобы Прага стала «новым Римом», то ей несомненно следовало бы с большим вниманием относиться к восточному крылу Европы и в первую очередь — к России, однако подобного стремления у Гавела не наблюдалось. Или позиция Гавела сводилась к тому, что есть некий аналог Римской империи — евроатлантическая цивилизация и «варваров» цивилизация, евро-азиатская, и другие?... Поэтому не таким уж диссонансом на этой встрече прозвучал вопрос чешского журналиста, согласен ли Гавел с мнением ведущего российского политолога В.Никонова, что он-де «самый большой русофоб» из европейских политиков сегодня. Чешский президент ответил, что это не так и что он очень уважает русскую культуру. См.: сайт <http://www.radio.cz/ru/statja/27561>. Сама ситуация встречи вряд ли подтверждает это утверждение Гавела: Россия продвижения НАТО к своим границам отнюдь не приветствовала.

<sup>83</sup> Наши оценки отличаются известной пристрастностью, но они продиктованы потребностью выявить ключевые особенности мышления политика, взявшего на себя миссию духовного рыцаря военно-политического блока и воителя с «евро-азиатской Россией», даже с учетом формально выражаемых по отношению к ней признаков уважения.

<sup>84</sup> Financial Times, 2002. — 21 November.

<sup>85</sup> Как раз поэтому не спешил Гавел с визитами и в Москву, которая вряд ли огорчалась по данному поводу: а вдруг президент Чехии с присущей ему честностью и прямоотой повторил бы и здесь, что хороша как раз слабая, а не сильная Россия... Или опять ратовал бы за то, чтобы границы НАТО прошли по восточным рубежам стран Балтии сегодня, а Белоруссии — завтра... Или подчеркнул страхи «единой Европы» перед «евро-азиатским гигантом»... Что касается планов конструктивного экономического сотрудничества между двумя странами, то президент всегда был выше такой «прозы жизни».

<sup>86</sup> Время новостей, 2003. — 16 января.

<sup>87</sup> Экономические связи в 2000 г. Восточная Европа и СНГ. — М., 2001. — С. 452.

<sup>88</sup> Financial Times, 2002. — 21 November.

<sup>89</sup> Literární noviny, 2002. — № 3. В начале мая 2002 г. Гавел встречался с Клаусом, прекратив длившиеся около года размолвки, достигшие своей кульминации в новогодней речи президента 1 января 2002 г.

<sup>90</sup> Ibid.

<sup>91</sup> Ibid.

<sup>92</sup> См.: сайт <http://www.radio.cz/ru/novosti#3>

<sup>93</sup> Отсюда разнородность оценок его деятельности в ходе последнего президентства. Это в первую очередь касается книги Дж. Кина, содержащей обвинения В.Гавела в макиавеллизме. См.: Keane J. Op. cit. S.361–373. Более сдержанны оценки словенского философа С.Жижека: «Его искренняя этическая установка со временем превратилась в набор морализирующих клише, цинично оприходованных для своих нужд капиталистическими прохвостами. Его героическое стремление к недостижимой цели (противоборство с коммунистическим режимом, который казался непобедимым) кончилось весьма печально: он стал прислуживать “реалистически” мыслящим политикам, доказывающим, что в современном мире невозможны какие-либо реальные изменения. Эта метаморфоза была вызвана не тем, что Гавел изменил своей исходной этической позиции; напротив, она была предreshена именно ею». См.: Жижек С. Указ. соч.

**Е.Ю. Гуськова**

## **ВОИСЛАВ КОШТУНИЦА – ПОСЛЕДНИЙ ПРЕЗИДЕНТ ЮГОСЛАВИИ**

Воислав Коштуница родился в марте 1944 г. в Белграде в семье юриста, пошел по стопам отца и закончил юридический факультет в 1966 г. В 1970 г. защитил кандидатскую, а уже в 1974 г. — докторскую диссертацию. Работал на юридическом факультете университета, в Институте общественных наук, Институте философии и общественной теории. Его работы посвящены вопросам конституционного права, политической теории и философии. В. Коштуница активно занимался наукой, был членом редколлегии и главным редактором ряда научных журналов, таких как: «Философия и общество», «Теория» и др. Никогда не был членом Союза коммунистов Югославии. В 80-е годы вместе с другими оппозиционерами (Добрицей Чосичем, Костой Чавошким) входил в Комитет защиты свободы мысли и высказываний.

Начало политической деятельности. В 1989 г. участвовал в создании Демократической партии (ДП), был депутатом парламента в Скупшине Сербии с 1990 по 1997 г. В 1992 г. среди лидеров партии возникли разногласия по вопросу объединения в оппозиционном блоке. В. Коштуница тогда был одержим идеей создания демократического движения, которое могло бы сменить власть. Поскольку лидеры ДП Драголюб Мичунович и Зоран Джинджич были категорически против вхождения в оппозиционный блок, В. Коштуница вышел из партии и создал Демократическую партию Сербии (ДПС), став ее председателем.

Партию В. Коштуницы отличало присутствие в программе «национального элемента»: в условиях кризиса, блокады, войны в БиГ и Хорватии ДПС не настаивала на создании гражданского общества, а выступала за неприемлемость плана Вэнса—Оуэна для БиГ, за объединение сербского народа. Но решать этот вопрос должен был, по мнению В. Коштуницы, сам сербский народ. Самым благоприятным решением для Республики Сербской в Боснии и Герцеговине, по мнению В. Коштуницы, является разделение БиГ на две части, скорейшее открытие дорог, а для Республики Сербской Краины в Хорватии — сохранение status quo, т.е. защищенных зон (кипрский сценарий) на ближайшие 10—20 лет.

Идея объединения оппозиционных сил была осуществлена В. Коштуницей в 1992 г. 16 мая 1992 г. перед декабрьскими выборами в Скупщину был сформирован новый блок оппозиционных партий ДЕПОС, в который вошли Сербское движение обновления (СДО), Новая демократия и ряд мелких партий (всего 14). Однако блок так и не смог стать ведущей политической силой. ДЕПОС опирался на трех «китов»: религию, антикоммунизм и монархизм. Но ни одно из этих мировоззрений не могло тогда получить большой поддержки у сербского народа. Вук Драшкович (лидер СДО), заняв в оппозиции ведущее место, считал ДЕПОС расширенным вариантом своей партии, чем вызывал недовольство других партий (7).

Не оставив идею создания сильной оппозиции, В. Коштуница откликнулся в январе 1995 г. на призыв лидера радикалов В. Шешеля договориться о совместных действиях на местных и республиканских выборах, о создании объединенной оппозиции. 13 февраля 1995 г. представители трех партий — Сербской радикальной партии (СРП), ДП и ДПС — подписали договор о межпартийном сотрудничестве на уровне местных органов власти. В 1996 г. была еще одна попытка создать оппозиционный блок — В. Коштуница, правда, с меньшим пылом, вошел в коалицию «Вместе». Накануне выборов в Союзную Скупщину 3 ноября 1996 г. оппозиция в лице трех крупных и одной мелкой партии объединилась в блок под символическим названием «Вместе» (ДП, ДПС, СДО, Гражданский союз Сербии.) Оппозиция неожиданно для центра одержала убедительную победу во втором круге выборов в местные органы власти в ряде крупных городов и общин — Белграде, Нише, Крагуеваце, Новом-Саде, Чачаке, Ужице и других. Хотя для сохранения позиций правящей элиты Сербии политическая окраска власти в общинах и городах принципиального значения не имела, ибо реальная власть находилась в рес-

публиканской и союзной скупщинах, было сделано все, чтобы отменить по просьбе ДПС результаты второго тура в 352 избирательных участках (3,5%) из 10 076 по всей Сербии. Формальными причинами для этого были: продолжение агитации непосредственно на выборах, расхождения в количестве опущенных бюллетеней и списках избирателей, размещение агитационных плакатов на расстоянии меньше, чем 20 м от избирательного участка и т.д. Именно в это время В. Коштуница впервые вышел вместе с оппозицией на митинги протеста, которые постоянно возникали на протяжении нескольких месяцев. Сам В. Коштуница не был активным участником движения протеста. Тогда в прессе отмечалось, что он, «хотя и вместе, но все-таки врозь» (11). В. Коштуница заявил, что участие ДПС в коалиции «Вместе» не принесло партии успеха. Больше всего его разочаровала позиция партнеров по коалиции по сербскому национальному вопросу.

Изнурительное политическое противостояние было наполнено ожиданием компромисса. Первого шага ждали от властей. Побывавшая в Белграде делегация ОБСЕ высказала рекомендации политическим структурам Сербии признать результаты выборов в тех округах, где победила оппозиция. 11 февраля Скупщина Сербии одобрила законопроект, подтверждающий победу оппозиции на муниципальных выборах в 14 городах, включая Белград.

Избрание президентом. На выборах в сентябре 2000 г. В. Коштуница был избран Президентом СР Югославии. Баллотируясь в президенты, В. Коштуница говорил: «Я выступаю кандидатом для того, чтобы до конца вести борьбу за победу идеи демократического разделения властей над идеей тоталитарного единства власти, где все сконцентрировано в руках одного человека»(2).

Выступая на предвыборном митинге, В. Коштуница обвинял С. Милошевича в том, что тот ведет себя как король, который не думает о государстве и народе. Именно тогда В. Коштуница создавал себе имидж обычного, среднего человека, который не рвется к власти, а лишь хочет жить в демократическом европейском государстве, свободном во всех отношениях (4). Он даже подчеркивал, что это должна быть страна среднего уровня во всем — в экономике, в банковской системе, в торговле, в сотрудничестве с международными организациями. В своих оценках он старался уходить от бурных и драматических событий и настраивать народ на спокойную жизнь (4).

«С момента переворота 5 октября Коштуница добился ряда внешне неброских, но крайне важных успехов на пути формирования новой политической инфраструктуры Сербии. К числу таких достижений, несомненно, относятся взятие под контроль революционной стихии и удержание процесса перехода власти в мирных и конституционных рамках» (10). Первые дни после прихода к власти В. Коштуница следовал своим теоретическим установкам. Он достиг компромисса со сторонниками Милошевича в федеральном и сербском руководстве, а также в верхушке армии и спецслужб. Президент сумел противодействовать давлению наиболее активных деятелей оппозиции, выступавших за радикальную чистку властных и силовых структур. Формирование переходного правительства Сербии и назначение досрочных выборов в республиканскую Скупщину на 23 декабря позволили максимально сократить переходный период и способствовали стабилизации обстановки в стране.

Американская администрация поддержала В. Коштуницу, хотя вначале его взгляды были не совсем ясны, в отличие от Милошевича, которого считали «скрытым русофилом», сильным и хитрым (13). После внимательного изучения досье югославского президента ЦРУ пришло к выводу, что В. Коштуница представляет собой такого лидера, которого Запад десятилетиями искал в Восточной Европе: он не состоял в компартии, был религиозен и придерживался радикально-демократических взглядов. Югославская пресса приводила следующую характеристику этого политика, ссылаясь на досье ЦРУ: «Нетипичный серб, нетипичный государственный из страны Восточной Европы, который не укладывается в схему о бывшем коммунисте, который стал демократом» (13). Американцы восприняли В. Коштуницу как политика новой формации. Их только озадачивали такие черты в его характере, как самостоятельность и независимость, нежелание поступаться своими убеждениями, достаточно сдержанное отношение к США. Хотя позже США удалось найти рычаги давления на В. Коштуницу и склонить его к компромиссам.

От других политиков новой волны, пришедших к власти осенью 2000 г., В. Коштуницу отличала достаточно четкая правовая программа, которая разрабатывалась на долгую перспективу и основывалась на строительстве правовых институтов. В. Коштуница настаивал на том, что главная проблема распада Югославии заключалась в отсутствии закона права. Поэтому он так настаивал на создании правового государства.

Проблема Косова была важным элементом национальной программы президента СРЮ. Но за время президентства ее решить так и не удалось. Глава югославского государства оценивал косовскую проблему как «крупнейшую европейскую проблему», отмечая, что события в Космете предупреждают о том, что «старая балканская история о насилии и этнической чистке все еще не закончена». По мнению Воислава Коштуницы, Европейский союз и европейские государства должны были внести существенный вклад в последовательное выполнение резолюции 1244 СБ ООН по Косову и Метохии, потому что «без выполнения этой резолюции до последней запятой, не будет мира ни в Косове, ни на Балканах, ни в Европе» (1, с. 1). Он полагал, что основная политическая цель этой резолюции — сохранение многоэтнического характера края и безопасности для всех его граждан — не реализована, поскольку там все еще «господствуют террор необузданных политических appetитов и изгнание одного коренного народа, а насилие, переступая границу Косова, распространяется на остальную часть Южной Сербии» (1, с. 1).

Позже, в конце своего президентства, когда проблема Косова обострилась до предела, В. Коштуница подчеркивал, что говорить о необходимости признания независимости Косова абсолютно невозможно. «Такие заявления, особенно когда их делают представители международного сообщества, а не только албанские политические лидеры, преждевременны и опасны, потому что вносят дополнительное беспокойство в и без того хаотичную ситуацию, в которой гражданская миссия ООН и международные миротворческие силы далеко не все держат под контролем» (8). Он считал необходимым прежде всего выполнение положений резолюции 1244, касающихся безопасности, соблюдения прав человека и национальных меньшинств, свободы передвижения, возвращения изгнанных сербов и других неалбанцев.

В. Коштуница — верующий человек. Сразу после выборов он поставил вопрос о преподавании вероучения в школе, что, по его мнению, стало бы отражением свободы вероисповедания в новой Югославии.

В вопросах внешней политики В. Коштуница ориентировался на стандарты ЕС, определяя его как «всемирный центр мира и процветания». Президент СРЮ полагал, что Балканские страны хотят «на своем миниевропейском просторе повторить историю европейской интеграции

по примеру ЕС» (1). «Содействие Евросоюза лишь укрепило бы и ускорило наши начальные... и нерешительные шаги», — считал Котунница, полагая, что «после демократических преобразований... страна выражает полную готовность включиться в европейские интеграционные процессы» (1).

Первым официальным международным контактом В. Коштуницы на высшем уровне были встречи с российским руководством в октябре 2000 г. Коштуница приезжал в Россию за поддержкой, которая была необходима президенту Югославии для уравнивания западного давления на Белград как по вопросу Косова и Боснии, так и во внутривнутриполитической жизни Сербии (10). В своем совместном заявлении стороны подтвердили традиционные принципы «дружбы, уважения и сотрудничества» России и Югославии во всех сферах, а также положения резолюции 1244 ООН. Особо было отмечено и стремление сторон к скорейшему восстановлению демократической СРЮ во всех международных организациях (9).

Его первый визит в Москву ознаменовался сближением отношений православных церквей двух государств В. Коштуницу сопровождали Патриарх Сербский Павел, а также два наиболее уважаемых и авторитетных сербских иерарха — митрополиты Черногорско-Приморский Амфилохий и Шумадийский Савва. По завершении переговоров в Кремле Воислав Коштуница участвовал во встрече иерархов Русской и Сербской церквей в официальной резиденции Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II в Даниловском монастыре (5).

Касаясь церковных аспектов московских встреч В. Коштуницы, президент России Владимир Путин охарактеризовал их как «существенный элемент поддержания особого отношения между нашими государствами», отметив, что «это не нуждается в объяснении, это можно только приветствовать» (цит. по: 5). В этом совместном визите отражалась как поддержка президента Сербской православной церковью, так и внимательное отношение самого президента к церкви. Сербская ПЦ поддерживала В. Коштуницу с самых ранних этапов его политической деятельности. Несомненно, что поддержка Патриархом Павлом и сербской монашеской общиной Афона сыграла огромную роль в принятии нового президента сербским народом (5).

Одной из основных тем на переговорах в Москве стали расчеты за поставки российского газа. Плачевное состояние югославской экономики после многолетних санкций, натовских бомбежек, а также в резуль-

тате экономической политики прежнего режима заставляли Белград искать взаимоприемлемые варианты реструктуризации газовой задолженности и продолжения поставок российского газа. С приближением зимы вопрос этот приобретал для Сербии первостепенное значение, и от того, насколько успешно Воиславу Коштунице удалось бы решить газовую проблему, во многом зависел исход досрочных выборов 23 декабря (10).

Во время переговоров он охарактеризовал необходимость российского присутствия на Балканах как стабилизирующего фактора: «Необходимо, чтобы во всех перекрещивающихся стратегических и геополитических влияниях на Балканах существовал элемент, означающий российское присутствие». При этом, однако, президент СРЮ подчеркнул, что не только российское, но также европейское и американское присутствие в совокупности должно гарантировать на Балканах, прежде всего в Боснии и Косове, баланс этих влияний. Это в какой-то степени подтверждает прежние слова Коштуницы, что у Сербии не может быть друзей среди великих держав — все они так или иначе попытаются установить свой контроль в стратегически важной точке Балкан (9).

Позже президент Коштуница говорил: «Может сложиться впечатление, что наши межгосударственные отношения после первого взлета несколько застыли. Но лучше всего пусть оценку этому даст время... Напомню вам, что все существенные решения, которые касались нашей судьбы, сопровождалось русским участием — шла ли речь о Дейтонской конференции, или об интенсивной работе Контактной группы, о Косове и о решении кризиса там. Я уверен — необходимо, чтобы так было и дальше. Я уверен, что необходимо равновесие между Россией, одной из самых влиятельных стран в мире, которая здесь присутствует... и Америкой на Балканах, которые являются частью Европы, чтобы здесь было меньше споров, столкновений и всего, что угрожает стабильности, жизни и миру.

Я уверен, что если и существует известный застой в отношениях между нашими двумя государствами, то из более широкой перспективы факты говорят о другом. Они показывают, что отношения между Россией и Югославией константны, неизменны. Югославия принадлежит к тем странам на этом пространстве, а правильнее сказать, выделяется как страна, которая считает, что в какой-то степени русское присутствие — это альфа и омега стабильности и равновесия на Балканах и на Юго-Востоке Европы» (3).

Позиция по вопросу о будущем Югославии. В. Коштуница выступал за мирное решение споров между Сербией и Черногорией. Подчеркивая, что Югославия продолжит предпринимать «решительные шаги в направлении обеспечения печатных демократических процессов и в построении новых политических институтов», Коштуница полагал, что в последующей «внимательной» и «терпеливой» реконструкции нынешнего федерального государства «важнее всего обеспечить общепринятую демократическую процедуру изменения союзных институтов, а тем самым и нынешней Конституции СРЮ».

Глава югославского государства полагал, что для граждан Сербии и Черногории «хуже всего было бы, если бы эта процедура была сведена к одностороннему принятию мер исполнительными органами власти либо одной, либо другой федеральной единицы, без высказывания Союзной Скупщины и скупщин федеральных единиц» (8).

Он поддержал идею создания нового государства Сербии и Черногории. По его мнению, создание нового государственного образования — не лучшее решение, однако «в политике редко бывают идеальные решения. Если подходить рационально, то предложенный документ — лучшее, что можно было сделать с учетом унаследованного балласта сложных, не решаемых годами проблем» (8). Поэтому он полагал, что с любой точки зрения — исторической, экономической, социальной — решение Сербии и Черногории остаться вместе — самое лучшее и целесообразное. Однако жизнеспособности нового государства не может помочь ни одно решение на бумаге. Жизненность нового государственного объединения зависит от воли и терпения не только главных политических сил, но и в большой степени — от воли граждан, которые через три года смогут решить судьбу общего государства. Для В. Коштуницы было ясно, что решение, которое предлагается в Конституционной хартии, хотя и минимально по содержанию, может служить основой для позитивного начала. «Это государство может быть достаточно стабильным и гармоничным для того, чтобы с относительной легкостью включиться в европейские интеграционные процессы, хотя и с большим опозданием» (8).

### Список литературы

1. Коштуница В. Космет — крупнейшая европейская проблема // Информационный бюллетень посольства Союзной Республики Югославия. — М., 2000. — 25 нояб. — № 30. — 2 с.

2. Коштуница В. Интервью 11 дец. 2002 г. — Режим доступа: [http:// www.znasrbija.org](http://www.znasrbija.org)
3. Коштуница: мы все еще находимся под давлением и шантажом // Общая газета. — М., 2002. — 8 февр. — С. 7.
4. Коштуница В. Речь на митинге 20 сентября 2000 г. — Режим доступа: <http://www.dss.org.yu>
5. Крымин А., Энгельгардт Г. Религиозный аспект визита Коштуницы в Москву // Независимая газета. — М., 2000. — 1 нояб. — С. 6.
6. Основна порука — ујединити се, народи Југославије // Политика. — Београд, 1990. — 25 дец. — С. 1, 8.
7. Павловић Р. Да ли су се Коштуница и Драшковић коначно разишли // Политика. — Београд, 1994. — 19 мај. — С. 10.
8. Слабынько А. Воислав Коштуница: «Независимость Косова абсолютно нереальна» // Независимая газета. — М., 2003. — 13 янв. — С. 6.
9. Фокина К. На встрече в Кремле с Воиславом Коштуницей Владимир Путин обещал возобновить поставки энергоносителей в Югославию // Независимая газета. — М., 2000. — 28 окт. — С. 6.
10. Энгельгардт Г. Новые югославские власти заинтересованы в масштабном сотрудничестве с Москвой // Там же. — М., 2000. — 27 окт. — С. 6.
11. Ko je dr Vojislav Koštunica? — Режим доступа: [http: www.nedeljnitegraf.co.yu](http://www.nedeljnitegraf.co.yu). — 2000. — № 224.
12. Koštunica V.Intervju // NIN. — Beograd, 2001. — 21 febt. — Режим доступа: [www.nin.co.yu](http://www.nin.co.yu)
13. Šta SAD misle o novom jugoslovenskom predsedniku // Blic. — Beograd, 2000. — 25 dec. — S. 1.
14. Vladavina prava — primarni nacionalni interes Srbije // Danas. — Beograd, 2001. — 21–22 apr. — Режим доступа: [http: www.danas.co](http://www.danas.co)

## II. РЕФЕРАТЫ

**С.МИХАЙЛОВ, Д.ДИМИХ**

**ЦАРЬ СИМЕОН II**

**С.МИХАЙЛОВ, Д.ДИМИХ**  
**Цар Симеон II. — С., 2001. — 316 с.**

Книга содержит впечатления журналистов от встреч с болгарским царем в изгнании и тексты его выступлений и интервью, опубликованные в 90-е годы.

Симеон II родился 16 июня 1937 г. После смерти отца — царя Бориса II в 1943 г. он был объявлен болгарским царем, от лица которого правил регентский совет, состоявший из князя Кирилла Преславского, генерала Михова и профессора Филова. После смены власти в 1946 г. регентский совет был расстрелян (с. 64). К самым сильным воспоминаниям своего детства Симеон относит сообщения о расстреле дяди и близких его семье людей (с. 253). Болгарский царь уехал из Болгарии 16 сентября 1946 г., не отрекшись от престола, и с тех пор жил с семьей в эмиграции.

Симеон II получил хорошее образование. Он учился в английском колледже «Виктория», окончил французский лицей в Мадриде, является выпускником Военной академии «Вали Фордж» в США, говорит на английском, испанском, итальянском, немецком, а также немного на арабском и португальском языках. Среди качеств, привитых ему в детстве, Симеон выделяет дисциплинированность, которая ему помогла в сложные периоды жизни. В беседе с журналистами Симеон отмечал, что в

моменты кризиса «человек может опереться на дисциплину, чтобы остаться хладнокровным и сохранить спокойствие» (с. 253).

Слухи о богатстве, вывезенном его матерью — царицей Иоанной из Болгарии, Симеон считает выдумкой. Вспоминая свой отъезд, Симеон рассказывал, что на сборы царской семье было дано 20 дней, но отъезд состоялся через 28 часов. По словам Симеона, все, что было у его матери, вряд ли превышало сумму 200 долл., когда они бежали из Болгарии через Стамбул в Египет к родным (с. 163). В 1951 г. генерал Франко предложил царской семье перебраться в Испанию, где царица Иоанна при помощи своей матери купила виллу в Мадриде, на которой в дальнейшем жил Симеон. Виктор-Эммануил III, отец Иоанны, оставил ей долю в наследстве, что помогло разрешить денежные затруднения царской семьи.

С 18 лет Симеон стал вести финансовые дела своей семьи, проявив большие деловые способности. По признанию Симеона, на формирование его мировоззрения оказал сильное влияние фильм Чарли Чаплина о жизни короля в изгнании «Король в Нью-Йорке». Симеон много работал, так как не хотел быть никому обязанным, «не хотел быть частью общества профессиональных эмигрантов, другими словами, изгнанников-бездельников... Я не считал, что надо играть роль фарфоровой куклы, украшающей салоны и выставочные залы. А люди видят лишь это, их не интересует, проводишь ли ты по 15–16 часов за письменным столом. Не стоило подпитывать их иллюзии» (с. 165).

В беседах с журналистами Симеон II рассказал о своих предпочтениях в литературе и искусстве. Оказалось, что особенно много он читает Декарта, подчеркивая, что его привлекает ясность мышления этого философа, его поиски возможности самосовершенствования. Для государственного мужа, отмечает Симеон, важно уметь толковать историю, так как «современные проблемы являются не чем иным, как политическими последствиями прошлого... Необходимо понимать историю, в противном случае человеческая личность остается весьма неглубокой» (с. 247–248).

За прошедшие с момента совершеннолетия десятилетия Симеон несколько раз пересматривал оценку своей роли в жизни Болгарии. В день восемнадцатилетия, выступая перед болгарскими эмигрантами, он заявил, что никогда не предполагал отказываться от права на трон, а Тырновская конституция (1879) остается для него идеалом (с. 166). В 1955 г. была создана царская канцелярия, где Симеон занимался приемом эмиг-

рантов, поиском субсидий на их нужды, а также политической деятельностью. Сегодня в мире живет около 150 тыс. болгарских эмигрантов. По выражению Симеона, он часто играл роль биржи труда для своих соотечественников, и ему нравится «роль катализатора или посредника, как в бизнесе, так и в политике» (с. 168). О периоде своей деятельности с 1955 по 1967 г. Симеон говорил так: «В течение многих лет я старался быть царем в изгнании, все это время я много работал, но это было неблагодарное и унижительное занятие» (с. 170).

До 1968 г. Симеону казалось, что конец коммунистического режима возможен, так же как и его возвращение на родину. Однако политическая реальность заставила Симеона переосмыслить свои взгляды в соответствии с событиями 1968 г. в Чехословакии, установлением дипломатических отношений между Испанией и Болгарией, а затем подписанием Хельсинкских соглашений 1975 г., означавших признание политического режима в Болгарии. Выводы, к которым пришел Симеон, сводились к следующему: «Положение в Болгарии укреплялось, ничто не менялось, советская гегемония усиливалась, а Запад был доволен сложившимся статускво». Хельсинкские соглашения, по мнению Симеона, по сути, стали лишь «ратификацией соглашений, подписанных в Ялте в 1945 г.» (с. 174).

По признанию Симеона, неспособность болгар-эмигрантов к объединению обусловила его решение прекратить политическую деятельность (с. 169). В 70-е годы Симеон сосредоточился на своей любимой идее объединения болгар вокруг культурных и исторических ценностей, и такая гуманитарная деятельность, по его мнению, оказалась вполне успешной. Не менее удачной оказалась и его деловая карьера. Он участвовал в работе «Евробилдинга» по строительству сети гостиниц, объединенной компании «Томсон—Бранд—Гранд-паблик» в Испании, компании «LONA» в Марокко и в деятельности ряда туристических агентств в качестве администратора. Симеон признавался в одном из интервью: «Я стал заниматься бизнесом как самый обычный человек, так как надо было искать средства для помощи своим соотечественникам. И в то же время такая работа отдаляла меня от образа жизни человека,... который играет роль царя... Быть царем в изгнании — это самая опасная профессия... Жизнь царя-эмигранта может быть горькой, унижительной и смешной. Царь в изгнании испытывает все неудобства и не имеет ни одного преимущества, которые дает царская власть» (с. 171). По сравнению с политической деятельностью его деловая жизнь была более созидатель-

ной, позволившей ему преодолеть «патологические пороки монарха-эмигранта» и сделать выводы для личной жизни: «Человек должен уметь жить и быть довольным тем, что у него есть» (с. 172).

Симеон называет себя реалистом. Его «отталкивают люди, впадающие в экстаз попусту, те, кто упорно настаивает на своем, независимо от того, идет ли речь об идеологии, религии или о вкусах...». Он «предпочитает тех, кто приспосабливается к обстоятельствам, кто извлекает максимум из своего положения, кто использует мнения других». Он считает себя «в большей степени собирателем, чем лидером» (с. 173).

Своим пятерым детям Симеон также предпочел не передавать в наследство несбыточные надежды, которые сделали бы из них профессиональных изгнанников. Все дети получили практическое образование — сельскохозяйственное, финансовое, медицинское, торговое. Симеон решил, что его дети должны будут стать такими же гражданами, уважающими законы, как все другие люди. Он признался в одном из своих интервью, что прагматизм преобладает в его характере, поэтому он воспитал своих детей «как людей, полезных обществу, твердо стоящих на ногах, без иллюзий и пустых утопий» (с. 174). Его жена Маргарита Гомес-Асебо и Сехуела — потомок видного испанского рода. Ее родители были расстреляны без суда в конце 1936 г. во время гражданской войны в Испании.

Когда наступило 10 ноября 1989 г. и 78-летний Живков ушел в отставку, Симеон признался, что всегда связывал возможность изменений в Болгарии с СССР. Поэтому «когда в Москве начались перемены, я сказал себе, что и в Болгарии произойдут изменения» (с. 175).

Авторы книги пишут, что в новых политических условиях в конце XX в. болгарский царь хотел стать скорее заинтересованным зрителем, чем актером. Им было высказано предложение болгарским властям о помощи, «если ему отведут какую-нибудь второстепенную роль» (с. 176). Эволюционный путь развития страны в период трансформации казался ему более привлекательным, чем насильственный вариант. Если же речь заходила о восстановлении монархии, Симеон становился лаконичным, заявляя: «Я прежде всего болгарин, и это выше моего титула и должности» (с. 176).

\* \* \*

Впервые болгары услышали запись интервью с Симеоном II в передаче болгарской редакции Би-би-си в 1981 г. В своем интервью в 1987 г. Симеон заявил, что у него нет иллюзий по поводу возвращения в Болгарию, но есть надежда, что с возрождением демократии это станет возможным. Симеон снискал всеобщую симпатию болгар своей терпимостью, умеренностью, эрудицией и врожденным аристократизмом.

В интервью 1990 г. болгарскому царю был задан вопрос о том, видит ли он себя в качестве будущего главы болгарского государства. Симеон ответил, что «на этот вопрос можно будет ответить только, если наступит подходящий случай... Условия, которые бы я поставил, ни в коем случае не будут личного свойства. Но они должны будут учитывать условия Союза демократических сил, права человека и многопартийности. Однако прежде чем вернуться..., нужно, чтобы болгары захотели этого. Сегодня речь не идет о том, чтобы вернуться и сесть на трон, подобную терминологию я считаю гротескной... Этого никогда не было в моих планах. Я всегда доказывал, что я не стремился к этому. Я прежде всего болгарин, а затем уже царь. Наша страна проходит через большие потрясения и взрывы эмоций, необходимо, чтобы все успокоилось. Нужно дать время, чтобы люди и государственные институты восстановились, прежде чем будет достигнуто согласие в отношениях Восток—Запад... Есть опасность, что те, кто много страдал, прибегнут к насилию и захватят власть, как мы наблюдали это в Румынии... Что касается Болгарии, то мы все еще очень зависимы от Советского Союза. Надо использовать в наших собственных интересах то, на что укажет СССР (обратите внимание, я не говорю — прикажет). А то, что влияние России ослабло, не является причиной для того, чтобы не поддерживать прекрасные отношения с этой великой державой» (с. 111).

В феврале 1990 г. болгарский царь впервые был показан болгарским телевидением в программе «Каждое воскресенье». Эта передача вызвала широкий общественный резонанс и даже специальный комментарий в печатном органе БКП — газете «Работническо дело». В нем разъяснялось, что конец монархии был положен референдумом 8 сентября 1946 г., когда большинство болгарского населения, в том числе и оппозиционные партии, проголосовали за республику (92,72%; за монархию — всего 4,24%) (с. 40).

После телепередачи все газеты опубликовали Специальное заявление Совета министров Болгарии, в котором говорилось, что «в общественной жизни Болгарии нет места для возрождения монархической

идеи. Особенно недопустимо, чтобы это происходило при содействии такого государственного информационного института, каким является Болгарское телевидение... Странными и абсолютно неприемлемыми являются высказанные амбиции на особое место в болгарской политике, попытки давать советы о том, как болгарскому народу устраивать свои дела, и комментировать отношения Болгарии с другими дружественными ей государствами таким образом, что извращается историческая истина, и что также противоречит подлинным национальным интересам Болгарии» (с. 43).

Спустя четыре месяца после этого заявления в газете «Дума», премнице газеты «Работническо дело», была напечатана заметка корреспондента из Мадрида о том, что Симеон II не собирается вести кампанию по защите монархии.

С 1990 г. стал увеличиваться поток информации о Симеоне в болгарских СМИ. После упомянутой телепередачи, посвященной болгарскому царю, был проведен опрос общественного мнения, показавший огромный интерес к его личности. В марте 1990 г. в Софии прошла манифестация, на которой 200 тыс. человек требовали его возвращения в Болгарию (с. 178). Повсюду в Болгарии стали создаваться клубы, ассоциации и монархические группировки. В стране появилось монархическое общество «Просветление», собиравшее подписи за выдвижение его кандидатуры на пост президента. Публикации интервью с Симеоном II позволили болгарам познакомиться с ним как с личностью и узнать его отношение к разным социальным проблемам, беспокоящим болгарское общество. Одной из них была проблема мусульманского меньшинства в Болгарии, пережившего в последние годы живковского режима акцию по замене мусульманских имен на болгарские. В перепечатанном в Болгарии интервью из испанского журнала «Индепенедес» Симеон сказал, что он никогда не делил людей на христиан и мусульман. В Болгарии живет 10% мусульман и 2% протестантов. Среди болгарских мусульман есть турки-мусульмане, есть и этнические болгары-мусульмане, или помаки. В начале 50-х годов 150 тыс. болгарских граждан, среди которых были и помаки, оказались выселены из Болгарии в Турцию по мировоззренческим причинам. В 1983–1984 гг. была проведена насильственная кампания по смене имен «злым гением Живкова Милко Балевым... Говорили, что болгарские турки хотели создать автономную республику в таком небольшом государстве, как Болгария, и что в осуществлении этой задачи должны были помочь даже турецкие войска. Все это обострило враж-

дебность между Западом и Востоком» (с. 105). В связи с открытием болгарской границы для массового переселения мусульман в Турцию был пущен слух о том, что после закрытия границы наступит «Варфоломеевская ночь». Во время этого массового переселения Симеон встречался с видными представителями исламского мира и высказывался в поддержку болгарских мусульман. Он отметил в интервью, что если уехавшие болгарские мусульмане вернуться, то их имущество должно быть им возвращено. По мнению Симеона, эти люди являются прежде всего соотечественниками болгар, а не турками, как их называют некоторые болгары. В тот момент ситуация была тревожной, «потому что опасность того, что разразится национальная распря, достигла своего апогея, а, разразившись, она могла бы привести к непредсказуемым последствиям... Было ясно, что коммунистическая пропаганда использует чучело пантюркизма для того, чтобы оправдать политику ассимиляции коммунистического правительства и ослабить демократическое сопротивление болгарского населения против насильственного переименования болгарских мусульман» (с. 107). Симеон отмечал позднее в одном из новогодних обращений к болгарам, что мусульманское меньшинство в Болгарии плохо воспринимало социализм. Оно было также избрано в качестве «искупительной жертвы, которая отвлечет внимание от экономических проблем» (с. 182). В своем интервью 1991 г. Симеон заметил, что этническая проблема в Болгарии раздувалась искусственно. По его словам, «даже во времена правления его бабушки, которые были значительно более близкими к освобождению Болгарии от турок, когда страсти были накалены значительно больше, подобные проблемы отсутствовали. А во времена правления его отца эта проблема вообще исчезла» (с. 250).

Любопытно высказывание Симеона по поводу национализма. «Национализм приводит меня в отчаяние. Давайте создадим рай в рамках существующих границ и не будем поддаваться устаревшим в наши дни притязаниям» (с. 183).

В одной из бесед с журналистами Симеон дал оценку живковской кампании и рассказал о своих усилиях по смягчению конфликта: «Мы были свидетелями небывалой по своим масштабам человеческой трагедии. 300 тыс. наших мусульман покинули Болгарию... Благодаря моим хорошим связям с рядом лидеров Ближнего Востока я сумел оказать содействие тому, чтобы они оказали помощь беженцам» (с. 108). В условиях, когда болгарские СМИ хранили молчание, Симеон стремился успокоить исламскую международную общественность, разъясняя, что бол-

гары не являются фанатиками, нетерпимыми к чужой вере, что сам акт выселения был чисто политической мерой. Он провел ряд встреч в течение 1989 г. с представителями Международного Красного Креста, от которых зависела судьба 340 тыс. болгар, живших в лагерях беженцев в Турции (с. 109).

Симеон считает, что этот драматический эпизод современной болгарской истории должен быть забыт как можно скорее. «У меня не сложилось впечатления, что ислам активизировался в Болгарии» (с. 254).

Один из авторов книги, Диана Димних, отмечает, что Симеон начал проявлять себя как политик задолго до событий 1989 г., когда никто не предполагал возможности кардинальных перемен в стране.

Вопрос об отношении болгарского царя к России затрагивался в одном из первых интервью Симеона французскому журналу «Экспресс» в 1990 г. Сакскобургготы поддерживали тесные взаимоотношения с дореволюционной Россией. Борис III симпатизировал России, а император Николай II был его крестником. Симеон подчеркивал, что связи между русским и болгарским народами в целом и между отдельными людьми в частности обусловлены исторически, религиозно и близостью языков. Известно, что в период Второй мировой войны царь Борис III не объявил войну Советскому Союзу, однако, заметил Симеон, об этом иной раз забывают, руководствуясь особыми соображениями. Речь идет о принятом в социалистической Болгарии термине «монархофашизм». Само понятие «монархо-фашизм» Симеон считает легендой и недомыслием. По его мнению, необходимо разделять монархию и идеологию партий. Демократия предполагает существование сторонников всевозможных политических партий, и в то время существовали как крайне правые, так и крайне левые партии. Сегодня, полагает Симеон, фашизм является отжившей доктриной. «К идеологии подобного рода я не чувствую никакой симпатии, все крайности мне весьма антипатичны, поэтому я всегда избегаю полюсов максимализма и стремлюсь к согласию» (с. 117).

Касааясь проблемы соотношения фашизма и сталинизма, Симеон сказал, что сами эти идеологии также представляют две крайности. Их последствия могут быть одинаково негативными, но вряд ли они совпадают. В конечном счете, они представляют две тоталитарные системы, продемонстрировавшие свое полное фиаско.

Отец Симеона — царь Борис выдержал огромное давление, оказываемое на него Гитлером как на союзника по Пакту трех держав, но не допустил участия болгарских войск на Восточном фронте. По мнению

Симеона, присоединением к этому Пакту Борис спас Болгарию, его политика была дальновидной в этом отношении. В случае противостояния болгар Германии «вермахт раздавил бы бедную Болгарию» (с. 115).

Касаясь взаимоотношений Болгарии с такими государствами, как СССР и США, Симеон отмечал: «Мы слишком маленькая страна, чтобы впадать в ту или иную крайность. ...Исторически мы связаны с СССР, почему же мы должны отвернуться от него... США очень далекая от нас страна, которая может быть для нас примером демократии и хорошо развитой экономики»(с. 251). В наши дни, по мнению Симеона, важно улучшить отношения с Россией и сделать их равноправными, а не такими, как они были в рамках СЭВ (с. 114).

В 1990 г. одним из постоянно повторяющихся журналистских вопросов, задаваемых болгарскому царю, стал вопрос о его возвращении на родину. Симеон отвечал, что его жизнь на Западе вполне устроена, но «если требуется исполнить какую-либо политическую роль, определенную роль, то это зависит исключительно от самого болгарского народа». Будущее Болгарии он видел в демократическом развитии наравне с другими демократическими государствами (с. 111).

Летом 1990 г. болгарский царь дал пресс-конференцию в Лондоне, где заявил, что он не намерен вмешиваться в ход событий, происходящих в Болгарии, и что он ожидает результатов выборов, которые должны будут свидетельствовать о политической зрелости болгарского общества. Относительно его возвращения в Софию ответ был следующим: «Вряд ли после выборов или даже после первой фазы переходного периода мы сможем понять, что действительно думают люди, необходимо ли им присутствие арбитра или некоего регулятора, который поможет им обеспечить плавный переход от нынешней системы к плюрализму взглядов и многопартийной модели развития. Сигнал должен дать народ. Руководство, скорее всего, сменится..., и тогда, возможно, люди придут к выводу, что им необходим человек извне. Возможно, будут и более шумные сигналы с улиц, хотя лучше, чтобы их не последовало» (с. 112–113).

По мнению Симеона, в современном мире роль монарха заключается в арбитраже, без прямого вмешательства в управление. Монархия должна оставаться терпимой и демократичной. Примерами идеальных монархов Симеон считает бельгийского короля Бодуэна, короля Испании Хуана-Карлоса, иорданского короля Хусейна (с. 247). Для современной Болгарии «...единственная форма монархии, которая остается приемлемой, — это конституционная монархия» (с. 119).

Сравнивая положение Испании и Болгарии, Симеон подчеркивал радикальное различие между двумя странами. Приход Хуана-Карлоса к власти предполагался еще за 20 лет до смерти генерала Франко в 1975 г. После смерти Франко жизненный уровень в Испании был довольно высоким, среднегодовая зарплата составляла 5 тыс. долл., тогда как в 1989 г. в Болгарии к моменту падения режима Живкова этот показатель едва достигал 1 тыс. долл. В Болгарии «переход от тоталитарного режима к рыночной экономике является более трудным, чем... в Испании», так же как и политическая трансформация, так как после падения диктатуры Франко в Испании существовали политические движения, союзы и организации, строго запрещенные в Болгарии (с. 266).

С точки зрения Симеона, ни одна из форм государственного управления (диктатура, монархия, республика) не является совершенной. В разные исторические периоды одна из систем выглядела более привлекательной, чем другие. «В нашу эпоху экстремизма монарх является единственным возможным регулятором. Царь принадлежит всему народу, а не 51%, 78 или 99% населения. Он не должен отдавать... свои силы только одной части народа или одной фракции, он служит всем. Он, унаследовав свое положение по рождению, является объективным и независимым и не нуждается в использовании политических маневров во имя каких-либо зондажей общественного мнения. Он стоит над партиями, над парламентскими играми и вне какой-либо демагогии. Он принадлежит народу и нации, он беспристрастен, его позиция более емкая и взвешенная. При монархическом режиме происходит смена правительств, но отсутствует политическая скованность, и проводится одна генеральная линия, которая гарантирует последовательность и стабильность развития и предотвращает беспорядки... Кроме того, в условиях, когда необходимы профессионализм и специализация, только монарх, готовившийся всю свою жизнь к этой работе, имеет значительно больше необходимых качеств, чем любой любитель или политический мошенник» (с. 177).

Отношение Симеона к перестроечным процессам в Болгарии можно проследить по ряду его высказываний в СМИ. В своем новогоднем послании 1989 г. он высказался в поддержку восстановления демократии, многопартийности и законности в Болгарии. Симеон отметил, что «во всех странах советского блока после исчезновения единственной партии стала чувствоваться необходимость в арбитраже. Он не может быть порождением системы. В болгарском обществе отсутствуют достаточно

известные и не связанные с режимом личности. И это не обусловлено тем, что я имею в виду самого себя, просто я убежден, что монархия может быть лучшим выходом из нынешнего сложного положения...» (с. 179).

По его мнению, Болгария нуждается в новом международном имидже. Его надо добиваться «любой ценой, если мы хотим, чтобы иностранный капитал пришел в страну и чтобы мир обратил внимание на Болгарию» (с. 264).

После общественного перелома 10 ноября 1989 г. Симеон стал встречаться с представителями различных партий Болгарии, в том числе и коммунистической, показывая готовность к диалогу с самыми разными силами в стране. «Зачем сегодня разрушать, когда необходимо, наконец, строить. Я не понимаю, как можно сказать: “Если они коммунисты, то мы не будем говорить с ними”. Я говорю “нет” дискриминации... Необходимо добиваться национального примирения» (с. 181).

В монархическом институте Симеон видит гарантию для преодоления националистических настроений в Болгарии (с. 183), некий идеал государственного устройства, который позволяет функционировать всем партиям, а также гарантирует политическую сбалансированность в рамках многопартийности (с. 265).

В одном из опросов, проведенных в 90-е годы, болгары отдали предпочтение модели шведского государственного устройства. Комментируя выбор своих соотечественников, Симеон заметил: «Для меня идеальным является социал-демократический режим в Швейцарии. Но они предпочли Швецию из-за сильно развитой социальной политики, и я почувствовал удовлетворение, когда понял, что они выбрали монархию...» (с. 183).

Объясняя журналистам рост популярности монархии на родине, Симеон отмечал, что болгары сравнивают прошлое и настоящее, и первое кажется им лучше. В этом одна из причин идеализации монархии и большой популярности царя Бориса. Так рождаются легенды. Болгары помнят Симеона маленьким сиротой, и, по его мнению, «этот слащавый образ не значит ничего, так как правящие круги скрывали все, что я делал и говорил... В действительности у меня нет никаких заслуг, но я не могу не признать, что все больше людей обращаются к монархии» (с. 184). «Некоторые становятся монархистами из-за воспоминаний о царе Борисе, другие из-за ностальгии, а есть люди, которые говорят, что мо-

нархия, возможно, осуществит их надежды, так как нынешнее положение оставляет желать лучшего» (с. 269).

Симеон не призывает реставрировать монархию. Он говорит: «Моей страной командовали, ее мучили и подавляли на протяжении 45 лет, и мне кажется неправомерным прийти и сказать: “Вы должны делать так-то и так-то”. Уважение к народу также является проявлением демократического духа. Пусть люди говорят, кричат и требуют того, что они хотят. Придет время найти подходящий способ для осуществления всего этого» (с. 184). По признанию Симеона, к нему обращались не только оппозиционные лидеры, но и политически не ангажированные люди, называя его «единственным человеком, который сможет осуществить переход к демократии и к которому Запад отнесется серьезно, а к стране вновь вернется доверие» (с. 185).

В 1993 г. тогдашний председатель Совета министров Филипп Димитров назвал Симеона «моральным ориентиром для болгарского политического класса». Симеон заметил по этому поводу, что сам он не осмелился бы сказать такое, но он думает, что представляет некоторые положительные черты недавней болгарской истории, так как он сохранил чувство собственного достоинства и старается быть беспристрастным последние годы, думая о благе для своей страны и своего народа (с. 271).

Симеон вернулся в Болгарию в 2001 г. для участия в очередных парламентских выборах. В 90-е годы он постепенно снижал свою деловую активность для того, чтобы более внимательно следить за политическими процессами, происходящими в Болгарии. В предвыборной борьбе Симеон участвовал в качестве главы созданной им структуры «Национальное движение Симеон Второй» (НДСВ). Оценивая политическую ситуацию в Болгарии в 2001 г., он отметил, что в новом веке страна стала свободной, так как теперь ее избиратели могут использовать свое право выбора независимо от влияния иностранных сил. В рамках расширяющегося Евросоюза Болгария, по его мнению, является «единственной страной региона, сохраняющей полную стабильность, не имеющей территориальных претензий...», страной без национальных конфликтов и этнических проблем (с. 295). Однако в мире порой путают Болгарию с ее соседями, что показывает насущную потребность выразить свою национальную идентичность, сформировать новый международный имидж.

Симеон считает, что сегодня Болгария стоит на пороге такого периода своей истории, когда она должна превратиться в «привлекательный региональный центр», для этого ее деловую жизнь необходимо строить в соответствии с правилами конкуренции. Перед Болгарией стоят

задачи по созданию новой дорожной инфра-структуры, так как северные районы страны находятся в «средне-вековых условиях» (на северной границе вдоль Дуная действует только один мост). Ситуацию в сельском хозяйстве предстоит изменить кардинально. Болгария является традиционной сельско-хозяйственной страной. Однако эта ведущая отрасль пока не эксплуатируется рационально, хотя она приватизирована. Решение этих проблем зависит не от политических позиций или выбора других стран, а от единства политических сил внутри страны.

Развитие Болгарии в новом веке Симеон связывает с европейской общностью. Для этого, по его мнению, необходимо резко поднять в стране дисциплину экономического поведения, что даст импульс для развития рыночной экономики, делающей пока лишь первые шаги. Новое поведение в экономической сфере может оформиться только в рамках ЕС, на помощь и координацию которого Симеон рассчитывает.

Своей задачей Симеон считает изменение политических отношений в Болгарии. Они должны стать открытыми и толерантными, так как пришла «пора, наконец, отказаться от устаревших рефлексов» (с. 296).

Предвыборная программа НДСВ обещала избирателям улучшение жизненных стандартов, повышение доходов, пересмотр государственного бюджета. Перераспределение бюджетных средств предполагалось направить приоритетно на социальные нужды. В качестве таковых Симеон называл достижение европейского стандарта медицинского обслуживания населения, увеличение государственных пенсий, увеличение зарплат учителей, компьютеризацию средних школ, борьбу с наркоманией, преступностью, коррупцией. Главным направлением своей будущей деятельности Симеон назвал борьбу с безработицей, которая достигла в Болгарии 22–40% (цифра меняется в зависимости от метода исчисления). Им была предложена программа микрокредитования (до 10 тыс. левов со сроком выплаты через 18 месяцев), которая должна была стимулировать развитие малого и среднего бизнеса. Средства Всемирного банка, получаемые Болгарией, должны будут использоваться не на покрытие текущих государственных расходов, а на проекты частного предпринимательства стоимостью до 25 тыс. левов, со сроком возврата до трех лет. Симеон обещал инициировать систему мер, которые заставят капитал работать, будут способствовать возврату болгарских капиталов из-за границы и др.

17 июня 2001 г. «Национальное движение Симеон Второй» одержало победу на выборах в болгарский парламент – Народное собрание.

Выступая на пресс-конференции, организованной по этому поводу, Симеон заявил о том, что НДСВ будет стремиться к коалиционному управлению совместно со всеми политическими силами, разделяющими основные идеи движения. Им было выделено пять пунктов: 1. Устойчивый экономический рост. 2. Скорейшее достижение членства в ЕС. 3. Избавление Болгарии от коррупции. 4. Особая ответственность каждого, кто осуществляет властные полномочия в стране. 5. Стабильное законодательство, в соответствии с европейскими стандартами.

*Л.М.Светлорусова*

**М.С.ФИШ**

**КОНЕЦ «МЕЧИАРИЗМА» //**  
**Конституционное право:**  
**Восточноевропейское обозрение. —**  
**М., — Чикаго, 1999. — № 5. — С.2 — 9.**

Американский политолог Стивен Фиш считает, что посткоммунистическое политическое развитие независимой Словакии было отмечено уникальным для стран Центральной и Восточной Европы феноменом *охлократии*, или власти толпы. Около пяти лет, предшествовавших парламентским выборам в сентябре 1998 г., Словакией управляла парламентская коалиция премьер-министра Владимира Мечиара, которая состояла из возглавляемого им движения с обманчивым названием Движение за демократическую Словакию (ДЗДС), небольшого экстремистского коммунистического Объединения рабочих Словакии (ОРС) и Словацкой национальной партии (СНП), организации, чьи фашистские черты выражены гораздо рельефнее, чем у Национального фронта Жан-Мари Ле Пена во Франции (с. 3).

Мечиар создал нечто большее, чем просто правительство, пишет автор. Он установил политический режим особого типа. В организационном и институциональном плане «мечиаризм» отличался персонификацией и деидеологизацией ДЗДС и партизацией государства. К 1994 г. большинство тех, кто первоначально входил в руководство партии, покинули ее ряды. Это позволило Мечиару установить полный контроль и устранить потенциальных соперников. Персонификация шла рука об руку с деидеологизацией. Чтобы осуществить абсолютную персонификацию партии, требовалось лишить ее всякой сколько-нибудь целостной идеологии или последовательной программы, способных до некоторой

степени ограничить деятельность вождя, выполнять роль критериев оценки его действий, либо служить альтернативным источником преданности или мотивации. «К середине 90-х годов аморфный, эклектичный и лживый антилиберализм точнее всего соответствовал тому набору принципов, который был у партии» (с. 5). К тому времени, когда Мечиар сумел полностью персонализировать партию (примерно к 1994 г.), «Движение» имело четко различимое членство и электоральную базу, превратившись в некое психологическое братство людей, разделявших общие разочарования и обиды. Оно объединяло, грубо говоря, те же элементы, которые составляют опору КПРФ Геннадия Зюганова и ЛДПР Владимира Жириновского: тех, кто оказался наиболее незащищенным в результате краха прежней системы и кто жаждет определенности и социальных гарантий, существовавших в прошлом; кто страстно желает «сильной» отеческой власти уверенного в себе вождя; кто считает, что их проблемы привнесены извне иностранцами и «чужаками»<sup>1</sup>. Методы, применявшиеся Мечиаром для мобилизации масс, помогли ему персонифицировать партию и «люмпенизировать» ее базу. Излюбленный прием, которым пользовался Мечиар, чтобы обеспечить себе поддержку, состоял в организации автобусных рейдов на Братиславу сторонников или потенциальных сторонников ДЗДС, в основном мало образованных жителей малых городов и сел центральной и восточной части Словакии, для участия в ежемесячных политических митингах. На проводимые на стадионе митинги Мечиар собирал до 10 тыс. участников. Представителям средств массовой информации и другим незванным гостям вход на них был закрыт, хотя горстке репортеров обычно удавалось незаметно пробираться на место событий. Мечиар мог разглагольствовать перед аудиторией часами, обращаясь к ней со смесью грубого юмора и эмоциональных тирад, включавших небылицы о многочисленных заговорах, которые плели его противники, вынашивая планы, в том числе и его убийства. Бывало, что Мечиар доводил своих слушателей до иступления. Пока шло действо, в зрителях, не проявлявших энтузиазма, присутствующие зачастую (и нередко правильно) с подозрением признавали тайком проникших и не сочувствующих собранию журналистов. Иногда ретивые сторонники Мечиара избивали этих людей<sup>2</sup>.

Вследствие политики Мечиара, направленной на персонификацию и деидеологизацию партии, ее верхние эшелоны были настолько лишены талантливых людей, что даже ключевые фигуры, включая членов Кабинета министров, в большинстве своем пришедших из ДЗДС,

могли служить разве что образцами некомпетентности. Низведение правительственных чиновников, даже высшего уровня, до роли беспомощных комнатных собачек соответствовало интересам Мечиара, подчеркивало его незаменимость и превосходство.

Персонификация партии и правительства, однако, вступила в противоречие с поставленной Мечиаром целью партизации государства. Его привлекала мексиканская модель государства, при которой единственная партия руководит государственным аппаратом, не отказываясь при этом полностью от претензий на плюрализм<sup>3</sup>.

Стратегии и тактике Мечиара Стивен Фиш противопоставляет действия президента Хорватии Франьо Туджмана. Готовность Туджмана мириться с присутствием в его партии, Хорватском Демократическом Союзе (ХДС), талантливых честолюбивых политиков, твердая приверженность его самого и его партии принципам хорватского национализма, в отличие от оппортунистического, непоследовательного и незрелого национализма Мечиара, обеспечили ХДС верность, сплоченность и единство, каковые в ДЗДС отсутствовали, воспрепятствовали превращению партийных рядов в неорганизованную толпу, а ее сторонников — в его личных почитателей, и позволили ХДС проникнуть во все органы государственного аппарата более тонко и более действенно, чем это смогло сделать ДЗДС Мечиара в Словакии.

Попытки Мечиара провести персонификацию партии и партизацию государства шли рука об руку с тем, что одна из ведущих словацких политологов назвала усилиями, направленными на осуществление «полного демонтажа политических и правовых институтов»<sup>4</sup>. Чтобы запугать и деморализовать своих политических противников, Мечиар прибегал и к услугам наемных бандитов, и тайной полиции. Нападки на критиковавших его журналистов, угрозы в их адрес, взрывы их автомашин — таковы основные характеристики политики принуждения Мечиара<sup>5</sup>. Франтишек Себеж, ведущий интеллектуал либерального толка, провел сравнительный анализ политики Мечиара и прежнего коммунистического режима и установил, что хотя коммунисты и применяли политику устрашения неугодных их режиму лиц, но их методы контроля никогда не были бандитскими<sup>6</sup>. Крайнее презрение Мечиара к сложившимся процедурам, нормам и правилам не ограничивалось сферой принуждения и контроля. Оно было определяющей чертой его системы власти в целом, которую Стивен Фиш характеризует как «анархическую развязность». «Инцидент с часами» — очевиднейшее тому подтверждение. В конце

1997 г. Мечиар распорядился отрегулировать часы на здании, которые были видны из кабинета президента Словакии Ковача, так, чтобы они показывали не время, а дни, оставшиеся до конца срока пребывания Ковача в должности. Шутовские часы показывали дни, в течение которых Ковач должен был оставаться президентом, не в соответствии с Конституцией (то есть исчисленные с момента его вступления в должность), а так, как если бы они отсчитывались со дня его избрания. Мечиар настаивал, вопреки закону, что Ковач должен уйти раньше, хотя временная разница была пустяковой, а в политическом смысле разницы, по существу, вообще не было; часы служили Ковачу и всей Братиславе постоянным напоминанием о том, что прихоти Мечиара выше закона. Мечиар с возмущением отказался вернуть часам их функциональное назначение даже тогда, когда депутаты от оппозиции осудили в парламенте его фиглярство.

Несмотря на «мечиаризм», Словакия оставалась по большей части открытым государством. Мечиару никогда не удавалось насадить в полной мере ту закрытость, которой добились, например, президент Казахстана Нурсултан Назарбаев или президент Беларуси Александр Лукашенко. Одну из причин этого можно найти в конституционной системе Словакии. Другая кроется в слабости внешних покровителей Мечиара, крупнейшим из которых было российское правительство, обеспечивавшее поставки энергоносителей по льготным ценам и другие формы помощи, в том числе открытую поддержку его переизбрания. Россия поддерживала Мечиара просто потому, что его не поддерживал Запад. Само рождение и существование режима Мечиара показывает, что география не является определяющим судьбу фактором. Местоположение в Центральной Европе не спасло Словакию от охлократии. Но оно, быть может, создало средства противодействия потенциальным диктаторам, более эффективные, чем те, например, с которыми сталкиваются белорусский и казахский правители. Проводимая Мечиаром политика деидеологизации в равной мере не позволила ему консолидировать авторитарный режим. Она помогала ему укрепить личную власть в партии, но в итоге обрекла его на положение человека, защищающего лишь самого себя. В сравнении с этим прочная поддержка Туджмана и его успехи на выборах обусловлены в значительной мере его устойчивым отождествлением с хорватской государственностью и этническим национализмом. Лукашенко, при всей его театральности и непоследовательности, также ратует за нечто реальное: обеспеченность продуктами питания, своевре-

менную выплату зарплат, социальные гарантии. Для большей части казахской элиты и части населения Назарбаев, несмотря на усиливающуюся коррумпированность и манию величия, олицетворяет спокойствие в межнациональных отношениях и в многонациональной, остающейся в значительной мере искусственным образованием, стране. Полное отсутствие у Мечиара позитивной программы в итоге подорвало его популярность в массах и способствовало его поражению на выборах осенью 1998 г. Ко времени выборов произвол, откровенное пренебрежение правом — сами по себе шаткие основы для удержания власти — стали основными характеристиками личности Мечиара.

Бандитские методы Мечиара и его абсолютное пренебрежение сложившимися нормами поставили его самого и созданный им режим в особое положение среди иных форм авторитаризма. «Мечиаризм», видимо, отличается от монархического одно-партийного и бюрократически-авторитарного режимов, ибо при этих режимах правители, несмотря на произвол и своеволие, обычно пытаются установить некую систему процедур и действовать в ее рамках. Закон может не иметь ничего общего с защитой прав человека, но власти придерживаются, тем не менее, заботясь о поддержании, по крайней мере, квазиправовых оснований, оправдывающих их действия. Социализм советского образца, северокорейский и чилийский бюрократические авторитарные режимы с их пристальным вниманием к обеспечению законодательной базы политики репрессий, с использованием регулярных, подконтрольных государству органов безопасности или вооруженных сил для поддержания режима, существенным образом отличаются от «мечиаризма». Султанаты, режим Маркоса на Филиппинах, Сомосы в Никарагуа или те, которые сложились в посткоммунистических Беларуси, Азербайджане, Сербии, Узбекистане и Казахстане, в этом смысле очень похожи на «мечиаризм». Правители-«султаны», несмотря на свои заявления, как правило, не заинтересованы в кодификации и упорядочении правовых норм и зачастую прибегают к незаконным силовым методам в отношении своих оппонентов. Султанаты, однако, подобно однопартийным и бюрократически-авторитарным режимам, являются закрытыми политическими системами. В этом плане они отличаются от режима Мечиара, возникшего в государстве, которое было и, вопреки устремлениям правителя, осталось в значительной мере открытым. Мечиар снизил качество словацкой демократии, что отразили ежегодные общенациональные опросы. Но Мечиар никогда не обладал такой силой, чтобы суметь разрушить выборные ин-

ституты, несмотря на то что он ухитрился протащить радикальные, служившие его интересам поправки к Закону о выборах, значительно осложнившие положение его противников в период выборной кампании осенью 1998 г. Мечиар не смог уничтожить свободу информации и собраний, утвердившиеся после «бархатной революции».

Современные либеральные противники Мечиара, по мнению автора, должны четко уяснить, что при отсутствии надежно спаянной коалиции новые лидеры окажутся неспособными бороться с организованными преступными группировками, взлелеянными Мечиаром, и разрушить то, что Шацик справедливо назвал «мечиаровской феодальной политической и экономической пирамидой, основанной на примитивном принципе взаимного обмена услугами»<sup>7</sup>. Кроме того, невероятная безответственность фискальной политики Мечиара в последний год его пребывания у власти оставила новому правительству опустошенную казну, истощенные валютные резервы и иные, потенциально способные вызвать глубокий экономический кризис, последствия. Расчистка Мечиаровых «авгиевых конюшен» требовала от коалиции сплоченного и твердого, дисциплинированного руководства. Автор считает, что амбиции Мечиара отнюдь не уменьшились, и не исключает возможность его возвращения к власти\*.

Словацкий опыт проливает свет на ряд дискуссионных вопросов, связанных с институциональной сферой. Прежде всего, он показывает возможные негативные последствия, которые может иметь исключение из конституции норм избирательного права. Проведенная Мечиаром всего лишь за четыре месяца до сентябрьских выборов 1998 г. «реформа» избирательного законодательства, равно как и довлеющая над всеми в течение всего предшествовавшего выборам года неопределенность в том, каким образом он намерен менять правила и манипулировать ими для устранения своих соперников, отнюдь не способствовала процессу демократизации. И хотя в итоге оппозиция одержала победу вопреки ухищрениям Мечиара, однако они существенным образом сказались на усилении состояния неопределенности, в котором пребывали политики и общество. Мечиар, наконец, полностью изменил избирательную систему, ввел такие правовые нормы, как требование к оппозиционным кандида-

---

\* Статья Стивена Фиша написана и опубликована до выборов в словацкий парламент в 2002 г., когда В.Мечиар и его ДЗДС потерпели еще одно политическое поражение. — Прим. Ю.Щербаковой.

там от малых партий выходить из них, с тем чтобы участвовать в выборах в составе крупных оппозиционных блоков, что представляется автору абсурдным. Другие законоположения сделали бессмысленными назначенные выборы в местные советы, серьезно искажив порядок распределения мест. Если бы избирательное право было частью конституции, для его изменения потребовалось бы большинство в три пятых от числа депутатов парламента, которым Мечиар не располагал. Поскольку словацкая Конституция не конкретизирует правила проведения выборов (в ней есть лишь норма о проведении тайного голосования), Мечиару удалось протолкнуть явно несправедливые и даже нелепые изменения в избирательный закон, опираясь на подчиненное ему простое большинство.

Пример Словакии дает материал для дискуссий о преимуществах парламентской конституции в сравнении с президентской с точки зрения оказываемого влияния на ускорение процессов демократизации, хотя уроки «мечиаризма» и не однозначны. Словакия — одна из немногих стран в посткоммунистическом мире, которые, приняв парламентаризм, не смогли утвердить полиархию. Словацкий опыт показывает, что концентрация власти, в какой бы конкретной форме она ни осуществлялась, способствует приостановке или откату процессов демократизации, в то время как рассредоточение власти защищает демократические завоевания.

Абсолютная противоположность парламентаризму в чистом виде — суперпрезидентская власть имела катастрофические последствия для процессов демократизации практически во всех странах восточноевропейского региона, избравших эту систему. В странах, конституции которых наделяли президентов широчайшими полномочиями, даже в тех, где первоначально были достигнуты впечатляющие успехи и у власти находились президенты, имевшие репутацию демократов, политическая открытость была, по крайней мере отчасти, ограничена президентским своевластием. Примерами являются Россия, Армения, Киргизстан, Казахстан и менее явно Украина. В странах, принявших конституции, где заявлен принцип разделения властей, но содержатся двусмысленные нечеткости, которыми амбициозные президенты могут воспользоваться для собственного возвеличивания, также переживают застой в процессе демократизации или даже откат от нее. Таковы Албания и Хорватия. Произшедший сдвиг от парламентаризма к суперпрезидентскому правлению стал началом конца демократического эксперимента в Беларуси. В Азербайджане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане, в каждом из

которых советская форма правления постепенно сменилась персональной автократией, в руках президента сосредоточены слишком широкие полномочия. Формальный парламентаризм в Сербии — это фиговый листок конституционализма, прикрывающий личную диктатуру. Другой вариант — Словакия, где парламентская, в точном смысле слова, система власти привела к ослаблению позиций президента, открыв в то же время премьер-министру массу возможностей для произвола, которые и были использованы Мечиаром таким образом, что произошла деградация молодой словацкой демократии.

Страны, конституции которых основаны на распределении власти, напротив, прошли через процесс демократизации без отката к авторитаризму. Умеренно президентские и полупрезидентские системы, наделяющие существенными полномочиями как парламент, так и президента, в достаточной степени обеспечивали демократическое развитие, о чем свидетельствует опыт Литвы, Польши, Грузии после 1995 г., Молдовы, Монголии и Румынии. Парламентские системы правления также в большинстве случаев способствовали процессу демократизации, как это было в Чешской Республике, Эстонии, Венгрии, Словении, Латвии и (наиболее ярко после 1996 г.) в Болгарии.

Таким образом, мнения ученых, отстаивающих достоинства парламентских режимов и критикующих сильную президентскую власть, подтверждаются опытом посткоммунистических стран только отчасти. Полупрезидентский и умеренный президентский режимы, считает Стивен Фиш, в большей мере способствовали демократическому развитию Польши, Монголии, Литвы и Румынии, нежели парламентаризм — демократизации Словакии. В том, чтобы избежать сохранения авторитаризма или отката к нему, бóльшую роль играл отказ от концентрации власти, чем парламентаризм *pet se* (как таковой). Самым последовательным антагонистом демократии была концентрация власти, определяемая понятием *гипертрофии исполнительной власти* президентского или парламентского типа. Пример Словакии показывает, что чистой воды парламентская система власти с крайне амбициозным премьер-министром может привести к политическим последствиям, вызывающим тревожные воспоминания о межвоенной эпохе. В противоположность предсказаниям апологетов парламентаризма, ни эксцентризм премьер-министра, ни его злоупотребления властью не подвигли его собственную партию или партнеров по коалиции выступить против него.

В большинстве парламентских режимов восточноевропейского региона подобная словацкой форма правления, основанная на суперполномочиях премьер-министра, не стала угрозой для демократии. Благоприятное развитие событий отчасти объясняется тем, что в первые годы реформ у власти находились президенты, официальные полномочия которых были ограничены, но которые обладали незыблемым авторитетом мужественных борцов против старого режима. Способность Вацлава Гавела укротить авторитарные амбиции премьер-министра Вацлава Клауса помогла удержать Чешскую Республику на пути демократизации. То же можно сказать о взаимоотношениях президента Арпада Генца и премьер-министра Йозефа Анталла в Венгрии и позиции президента Желю Желева в отношении преемников ведóмого социалистами правительства в Болгарии. Словацкий президент Михал Ковач, напротив, не обладал подобного рода исключительным авторитетом. К тому же его официальные полномочия были в большей мере ограничены, нежели других президентов стран этого региона. Он не имел права распускать парламент, фактически у него не было реального права вето (для преодоления президентского вето в Словакии необходимо парламентское большинство в 50% плюс один голос), при этом его самого могли отстранить от должности решением, принятым большинством в три пятых от состава парламента<sup>8</sup>.

Между тем одно из величайших достоинств парламентаризма, о чем свидетельствует опыт посткоммунистических государств, с точки зрения развития демократии, оказывается либо недостаточно осознанным, либо вообще незамеченным его сторонниками. Суть в том, что парламентаризм, обеспечивая надлежащий уровень разделения властей, способен — хотя не всегда — создать тем самым достаточный противовес чрезмерным притязаниям исполнительной власти. Поскольку парламентаризм традиционно рассматривается (что признают его сторонники) как система, обеспечивающая взаимозависимость исполнительной и законодательной властей, присущая ему тенденция *к разделению* властей редко оказывается в поле зрения. Там, где в условиях парламентского режима происходит значительная концентрация власти, как в Словакии с ее слабым президентом и полновластным однопалатным парламентом, возникает потенциальная угроза демократическим институтам и принципам. Однако урон, который им может быть нанесен, все же вряд ли окажется столь суровым, как в условиях суперпрезидентских систем. Хотя словацкий чистый, гипермажоритарный парламентаризм открыл возможности

злоупотребления властью, эти возможности не столь широкие, в отличие от тех, которые создает суперпрезидентская система власти. Как указывалось выше, Мечиар так и не смог установить личную власть над обществом или полностью выхолостить значение избирательных институтов. Поэтому его позиции оставались уязвимыми. Важными противovesами амбициям Мечиара были твердость и сила оппозиционных политических партий. Системы с обладающими реальной властью парламентами — парламентские, полупрезидентские или умеренно президентские — дают более сильные стимулы партийному строительству, нежели президентские формы правления. В странах, в которых парламента пользуются высоким авторитетом, процессы формирования и утверждения партий протекают относительно быстро, даже в отсутствие системы голосования исключительно или в основном по партийным спискам, то есть пропорционального представительства. Таким образом, пропорциональная избирательная система может стимулировать рост партий, хотя и не является обязательным для этого процесса условием. Обычно оказывается достаточным существование режима, в котором большую роль играет законодательная власть, т. е. не суперпрезидентского. В Словакии, где существуют парламентский режим и пропорциональное представительство, партии всегда имели большое значение, и стимулы к их созданию всегда были сильны. Развитие достаточно прочной многопартийной системы, включающей крупные оппозиционные Мечиару партии, защитило слабый словацкий плюрализм и позволило противостоять нападкам Мечиара.

В заключение автор отмечает, что словацкий опыт не является бесспорным опровержением аргументов в пользу парламентской системы власти, но при этом он и не подтверждает их сколько-нибудь существенно. Этот опыт показывает, что гипертрофия исполнительной власти, всегда губительная для процессов демократизации в посткоммунистических странах, может принимать форму как премьерского, так и президентского абсолютизма, хотя последний представляет собой более серьезную угрозу демократии, поскольку в парламентских системах власть *de facto* рассредоточена гораздо чаще, чем это признают большинство теоретиков. Но пример Словакии показывает также и то, что парламентаризм в его чистом виде, даже при крайне амбициозном премьер-министре, способен обеспечить более благоприятные условия для развития плюрализма и открытого общества, нежели суперпрезидентский режим, главным образом за счет стимулов партийного строительства.

## Примечания

<sup>1</sup> Volebný výskum, 1998, 25–26 September (исследование, проведенное организацией FOCUS и Международным республиканским институтом в Братиславе). Я благодарю Григория Месежникова за помощь, оказанную в обработке результатов исследования (интервью от 21 октября 1998 г., Братислава; все интервью проведены автором).

<sup>2</sup> V. Mečiar nebude rokovať s českými pučistami // *SME* — Br., 1997. — Dec. 5; Uďajné atentaty na Vladimira Mečiara // *SME*. — Br., 1998. — Jan. 21.

<sup>3</sup> См.: Vladimír Mečiar chce zmeniť politický režim na Slovensku // *Praca*. — Br., 1998. — Febr. 27.

<sup>4</sup> Интервью с Дариной Маловой от 7 октября 1997 г., Братислава.

<sup>5</sup> Zapalenie auta PetraTotha je uložené // *SME*. — Br., — 1997. — November 14

<sup>6</sup> Интервью с Франтишком Себежем от 8 октября 1997 г., Братислава.

<sup>7</sup> Интервью с Палом Шаки от 21 октября 1998 г., Братислава.

<sup>8</sup> См.: Wolchik Sh. L. The Czech Republic // *Postcommunist Presidents* / Ed. Taras R. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997; O'Neil P. Hungary // Там же; The Development of Constitutionalism in Slovakia // *Slovakia Problems of Democratic Consolidation* // Ed. by Szomolanyi S., Gould J. A — Bratislava: Slovak polit. science assoc.; Fredrich Ebert found., 1997.

*Ю.А.Щербакова*

## **В.КЛАУС**

### **ВМЕСТО АВТОБИОГРАФИИ: СОБЫТИЯ, ОПРЕДЕЛИВШИЕ МОЙ ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ**

**V.KLAUS**

**Misto autobiografie: urcujići momenty a vlívy. —  
режим доступа:// <http://www.klaus.cz>**

Данный источник представляет собой предисловие Вацлава Клауса к его книге «Портрет», которая готовится к публикации в издательстве Университета Масарика в г. Брно.

Клаус родился в тот самый день 1941 г., когда Германия напала на Советский Союз, но мало что запомнил из военных лет своего детства. Положение его семьи, опыт жизни в военные годы, тот факт, что освобождение пришло с Востока, и вся послевоенная атмосфера положительно повлияли на восприятие его родителями установившегося в Чехословакии после февраля 1948 г. социалистического строя. События 25 февраля 1948 г. застали семью Клауса на отдыхе в горах и, по его воспоминаниям, не повлияли на течение их жизни: на следующий день после выступления Клемента Готвальда вся семья продолжила лыжные прогулки.

Свое детство и юность, до конца 60-х годов, Клаус прожил в одном из старых районов пражского центра «на Виноградах». Преподавательские коллективы в школах, где он учился, представляли собой «не самое плохое» сочетание убежденных коммунистов-идеалистов и дофевральских господ учителей. Родители ориентировали Клауса на достижение в учебе отличных результатов, что ему вполне удавалось. Помимо учебы Вацлав Клаус много времени тратил на занятия в различных кружках: в детском хоре Чехословацкого радио, в драматическом круж-

ке; много читал, ходил с родителями на концерты и выставки. «Мне кажется, что в те годы я не задавался вопросами о политическом режиме и обществе, самое большее, что могло быть в среде моего обитания — это поверхностная критика ежедневной реальности и ностальгические воспоминания о прежней жизни. Мне не приходит на память ничего героического, политические процессы, которые я пережил в десятилетнем возрасте, не оставили особого следа, да и никто из близких не обратил на них мое внимание» (с. 2).

С юных лет важное место в жизни Клауса занимает спорт. И не просто оздоровительная физкультура, а спорт «высоких достижений». В середине 50-х годов он начал играть в баскетбол, был членом юношеской сборной страны, представлял Чехословакию на международных спортивных соревнованиях. Командные виды спорта, по мнению В.Клауса, для каждого, кто ими занимается, являются серьезной жизненной школой. Они воспитывают умение не только самому забить мяч в корзину, но и отдать пас товарищу по команде, нейтрализовать игрока противника. Человек учится выигрывать и проигрывать, он знает, сколько незаметных для зрителя усилий затрачено при подготовке, ему становятся доступны чувства общей радости и общей печали. «Командные виды спорта воспитывают смелость в ту или иную минуту взять на себя ответственность за игру и не находиться на площадке лишь для численности. Спорт — это и контакт со зрителями, с их аплодисментами и с их свистом. Думаю, что для будущего политика эта незапланированная подготовка к встречам с общественностью очень важна» (с. 3).

После окончания средней школы семнадцатилетний В.Клаус поступил в Высшую экономическую школу, где специализировался в области внешней торговли. Именно здесь он впервые непосредственно столкнулся с политикой и политическими отношениями. Вначале он критиковал всех и всегда, следуя скорее принципам быть вне толпы, выступать против авторитетов, иронизировать, нежели внутренне обоснованным идейным убеждениям. Он не стремился вступить в ряды КПЧ, а студенческая организация чехословацких коммунистов не раз давала понять Клаусу, что не имеет намерений принять его в свои ряды.

Вспоминая о 60-х годах, Клаус пишет, что это было время хрущёвской оттепели, «Одного дня Ивана Денисовича» Солженицына, «Люди, годы, жизнь» Эренбурга, театра «Семафор», джаза, новой волны в чешском кинематографе и многих других подобных явлений. В те годы в Праге существовала уникальная культурная и интеллектуальная

жизнь, в которой Вацлав Клаус и его будущая жена Ливия принимали самое активное участие. Уже тогда он полностью разошелся с официальной идеологией. «Каждый день мы “проглатывали” “Литерарни новины”, каждые две недели “Гост до дому”, каждый месяц “Пламен” (а позже “Дейны и současnost” и “Тварж”), а каждые два месяца “Мировую литературу”» (с. 4).

Обучение по специальности «внешняя торговля» в ВЭШ предполагало помимо знакомства с официальной марксистской политической экономией социализма изучение конкретных аспектов функционирования современной западной экономики, трех обязательных иностранных языков. Штудирование работ К.Маркса было для Клауса хорошей школой абстрактного мышления. Однако помимо обязательной литературы по специальным предметам Клаус в студенческие годы не читал работ по экономике, а увлекался философскими и социологическими трудами, а также литературной критикой.

После окончания ВЭШ Клаус отслужил срочную службу в Чехословацкой армии и поступил в аспирантуру Экономического института Чехословацкой академии наук. Во второй половине 60-х годов этот институт под руководством Оты Шика находился в центре реформаторских усилий Пражской весны. Именно в те годы Клаус обнаружил, что собственно представляет собой экономическая наука. Под руководством заведующего отделом исследований проблем современного капитализма и немарксистских экономических теорий Л.Урбана там регулярно проходили семинары, на которых обсуждались проблемы развития современного капитализма и критиковались марксистские экономические теории. Именно тогда в руки Клауса попал учебник Самюэлсона «Экономика» и другие учебники и серьезные научные труды. И к этому времени Клаус относит свое становление как ученого-экономиста. В этой связи он цитирует высказывание Шумпетера: «Экономиста от всех остальных людей, которые думают об экономике, говорят или пишут о ней, отличает владение особой техникой, которая складывается из трех частей — истории, статистики и теории. Эти три составные части и составляют то, что называется экономическим анализом» (с. 6). Данный вывод представляется ему ключевым, определившим его экономическое мышление.

В 60-е годы XX в. в Экономическом институте Чехословацкой академии наук разрабатывался проект экономической реформы, в котором была сделана попытка объединить несочетаемые, по мнению Клау-

са, рынок и план. В основу реформы ее разработчики заложили не глубокие и сложные теоретические знания, а принципы здравого смысла, пишет Клаус. Однако, подчеркивает он, как всякая общественная реформа, она являлась открытой системой, способной изменяться и развиваться. А тот факт, что чехословацкое общество отделяло от периода существования в нем частной собственности всего 20 лет (1948–1968), снижал уровень издержек трансформации по сравнению с нынешними реформами. Уже тогда, пишет Клаус, я отчетливо понимал, что рынок товаров и услуг бессмысленен без рынка труда и капитала. Его убежденность в этом еще более усилилась после встречи с группой, сформировавшейся вокруг журнала «Тварж» (особенно с Б.Долежалом и Е.Мандлером).

От изучения капитализма и немарксистских экономических теорий Клаус переходит к изучению социализма, применяя при этом для его критики общие экономические теории. Познакомившись с проходившей в 30-е годы дискуссией о социализме, он становится убежденным сторонником Хайека. В 1966 и 1969 гг. Клаус стажировается в США и Италии. Эти краткосрочные стажировки были продуктивны только потому, что он был подготовлен к ним всей своей предшествующей деятельностью.

Вацлав Клаус вспоминает 1968 г. как год значительного рубежа. В Чехословакии осуществлялась попытка улучшить социализм, придать ему «человеческое лицо». Он призывает не отрицать с позиций настоящего времени интеллектуальный прорыв, наблюдавшийся тогда. Сам Клаус в полной мере попытался в нем поучаствовать: входил в состав государственных комитетов по реформам, писал в газеты и журналы (самым значительным своим выступлением он считает полемику с Иваном Свитаком, который видел в югославской системе самоуправления альтернативу и социализму, и капитализму, тогда как Клаус был сторонником капитализма), выступал по радио и на телевидении, на митингах. «Я был частью весьма обнадеживающего процесса, который был прерван вторжением в Чехословакию войск Варшавского договора, и мы не успели понять, насколько успешным он мог быть» (с. 9).

Клаус вспоминает, как после августа 1968 г. разрушалось единство чехословацкого общества и все очевиднее становилась поддержка нового, или скорее «старонового» режима со стороны увеличивающегося числа сограждан. Было ясно, что с Экономическим институтом придется расстаться, и в ожидании решения своей участи Клаус открыл для себя

Людвига фон Мизиса и его труд «Человеческая деятельность», который окончательно определил его взгляды.

В 70-е годы Клаус, работая вначале в районном отделении Чехословацкого государственного банка в Праге-1, а затем в отделении экономико-математических расчетов, очень много читал, чем вызывал у своих коллег некоторое удивление. «Это были несчастные годы, когда потенциал человека не мог раскрыться в полной мере, годы фрустрации, но они не были потерянным временем» (с. 11). В этот период Клаус много времени уделял своей семье, у него родились сыновья, он переехал в новую квартиру в отдаленном пражском районе Просек. Круг его чтения значительно расширился: он стал больше интересоваться чешской историей, открыл для себя Гавличка и Масарика. Клаус не поддерживал непосредственного контакта с чешскими диссидентами, а Хартия-77 казалась ему «эксклюзивной». Он также не мог идентифицировать себя с экономическими взглядами ее сторонников, которые в настоящее время сгруппировались вокруг Чешской социал-демократической партии. Однако Клаус и его жена были частыми гостями «салона» Риты Климовой, где в 70-е годы собиралась оппозиционная интеллигенция.

«Читал я и о России, о ее трагической судьбе, особенно Солженицына (“В круге первом”, “Раковый корпус”), с глубоким уважением относился и отношусь к госпоже Мандельштам и ее воспоминаниям. Многих русских я считаю своими личными друзьями, и мне не нравится излишний антирусизм некоторых моих нынешних коллег по политической деятельности. Скорее они должны были бы отрицать советизм. Моим литературным вкусам ближе Бабель, Бунин, Булгаков, чем популярная в наши дни западная литература. Сильное влияние оказали на меня прочитанные тогда гениальная антиутопия “Мы” Замятина, “1984” Оруэлла и “Блистающий мир” Хаксли» (с. 12). Достоевский, Карел Чапек и Стефан Цвейг являются любимыми писателями Клауса.

В 80-е годы Вацлав Клаус становится ученым секретарем банковского отделения Чехословацкого научно-технического общества и на протяжении шести лет организует и проводит ежемесячные экономические семинары, на которых свободно и критически обсуждаются чехословацкая экономика и экономическая политика. В этих семинарах приняло участие более сотни ученых, было издано 12 сборников материалов. Неоднократно вставал вопрос об их закрытии, и они были закрыты, но только в 1986 г. «На этих семинарах сформировалось современное ре-

форматорское экономическое течение. Проходившие тогда дискуссии значительно облегчили нашу деятельность после 1989 г.» (с. 13).

Поиск реального центра «планирующей силы» привел участников этих семинаров к открытию горизонтальных экономических связей, скрытых за завесой вертикальных отношений между «планирующими» и «выполняющими план», экономика предстала как область столкновения отдельных интересов. Клаус пишет, что всегда выступал против частичного реформирования (перестройки) экономики, вызывая тем самым критику со стороны венгерских и польских экономистов, особенно Я. Корнаи.

Во второй половине 80-х годов в Чехословакии также началась перестройка, и Вацлав Клаус после 16 лет работы в банке перешел в Прогностический институт Вальтера Комарека. Это время было наполнено контактами с миром экономистов-реформаторов, дипломатов, журналистов крупнейших мировых экономических изданий, поездками в заграничные командировки, участием в международных конференциях, лекциями в университетах.

Клаус вспоминает, что остро чувствовал напряженную атмосферу конца 80-х. В августе 1989 г. он был в Польше, познакомился с деятельностью первого польского некоммунистического правительства, членами которого были его личные знакомые, и осознал скорую возможность такого поворота событий в Чехословакии.

Вскоре после 17 ноября 1989 г. Рита Климова познакомила Вацлава Клауса с Вацлавом Гавелом. И Клаус первым из кругов, далеких от диссидентского мира и мира искусства, оказался в Латерне Магике и стал одним из координаторов Гражданского форума.

«Положение министра финансов предоставило мне возможность начать экономические реформы. Положение в Гражданском форуме позволило основать правую политическую партию и способствовать защите партийного строительства у нас, функции главы правительства в 1992 г. возложили на меня обязанность вести переговоры с В.Мечиаром и обеспечивать мирный раздел Чехословакии (которого я не желал), а, главное, обеспечить продолжение трансформации страны от коммунизма к капитализму» (с. 14).

Чехии, по мнению Клауса, предстоит еще долгий путь к процветающему обществу. И для него, как для политика, особенно важно сохранить свои принципиальные позиции, поэтому он никогда не будет

ласковым, уступчивым и добрым, если это помешает ему решать важнейшие проблемы, стоящие перед страной.

Клаус пишет, что трудно оценивать современное развитие, и поэтому он ограничится лишь несколькими пунктами. «Чешское общество, чешская политика и чешская экономика вступили после 1996 г. в новую фазу своего развития. Это не было следствием ошибок в 1989–1996 гг. Парадоксально, но это было результатом относительно успешного развития в этот период» (с. 16). Он оценивает деятельность Вацлава Гавела, Милоша Земана, Йозефа Люкса и Йозефа Зиленца как дестабилизирующую общественную жизнь. Правительство утратило силы для совершения необходимых шагов. Более того, Клаус перестал пользоваться у членов правительства авторитетом. Все это делало, по его мнению, отставку возглавляемого им правительства неизбежной. А после парламентских выборов 1998 г. в Чехии было образовано первое после ноября 1989 г. социалистическое правительство.

Клаус пишет, что остаться в политике помогли ему воспитанный в нем в молодости спортивный дух и огромная поддержка десятков тысяч людей.

*Ю.А.Щербакова*

## БОЛГАРСКИЕ СМИ НА ФОНЕ РЕФОРМ (Сводный реферат)

1. Спасов О. Преходът и медиите – С., 2000. – 199 с.
2. Русинова-Христова А. Видове обяснение при обвинение в корупция в печатни медиите // Психологически изследвания. – С., 2002. – №1. – С. 29–37.

Орлин Спасов является автором эссе и статей по теории и истории СМИ и массовой культуры, преподавателем факультета журналистики Института «Климент Охридский» в Софии.

В переходный период роль СМИ в Болгарии сопоставима с ключевыми факторами перестроенных процессов. Несмотря на ясно выраженную политическую активность, СМИ в 90-е годы часто оставались вне рамок серьезного аналитического подхода, так как интерес исследователей был сосредоточен в основном на политике и экономике. Автор считает, что характеристикой процесса перехода является взаимодействие экономики, политики и СМИ, что позволяет понять подлинную сложность самого процесса перехода. В масштабах последнего десятилетия XX в. такое явление, как публичность, претерпело в Болгарии радикальные изменения. Повышенная плотность событийности в это время продемонстрировала обществу очередные столкновения традиционализма и модернизации, уникальности и универсальности.

Динамика происходивших процессов в сфере СМИ сопровождалась поляризацией в оценках их роли. То обстоятельство, что политическое противостояние в Болгарии приняло обостренную форму, отразилось в свою очередь на отношении социума к СМИ. Как в начале, так и в конце рассматриваемого десятилетия СМИ оказались в центре оживленных политических споров. Превращение СМИ в злободневную тему

для общества способствовало тому, что подлинный вклад медийных средств в процесс трансформации оказался затенен. Если до 1989 г. общественное мнение и менталитет общества формировались вопреки СМИ, чьей основной задачей была пропаганда, то в 90-е годы ситуация резко изменилась, и сегодня СМИ в значительно большей степени способны не только отражать событийный ряд, но и воздействовать на само общество.

Болгарские СМИ стоят перед дилеммой. С одной стороны, они должны преодолеть сложившийся статус-кво, при котором отсутствовала языковая прозрачность, поэтому они стремятся представить реальность такой, какой она действительно является. С другой стороны, существует также стремление медийных средств показать скорее некую воображаемую реальность, которая часто резко не совпадает с действительностью. Обычно обе означенные тенденции находят отражение в работе того же СМИ. Напряжение между этими двумя модусами представлений действительности неизбежно создает коллизии в массовом сознании, когда сенсационность и объективность оказываются в конфликте (1, с.15).

В начале перестроечных процессов массмедиа руководствовались сложившейся политической традицией, выработанной в силу длительного господства партийной прессы. Однако спустя десять лет они все более настойчиво демонстрируют близость гражданским структурам, что, тем не менее, не означает оформление эффективного гражданского общества в Болгарии. По сути, инициативность гражданского общества скорее оказалась перехвачена средствами массовой информации. Они вышли за рамки обычной роли посредника между политиками и гражданами и идентифицируются непосредственно с самими гражданами, претендуя представлять их мнения через свою редакционную политику. В то же самое время представительство интересов населения через демократические органы постоянно находится в кризисе. Другими словами, продукция СМИ подменяет политическую деятельность, медийные средства состязаются с политиками за достижение максимального авторитета в социуме. В Болгарии происходит вторичная политизация СМИ, которая осуществляется в форме усиления критики статус-кво власти. Медийные средства выступают против любой политики — именно так выглядит доминирующий сценарий в конце перестроечного десятилетия (1, с.17). В этом контексте средства массовой информации нельзя рассматривать деполитизированными, хотя они чаще всего представляют себя именно таковыми.

Одна из глав монографии посвящена политической репрезентации. СМИ отражают дебаты в парламенте и возникающие проблемы политической жизни в целом, следуя принципу квази-прозрачности. В 90-е годы публично видимой являлась преимущественно поверхностная, пропагандистская сторона политики: ее сенсационность, манипулятивность, аспекты, касающиеся отдельных персон. Принцип прозрачности или публичности имеет решающее значение в функционировании демократии. Преобладание квазивижимости в публичных действиях власти в переходный период создало соответствующее некритичное, инертное и сильно политизированное общественное мнение.

Кризис прозрачности, кризис репрезентации, возникший в переходный период, явился также следствием антиконсенсусных установок. Зачастую идея согласия подвергалась критике как со стороны партий, отдельных политиков и экспертов, так и болгарских СМИ. Можно утверждать, что в период транзита не была создана продуктивная норма разногласий (по методу публичных споров Юргена Хабермаса). В этой связи автор отмечает, что отсутствие консенсусных установок стимулирует принцип закрытости власти.

Если постмодернистский подход был эффективен в дискурсивном противопоставлении эпохе социализма, то в период реформ «он лишает переход перспективы и подрывает у общества чувство уверенности в будущем» (1, с. 22). Постмодернизм играет двойственную роль, противоречивую по сути: с одной стороны, он решительно стимулирует политическое и культурное разнообразие, но, с другой стороны, он оказывается неэффективным для преодоления основных противоречий транзита и часто даже усугубляет их. Основная проблема состоит в том, что, в отличие от других постсоциалистических стран, в Болгарии не происходит процесс модернизации.

Автор полагает, что ситуацию со СМИ можно изменить, если анализировать возникшие проблемы между СМИ и обществом. Сегодня медийные средства считают себя универсальным референтом, дающим ответы на все вопросы и выносящим приговоры. Таким образом, СМИ осваивают роль современного субъекта мифотворчества, все настойчивее пытаясь онтологизировать социальную реальность.

Роль СМИ в событиях, происходивших после 1989 г., по словам автора, достаточно понятна. Но способы их участия в формировании облика переходного процесса требуют анализа, результаты которого повлияют на интерпретацию самого периода перехода.

Политологи Духомир Минев и Петя Кабакчиева выдвинули тезис о том, что наше понимание перехода обусловлено тем, как мы относимся к социализму. Эти авторы критикуют устойчивые стереотипы, особенно интерпретацию перехода как поворота к рыночной экономике и демократии. По их мнению, процесс перехода сопровождается дестратификацией и деиндустриализацией и в целом осуществляется в ущерб населению. Одновременно с этим болгарская элита сконцентрировала в своих руках исключительную власть. Результатом подобных явлений оказывается то, что транзит откладывает на неопределенный срок как становление гражданского общества, так и реальную демократизацию страны (1, с. 28).

Желю Владимиров придерживается похожей точки зрения. По его мнению, социальные изменения в Болгарии не стали результатом движения истории и борьбы за рыночную демократию, а были и остаются навязываемым сверху процессом. Тип перехода он определяет как договорный при доминировании интересов элиты. Все это ведет к дискредитации самой идеи демократии в болгарском обществе.

С точки зрения экономической перспективы, отмечает Румен Авраамов, в период перехода не возникли собственные законы экономического поведения. В целом переходная экономика оставляет широкое поле для действия трудно управляемых, хаотических элементов в экономической жизни.

Румен Даскалов связывает болгарский переход с тенденцией к приобретению черт, характерных для стран третьего мира: резкие социальные контрасты и массовая бедность, обогащение исключительно незаконными способами, безответственность и бесконтрольность власти, ее безнаказанность, политическая и административная коррупция, рост преступности и насилия в обществе.

Понятие «переход», обозначая сложную реальность, имеет выраженную идеологическую окраску. Налицо борьба за смысл этого понятия, когда разные точки зрения и интересы могут создать разные версии сущности процесса перехода. В связи с этим О.Спасов высказывается за дискуссионный критический подход к этому понятию, за демистифицирование идеологического использования термина «переход».

Участие СМИ в процессах трансформации не следует рассматривать как самодостаточное явление или излишне его преувеличивать. Медийные средства не являются изолированными от действия других факторов и могут быть поняты только с учетом взаимосвязи с ними, т.е. в максимально широком контексте. Не обязательно наличие причинно-

следственных связей между процессом перехода и отражением их в СМИ. Однако в отдельных сферах просматриваются взаимозависимости. Автор придерживается точки зрения Ф.Джеймсона о действии СМИ как аналога случившихся событий в данной социальной модели.

Автор выделяет ряд особенностей в развитии болгарских СМИ в 90-е годы. Первой по значимости особенностью О.Спасов считает исчезновение прямого политического контроля. В Болгарии появились независимые СМИ и пресса, ориентированная на разные партии. С появлением частной собственности, кроме гостелерадио начали свою работу негосударственные теле- и радиовещательные корпорации и пресса. Количество СМИ возросло лавинообразно на центральном и местном уровнях. Содержание прессы превратилось в рыночный продукт и стало значительно более разнообразным. Изменились медийные дискурсы, строгий нормативный язык СМИ прежней эпохи был заменен своеобразным профессиональным языком новых СМИ. Массовая культура переживает свой ренессанс. В Болгарии появились кабельные сети, иностранные СМИ и медийные группы. Вместе с этим, отмечает автор, перемены происходят медленно и неявно. Демократизация оказалась сложным процессом, который в конце XX в. оказался все еще не завершенным. Там, где медийные средства оказались в орбите государства, реформирование происходит наиболее медленно, особенно это касается болгарского телевидения, находящегося под полным государственным контролем (отсутствует частное телевидение на национальном уровне). Медленно развивается законодательная база для обеспечения защиты журналистов от явных и завуалированных политических увольнений. Остается далеким от желаемых стандартов доступ к публичным средствам национальных меньшинств и маргинальных групп. В 1995 г. в Болгарии издавалось в 3,4 раза больше ежедневных газет, чем в 1989 г., однако общий тираж этих изданий составил 49,4% от тиража 1989 г. (1, с. 33). Экономическая деятельность в медийной сфере оказалась рискованной. Так, с 1991 по 1993 г. 160 газет прекратили свое существование (1, с. 34).

Важной особенностью рассматриваемого периода является интенсивная вовлеченность СМИ в сферу политики. Значительная часть самых важных и драматических событий десятилетия происходила именно как медийные сюжеты, или же СМИ принимали в них решающее значение. В этом контексте попытки политического вмешательства в работу медийных средств не являются исключением, а, напротив, широко рас-

пространенной практикой. Политическая жизнь внедряется в средства массовой информации, чтобы показать, что массмедиа являются ее частью. Тем не менее, было бы преувеличением сказать, что сверхполитизация лишает СМИ реальных форм самостоятельности. Здесь находят отражение две противоречивые тенденции — прямая политическая ангажированность и стремление к эмансипации. Циклически происходящие кризисы независимости СМИ являются прямым выражением существования трудностей в осуществлении самого политического процесса демократизации.

Ж.Бодриар в 1995 г. в своей книге «Иллюзии конца» прогнозировал трансформацию экономик стран Восточной Европы в постмодернистскую экономику: нереальную, спекулятивную, не содержащую идеи производства или прогресса. По словам Бодриара, свобода в форме демократического представительства, к которой устремились восточно-европейские народы, уже давно агонизирует. Данная интерпретация с трудом воспринимается в самих трансформируемых странах, замечает О.Спасов.

Практика вхождения Болгарии в период постмодерна оказалась крайне трудной. Выяснилось, что экономическое развитие страны совершенно не соответствует постмодернистским стандартам Бодриара. Основной характеристикой перехода оказался затяжной экономический кризис. Вывод автора: прогноз о вступлении в эру постмодерна не срабатывает в болгарском варианте.

В другой части своего прогноза относительно либеральной экономики и прав человека Бодриар оказался прав. Болгарское общество устремилось к постмодернистскому варианту западной демократии. Распространенные в Болгарии идеологические конструкции, такие как «путь в Европу», «интеграция в Европу», «реинтеграция в Европу», являются ясно выраженным стремлением к западным моделям развития. В болгарском обществе сложились в целом положительные установки относительно западных ценностных ориентаций.

Переходный период, согласно О.Спасову, можно охарактеризовать как драматическое напряжение между двумя основными тенденциями: неуспехом экономических реформ и относительно успешным стартом демократических изменений в политической среде. Иными словами процесс трансформации проходит под знаком явного дисбаланса. Если культурные формы постмодерна как современного западного явления напрямую связаны с экономической трансформацией, то болгарский переход отличается распадом

этой зависимости. Его можно описать как постмодернизм без экономической основы, как символический постмодернизм, осуществляющийся преимущественно на уровне политики, культуры и СМИ.

Экономические аспекты переходного процесса в Болгарии отличаются появлением псевдоэкономических субъектов, криминализацией экономики, возникновением теневой экономики. В результате этого подрубается возможность осуществления нормальных рыночных отношений. В данном контексте процесс перехода может быть описан как парадоксальное и странное сочетание между развитыми политическими структурами и неразвитой экономикой. Неуспех рыночных реформ вызывает скепсис в обществе, который переносится и на политическую сферу. Незрелость социальных институтов, олигархическая структура экономики в сочетании с коррупцией сближают болгарскую экономику с латиноамериканским или с южнокорейским экономическим типом развития.

Вразрез с ожиданиями постмодернизм оказался способен развиваться на болгарской почве без экономической основы, считавшейся обязательной. На практике культурная и политическая логики постмодернизма оказались сами по себе хорошим экспортным продуктом. Постмодернистская либеральная демократия и культурная практика становятся, по сути, основным фактором происходящих перемен (1, с. 35). Опыт трансформации в Болгарии, однако, показывает, подчеркивает автор, что политическая либерализация не ведет автоматически к рыночной демократизации.

Если в таких странах, как Польша, Венгрия, бывшая Чехословакия, кризис политического статускво изжил себя еще до начала трансформации, то в Болгарии он произошел только после 1989 г. Накопленное напряжение выразилось в сверхполитизации переходного процесса, в возникновении двухполюсной политической модели. Крайняя политическая конфронтация выдвинулась на первый план и серьезно замедлила экономические реформы в стране.

Восточноевропейский транзит не может быть описан как скачок в истории, замечает О.Спасов, и хотя переход часто называют революцией, он является чем-то иным. Медийные средства стали основными актерами на событийной сцене. В современных условиях само понятие «революция» приобретает новый смысл. Согласно И.Знеполски, разница между классической революцией и медийными революциями состоит в том, что вторые подменяют революционное действие революционной репрезентацией, под-

меняют физическое насилие тиражированием информации о неких повсеместно происходящих переменах. Возникающее при этом чувство нереальности из-за вездесущности СМИ отражается как на общем ходе событий, так и на оценках реальности. В этом смысле показательным является то, что некоторые авторы отказываются интерпретировать реформы как реальные. Например, Д.Минев и П.Кабакчиева определяют переходный процесс как искусственно сконструированный вторичный мир, как грандиозную имитацию действительности, когда в реальности демократические перемены не происходят, а лишь создается видимость таких перемен. Таким образом, повседневные установки болгар оказываются под сильным влиянием медийных подмен действительности. Освобождаясь от реальности, СМИ получают исключительную власть, превращаются в центр происходящих событий и дают мощный импульс политическим процессам. С течением времени революционный импульс трансформируется в перманентный кризис и постепенно полностью исчерпывает себя.

\* \* \*

Главной проблемой развития Болгарии в 2000 г. СМИ называли проблему коррупции.

Болгарские исследователи выделяют семь видов коррупции, влияющих на политический процесс в стране. К ним относится непотизм, т.е. возможность влиятельного политического лица, располагающего публичной властью, оказывать влияние на другие структуры власти. Патронаж, как вид коррупции, превращает частный партийный интерес в государственный приоритет. Нелегитимный лоббизм оказывает влияние на достижение стратегических целей через использование давления. Торговля электоральным или политическим влиянием приводит к монопольному влиянию одного лидера на партийные структуры. Политическая протекция, как еще один вид коррупции, создает своеобразный политический заслон во имя личной корысти и личного интереса публичной фигуры. К коррупционным действиям относятся также легитимизация политических привилегий и обеспечение особого статуса каким-либо персонам ради их участия в политическом процессе. Нерегламентированное политическое финансирование завершает перечень видов коррупции. Перечисленные виды коррупции могут проявляться как независимо друг от друга, так и в разнообразных комбинациях.

А.Русинова-Христова проанализировала публикации в болгарской прессе, связанные с коррупционными скандалами, за которыми стоят политики высшего звена.

Медийные средства отражают борьбу с коррупцией в болгарском обществе. По силе влияния на общественное мнение СМИ порой превосходят официальную власть. Существует ряд способов, с помощью которых массмедийные средства представляют одну и ту же ситуацию по-разному, осуществляя не прямое, а косвенное воздействие на общество через технику подачи информации. Информационное освещение одной темы и исключение другой могут формировать несбалансированное представление о происходящем. Формирование отношения граждан к политической элите связано с эффектом от первого впечатления. Данная техника воздействия обусловлена тем, что у людей наблюдается тенденция прилагать минимальные усилия для обработки информации, особенно политической. Использование когнитивных процедур — эвристик, подающих информацию в сокращенном виде, ведет к искажению объективной информации. Все это позволяет легко манипулировать людьми с помощью способа подачи информации, в том числе касающейся коррупции.

СМИ представляют объяснения и фиксируют само негативное явление, исполняя функции социального контроля. Предполагается при этом, что СМИ защищают закон, а не субъект экономических и политических интересов, однако реальность в странах посттоталитарной демократии несколько иная. Свобода СМИ является крайне ограниченным понятием, учитывая немалое количество информации, к которой невозможен полный доступ, интересы собственников медийных средств и коррупцию среди журналистов. Возникает вопрос: как же в этих условиях СМИ в восточно-европейских странах могут формировать общественное мнение по отношению к коррупции? Ответ увязан со способом, которым массмедиа представляют образ коррумпированного лица в связи с его реакцией относительно личной ответственности по поводу случившегося. Проведенное автором статьи исследование показывает, что коррупционный случай в СМИ оказывается скорее рассказанным, чем детально изученным.

Автор изучила публикации в болгарских газетах за два отдельно взятых года: за 1996 г., когда у власти находилась БСП, и за 2000 г., когда правящее большинство представляло ОДС. Было выяснено, что среди реакций болгарских политиков на обвинения в коррупции преобладает вербальная реакция отрицания факта коррупции. Этот вид объяснения отгеснил такие реакции, как опровержение (форма объяснения,

предполагающая принятие ответственности за разрешение поднятой проблемы) или извинение (форма объяснения, включающая признание факта случившегося, но означающая отказ от ответственности за проблему). Исследование показало, что газета, являющаяся органом политической силы, стоящей у власти, публикует больше статей, посвященных конкретным случаям коррупции, по сравнению с газетой, выражающей позицию оппозиционной политической силы. Эта тенденция наблюдается вне зависимости от поддержки или обвинения в публикуемом материале. Газеты, декларирующие свою независимость, на деле не подтверждают этого. Таким образом, так называемая независимая печать отражает баланс мнений, выражаемых официальной и главной оппозиционной силами.

*Л.М.Светлорусова*

## **ЧЕТЫРЕ РЕФОРМЫ. ОТ КОНЦЕПЦИИ ДО РЕАЛИЗАЦИИ (Реферативный обзор)**

В 1999 г. в Польше была начата серия реформ, направленных на преобразование принципов функционирования государства (реформа территориального деления), а также норм и институтов, относящихся к социальной сфере (реформа систем здравоохранения, социального обеспечения и образования). Эти реформы явились продолжением первого этапа преобразований (1990–1993), затронувших экономическую сферу.

Институт общественных проблем предпринял попытку проанализировать ход второй волны польских реформ, выявить возникающие трудности, установить основные закономерности процесса. Именно этому посвящена публикация, ставшая основой данного реферативного обзора<sup>1</sup>.

В разделе, посвященном реформе местного управления, Ю.Плосконка (один из разработчиков программы реформы местной администрации) отмечает, что реформа призвана решить две основные задачи: введение нового территориального деления Польши и перераспределение в соответствии с ним полномочий административных органов, а также создание институтов гражданского общества в соответствии с положениями Конституции 1997 г., согласно которой введение органов самоуправления на всех уровнях административно-территориального деления страны является одной из приоритетных задач.

---

<sup>1</sup> Четыре реформы. От концепции до реализации. — Варшава, 2000. — 394 с.

Реформа предусматривает введение трех сегментов власти, каждый из которых имеет свою четко очерченную сферу деятельности. При этом центральный административный аппарат — правительство и центральные ведомства отвечают за процесс преобразований и административную деятельность. Децентрализация управления должна привести к тому, что центральный сегмент органов управления сосредоточит свою деятельность на задачах стратегического характера и охране общегосударственных интересов.

Деятельность регионального сегмента предполагает как функционирование института воеводы, возглавляющего правительственную администрацию, так и институт самоуправления воеводства. Возложенные на воеводу задачи носят чисто административный характер и заключаются, главным образом, в контроле за соблюдением законов физическими и юридическими лицами (в том числе органами местного самоуправления) в границах воеводства, а также обеспечением безопасности и общественного порядка.

Главной задачей органов самоуправления воеводства является выработка и осуществление стратегии развития региона.

Местный сегмент власти составляют органы самоуправления повятов и гмин. Именно в ходе реформы было восстановлено самоуправление повятов — некогда существовавших, а позднее упраздненных институтов местного самоуправления. Деятельность местного сегмента власти сосредоточена, главным образом, на сфере социального обслуживания.

Благодаря реформе было достигнуто упорядочение польской администрации на местах. В правовой системе появилось понятие общей административной власти, отвечающей за деятельность государственных структур на определенной территории. Достижение этой цели стало возможным благодаря объединению существовавших до сих пор специализированных административных подразделений под началом органа общей администрации.

Данное упорядочение полномочий органов местного управления в соединении с идеей их последовательной децентрализации стало основой законодательной базы реформы, и хотя в ходе реализации реформы и были внесены некоторые изменения, но суть модели осталась прежней. В частности, из числа полномочий, относящихся к сфере общественных услуг, на органы местного самоуправления возложено 65% полномочий.

Наряду с юридическими проблемами, имеет место явление, которое один из депутатов парламента сравнил с фантомными болями. Пра-

вительственная администрация, как в центре, так и на местах, напоминает пациента, который после ампутации конечности продолжает испытывать в ней болезненные ощущения. Аналогично административные органы после ликвидации их «конечностей» на местах мучают фантомные боли.

Проблемы, связанные с реформой, объективно неизбежны. Ведь в Польше ставится задача достижения децентрализации управления в короткие сроки, тогда как на Западе этот процесс занял от нескольких до полутора десятков лет.

В настоящее время одной из основных задач в данной сфере является совершенствование системы финансирования органов самоуправления. В статье З.Гиловской (профессора Европейского института регионального развития) отмечается, что местное самоуправление в Польше не имеет системы стабильных доходов. Автор подчеркивает, что реформа самоуправления не являлась самоцелью. Ей отводилась роль инструмента, необходимого для проведения преобразований в организации и функционировании государства.

В 1999 г. в Польше была введена в действие новая система территориального деления страны на 16 воеводств и 308 повятов. В соответствии с Конституцией 1997 г. население единиц территориального деления является самоуправляемым сообществом, а значит, новые территориальные единицы получили органы местного самоуправления. Последние рассматриваются как важнейшая предпосылка развития идеи гражданского общества. Децентрализация власти путем развития местного самоуправления в настоящее время является приоритетным организационным заданием в государствах — членах ЕС. Это связано с подписанием в Маастрихте соглашения, предусматривающего обязанность стран — членов ЕС соблюдать принцип субсидиарности государства, а также необходимость усиления влияния граждан на состояние дел в общественной сфере (1, с. 27).

Одной из задач реформы являлось упорядочение общественных доходов и расходов. Однако в сфере финансов не преодолена и по сей день ведомственная неразбериха. В частности, в ведение местного самоуправления перешло большинство лечебных учреждений, что повлекло за собой и ответственность за их материальное состояние. Однако средства на реализацию этих задач выделены не были. Похожая ситуация сложилась и в сфере просвещения, где органы самоуправления, получив в свое ведение проблемы модернизации, эксплуатации, перестройки

школьных зданий, доставки учеников к месту учебы и т.д., не получили соответствующих средств. Подобного рода примеров множество.

В Польше отсутствуют механизмы финансирования политики регионального развития органами местного самоуправления, что в итоге будет препятствовать эффективному использованию средств ЕС этими органами, так как согласно Закону об общественных финансах все поступления на эти цели должны вначале поступать в бюджет государства, из которого потом направляются в органы самоуправления.

Реформа самоуправления в основном ограничилась возложением на новые органы самоуправления обязанностей и ответственности, тогда как децентрализации общественных финансов практически не было предусмотрено (1, с. 38).

Система общественных финансов остается централизованной, тогда как финансирование органов местного самоуправления осуществляется путем прямых трансфертов средств из государственного бюджета. Именно эти средства составляют 95% общей суммы доходов органов самоуправления повятов и около 80% общей суммы доходов органов самоуправления воеводств. В доходах гмин средства из государственного бюджета составляют более 40% (1, с. 38). Эта ситуация должна измениться вследствие передачи органам самоуправления причитающейся им части общественных доходов (в соответствии с Конституцией, органы местного самоуправления имеют право на получение доходов, соответствующих их полномочиям).

Нынешнее состояние общественных финансов в Польше характеризуется высокой степенью централизации, свидетельством чего является воссоздание многих упраздненных в 1991 г. государственных целевых фондов и развитие правительственных (либо квазиправительственных) агентств, имеющих свободный доступ к общественным средствам.

Очевидно, причиной, сдерживающей процесс децентрализации общественных финансов, являются опасения потерять контроль над финансовыми ресурсами, что можно расценивать как проявление недоверия к органам местного самоуправления.

Результаты реформы самоуправления свидетельствуют о наличии серьезных проблем, связанных во многом со слишком поверхностным пониманием термина «децентрализация», а также ограниченным использованием местного самоуправления в процессе децентрализации общественного управления и создания государства, построенного по принципу субсидиарности (1, с. 43).

Реформа самоуправления не взаимодействует с отраслевыми реформами, отсутствует координация между отраслевыми и административными реформами, «ход преобразований свидетельствует о том, что имеет место процесс хаотического дробления, а не планомерной децентрализации общественной власти» (1, с.44).

В статье И.Кораль (обозревателя «Газеты wyborчей») рассматриваются основные принципы реформы системы социального обеспечения. По мнению большинства поляков, отмечается в статье, существовавшая в Польше до реформы система социального обеспечения была несправедливой и не гарантировала материального обеспечения в старости. Размер пенсии лишь незначительно зависел от трудового стажа и уровня заработка, поскольку одна треть пенсии (социальная составляющая) была одинаковой для всех. Все взносы поступали в Общество социального обеспечения — ОСО (польская аббревиатура — ZUS), принципы распределения финансов при этом не были достаточно четкими. Работа по созданию новой пенсионной системы велась всеми польскими правительствами и продолжалась около десяти лет. В итоге была создана трехступенчатая распределительно-накопительная система, отличающаяся от прежней как способом начисления пенсий, так и принципами финансирования.

Первая ступень включает в себя реформированную ОСО. Здесь по-прежнему действует распределительный принцип (пенсионные выплаты финансируются за счет взносов трудящихся), но способы начисления пенсий изменились. Размер пенсии отныне определяется путем деления суммы взносов, накопленных застрахованным лицом, на среднюю продолжительность времени пребывания на пенсии. Стало выгодным работать как можно дольше, так как каждый год, отработанный после выхода на пенсию (для женщин пенсионный возраст составляет 60 лет, для мужчин — 65), обеспечивает ежегодную прибавку к пенсии до 10%.

Вторую ступень составляют пенсионные пособия из Открытого пенсионного фонда. Пенсионные фонды вкладывают страховые взносы пенсионеров в ценные бумаги, что позволяет накапливать капитал на пенсионное обеспечение в старости. Сами фонды не занимаются финансовой деятельностью, перепоручая это Всеобщим пенсионным обществам (ВПО, польская аббревиатура — PTE), частным акционерным компаниям, создаваемым банками и страховыми фирмами. При этом преду-

сма­три­ва­ет­ся ряд ме­ха­низ­мов кон­тро­ля и за­щи­ты средств пен­си­он­ных фон­дов.

Третью ступень составляют добровольные накопления сбережений на пенсионное обеспечение в старости. Существует целый ряд форм накопления сбережений (например, полис страхового общества, возможность участия в пенсионных программах для рабочих и служащих. Последние особенно значимы для пожилых людей, не имеющих шансов участвовать в новой пенсионной системе) (6, с. 89).

В статье профессора С.Голиновской рассматривается процесс внедрения новой системы пенсионного обеспечения. Автор отмечает, что необходимость новой пенсионной реформы была обусловлена недостатками первой реформы пенсионного обеспечения, предпринятой в 1991 г. Предусмотренная этой реформой регулярная индексация пенсий непосильным бременем легла на государственный бюджет, расходы на пенсионное обеспечение увеличились с 8% ВВП в 1990 г. до 15,8% в 1994 г. (2, с. 94).

Проект пенсионной реформы обсуждался в Польше несколько лет. Авторы проекта делали все возможное для принятия основного пакета законов по реформе до истечения срока полномочий парламента и правительства (то есть до конца 1997 г.), что и было достигнуто. После некоторых доработок, осуществленных уже при других правительстве и парламенте, в январе 1999 г. пенсионная реформа начала осуществляться. При этом имело место отступление от многих положений первоначального проекта (в частности, в вопросе о пенсионном возрасте, возможности получения пенсий для работающих пенсионеров и т. д.).

Проведение пенсионной реформы оказалось сложным и дорогостоящим процессом. По сути отсутствовала программа проведения реформы, не был достаточно подготовлен ее главный реализатор – ОСО. Реформа была серьезно осложнена неоправданной политизацией и отсутствием должного контроля. С.Голиновска полагает, что успех реформирования невозможен без повышения уровня профессионализма в руководстве процессом реформирования и без привлечения независимых экспертов.

В статье профессора М.Гуры (руководителя проекта пенсионной реформы) отмечается, что проблема реформирования социальной сферы гораздо сложнее, чем реформирование экономики. Хотя бы потому, что в мире немало успешно функционирующих экономических систем, а эффективно действующих социальных систем не существует. Практически

езде им свойственны недостатки. Поэтому Польша вынуждена искать собственные пути решения социальных проблем.

Новая система пенсионного обеспечения в Польше действует в связи с принципом, согласно которому в момент выхода работника на пенсию ему возвращаются все ранее выплаченные им средства, а также норма прибыли от суммы, которая находилась у него на счете в системе пенсионного обеспечения. Все выплаты пенсионной системы осуществляются за счет ее доходов. Данная система нейтральна. Платательщик взносов, принимая то или иное решение, несет за него полную ответственность.

Реформа пенсионной системы началась раньше других, поскольку она связана с наибольшими затратами для общества и для ее налаживания необходимо довольно много времени. Судить о результатах действия новой системы можно будет в полной мере лишь после смены поколений (3, с. 168).

В статье журналистки Э.Цихорской рассматриваются основные принципы реформы здравоохранения. Автор отмечает, что с 1989 г. все польские правительства говорили о важности реформы здравоохранения. На необходимости реформы настаивали главным образом врачи и младший медицинский персонал, недовольные своим финансовым положением. В рамках движения «Солидарность» действовала профессиональная секция медицинских работников, которая занималась подготовкой реформы, однако к моменту отставки правительства «Солидарности» работа завершена не была. С приходом к власти левого правительства работа над реформой была приостановлена на два года, но под влиянием протестов работников здравоохранения была возобновлена, и в 1997 г. сейм утвердил Закон о всеобщем медицинском страховании с 1999 г. Однако до наступления этой даты власть опять переменялась, и дело реформы оказалось в руках правых сил, которые занялись пересмотром проекта левых с целью приближения его к предшествующему проекту «Солидарности». Реформа готовилась достаточно поспешно, ее цели и задачи мало обсуждались в обществе, а сама реформа стала наименее популярной в стране по сравнению с другими проводимыми преобразованиями.

Согласно условиям реформы бюджетное финансирование было заменено страховым. Но на практике оказалось, что далеко не все граждане могут и желают платить страховые взносы: их, в частности, не платили крестьяне, освобожденные от уплаты подоходного налога, безра-

ботные, потерявшие право на получение пособия. Но государство не могло оставить эти категории граждан без медицинской помощи, поэтому их взносы оплачивались из бюджета. С началом реформы резко возросло число безработных, так как многие граждане, до сего момента работавшие нелегально, зарегистрировались на бирже труда, что давало им право на медицинское обслуживание. Частные предприниматели, располагавшие значительными доходами, платили весьма незначительные взносы, уровень которых определялся размером средней зарплаты, часть государственных предприятий недобросовестно платили взносы за своих сотрудников.

Полученные средства направлялись в 17 больничных касс, в задачу которых входило не финансирование деятельности медицинских учреждений, а предоставляемое медицинское обслуживание. Пациенты, по условиям реформы, получили право выбора медицинских учреждений. Предполагалось, что те из них, которые пользуются большим спросом у населения, должны получать больше денег. Однако на практике оказалось, что такое понятие, как тариф за предоставленную услугу, не выработано, не определены медицинские стандарты, критерии распределения средств больничными кассами оказались весьма нечеткими.

Реформа имела цель повысить эффективность системы здравоохранения, но ее реализация привела к тому, что производители услуг стали стремиться к достижению лишь максимально выгодных для себя действий. Не удалось достичь и повышения доходов работников здравоохранения, а также роста расходов на нужды здравоохранения благодаря страховым взносам (11, с. 176).

В статье журналистки А.Фандреевской-Томчик отмечалось, что, несмотря на все трудности, реформу невозможно повернуть вспять. Следует, однако, найти ответы на ряд вопросов:

- что входит в пакет услуг, оплачиваемый за счет страховых взносов;
- каким оборудованием должны располагать и какие услуги оказывать медицинские учреждения, обслуживающие пациентов по условиям всеобщего медицинского страхования;
- каким образом должны быть приватизированы учреждения здравоохранения;
- какими способами следует осуществлять контроль за системой здравоохранения.

Лишь при условии ответа на эти и ряд других вопросов возможно успешное завершение реформы (10, с. 239).

В статье журналистки А.Пацек рассматриваются основные направления реформы образования. Автор отмечает, что, несмотря на многочисленные попытки начать реформу, ни одно правительство, начиная с 1989 г., не могло этого сделать, и реальные преобразования начались лишь с 1999 г.

Проект реформы охватывал систему образования в целом — ее структуру, программы обучения и воспитания, систему оценок учащихся, сферу управления и контроля за системой образования. Были разработаны и новые принципы оплаты труда учителей, по которым последняя находилась в прямой зависимости от качества труда и квалификации учителя. Реформа предполагала изменение всей структуры образования, создание учебных заведений нового типа.

Однако структурные перемены не являлись главной целью реформы. Ее суть заключалась в изменении методов и программ обучения. Во главу угла ставились задачи, связанные с развитием учащегося. Оценка знаний, по условиям реформы, должна осуществляться прежде не существовавшими органами — окружными избирательными комиссиями. Выпускные экзамены могут при этом рассматриваться как вступительные в высшие учебные заведения. Предполагается и изменение системы финансирования путем введения так называемых образовательных талонов, т.е. средств, выделяемых на каждого учащегося (7, с. 294).

В статье профессора К.Конажевского отмечается, что данная реформа «представляет собой не педагогический, а политический проект. Она не столько пересматривает внутренние функции системы образования и воспитания... сколько изменяет среду, в которой осуществляется процесс просвещения» (5, с. 255).

Прежняя закрытая система была своеобразным продолжением плановой экономики, внедряемая новая открытая система соответствует экономике рыночной. Открытая система предполагает ликвидацию единой, обязательной для всех учебной программы, иными словами, принятие программного плюрализма. Министр народного образования (в момент принятия реформы) М.Хандке в свое время заявлял, что основным недостатком прежней программы является влияние на нее «университетской профессуры, “протаскивающей” элементы своих научных дисциплин в школьные программы... Мы хотим положить этому конец с помощью интегрированного обучения, программных блоков. Ребенку акаде-

мические дисциплины непонятны, они оторваны от реального мира» (5, с. 259). Выступая с лозунгом «Меньше знаний, больше понимания мира», министр М.Хандке, как полагает автор статьи, стал создателем новой педагогической идеологии, предполагающей некий антагонизм между работниками просвещения и представителями университетской науки.

Старая программа действительно не была лишена недостатков, основным из которых была перегруженность сведениями, заимствованными из академических пособий. Эта программа предполагала прежде всего заучивание, пассивное усвоение материала, отказ от сомнений и вопросов.

Новый подход предполагал введение так называемых интегрированных предметов. Причем принцип интеграции не совсем ясен, хотя авторы реформы считают, что особых проблем здесь нет. Так, М.Хандке полагает, что примером именно такого подхода может служить хотя бы выделение темы «дождь», когда последний рассматривается с химической, физической и культурологической точек зрения.

Учителя могут разрабатывать собственные программы при одном условии — они должны быть свободны от энциклопедизма, понимаемого в исключительно отрицательном аспекте, как набора обширных и беспорядочных сведений. В действительности же понятие энциклопедизма значительно шире, оно предполагает, что знания, передаваемые школой молодому поколению, — это не индивидуальные, обыденные знания (пусть даже самые полезные), а знания общественные, апробированные представителями науки, искусства и религии (5, с.262).

Создание открытой системы предполагает децентрализацию полномочий, постепенное ограничение власти правительственных ведомств путем передачи ее на места — воеводам, органам самоуправления. Опыт внедрения этого принципа принес положительные результаты. Однако децентрализация должна иметь свои границы, чтобы не вышло так, что каждая школа «будет нестись по волнам в ином направлении. С этой целью авторы реформы предлагают бросить два якоря: программные основы и независимый экзамен, полный контроль за которым будут осуществлять правительственные органы. К сожалению, оба якоря не до конца надежны» (5, с. 263).

В статье профессора Л.Колярской-Бобиньской (директора Института социальных проблем), обобщающей опыт польских реформ, отмечается, что в Польше имеет место одна любопытная закономерность.

В период пребывания у власти сил «Солидарности», внедряющих рыночные принципы, общественная поддержка рыночной системы снижается. Но с приходом к власти посткоммунистических сил прорыночные настроения усиливаются. Судя по всему, этот процесс имеет мало общего с идейным обликом партий и их программами. И «Солидарность», и социал-демократы выступают в поддержку рыночной экономики и стремятся к достижению одних и тех же целей во внешней политике. Расхождения касаются, прежде всего, отношения к прошлому и к ценностям католицизма.

Правительства, связанные с «Солидарностью» в 1990–1993 гг., осуществляли реформы Л.Бальцеровича, а с конца 90-х годов начали реформирование социальной сферы. Реакция общества и в первом, и во втором случае была аналогичной и выражалась в снижении поддержки рыночных принципов. Очевидно, что реформы, ведущие к ограничению помощи со стороны государства, вызывают негативную реакцию и опасения наименее защищенных слоев населения. На волне нестабильности и растущих опасений побеждают социал-демократы. Со временем ощущение стабильности перерождается в ощущение апатии и застоя, возникает потребность в более динамичном развитии. Социологические исследования показывают рост эгалитаристских настроений в польском обществе, растущее неприятие рыночных принципов. Это происходит на фоне роста числа поляков, считающих, что для успешной карьеры наиболее важны «не формальные связи, а протекция и лишь потом квалификация и образование». Таким образом, «связи» — извращение, типичное для старой системы, — начинают рассматриваться как одна из ключевых предпосылок экономического и общественного преуспевания в условиях новой системы, которая, кстати сказать, должна была стать противоядием против «связей» (4, с.311).

Фактором, работающим против «связей», может стать рост значения образования, квалификации и предприимчивости. Вместе с тем, несмотря на положительное отношение поляков к развитию частного сектора, в конце 90-х годов 73% выражали желание работать на государственных предприятиях, причем число таких респондентов растет (4, с. 312).

Популярность идей социального равенства и государства-опекуна объясняется во многом разочарованием в реалиях капитализма в его польском варианте, несоответствием его тому идеалу, который существовал в сознании многих поляков.

Силы, осуществляющие реформы, утрачивают влияние еще и потому, что неправильно оценивают ситуацию, считая поддержку избирателей одобрением реформ, тогда как общество скорее принимает будущие результаты, к которым данные реформы могут привести. Избиратели в принципе не любят перемен, но могут поддержать их, если последние гарантируют улучшение функционирования той или иной сферы жизни.

Реформы конца 90-х годов проводились на фоне ухудшения материального положения многих поляков, что никак нельзя считать благоприятным фоном. Кроме того, одновременное осуществление четырех глобальных реформ — это трудная задача для правительства любой страны.

В статье профессора Я.Рейковского, посвященной психологическим аспектам реформ, отмечается, что социальные преобразования редко бывают одинаково выгодны для всех заинтересованных сторон. Чаще для одних они означают выгоду, а для других — ущерб. Характер общественной реакции на реформы зависит от того, насколько велика группа потерпевших и какова субъективная оценка понесенного ими ущерба.

Лагерь недовольных объединяет тех, кто не любит перемены, тех, кому они принесли ущерб, тех, чьи надежды не оправдались, тех, кто испытывает трудности, обусловленные ошибками при проведении реформ. Люди устроены так, что недовольство реформами приобретает форму общественных акций, чаще чем удовлетворение их результатами.

По мысли профессора Я.Чапиньского, есть две основные психологические причины недовольства реформами. Одна из них заключается в так называемом «эффекте негативности». Суть последнего заключается в том обстоятельстве, что людям свойственна большая острота реакции в случае потери, чем в случае приобретения. В восприятии людей проигрыш имеет большее значение, чем равный ему выигрыш. Вторая причина состоит в том, что люди (особенно относящиеся к западному типу цивилизации) обнаруживают склонность к тому, чтобы причины неудач усматривать во внешней среде, а причины успехов считать собственной заслугой.

Таким образом, «авторам реформ не следует ожидать проявлений бурной благодарности со стороны общества, в то время как проявления недовольства весьма вероятны» (9, с. 298).

Важно также учитывать, что процесс реформ всегда является дестабилизирующим фактором по отношению к существующей системе. В

стабильных обществах люди воспринимают свое положение как данность, что не исключает ощущения недовольства со стороны некоторых социальных групп. Реформы позволяют усомниться в существующем статускво, открывая дорогу притязаниям недовольных своим положением. Начало реформ означает начало периода социальных волнений. Ситуация усугубляется, если реформами недовольно большинство общества. Авторы реформ рискуют утратить доверие последнего, а значит, и возможность влиять на ситуацию.

Фактор риска при проведении реформ может быть ограничен, если приводится в действие ряд факторов. Первый — это реальные социальные последствия реформ. Если реформы предполагают улучшение положения лишь незначительного числа граждан и ухудшают положение большинства, не следует рассчитывать на поддержку общества, даже если в качестве аргумента в пользу реформ используется тезис об интересах государства.

Второй фактор определяется уровнем подготовки реформ. В случае польских реформ, начатых в конце 90-х годов, этот фактор явно недостаточно учитывался реформаторами.

Третьим фактором, определяющим степень психологического риска реформ, является доверие общества по отношению к реформаторам. Пример реформ, проводимых правительством Т.Мазовецкого, показывает, что даже высокая цена за реформы, которую платит общество, не всегда означает значительное снижение уровня поддержки реформаторов.

### Список литературы

1. Гиловска З. Реформа самоуправления и реформа общественных финансов // Четыре реформы. От концепции до реализации. — Варшава, 2000. — С.25—45.
2. Голиновска С. Процесс внедрения новой системы социального обеспечения // Там же. — С.93—119.
3. Гура М. Замечания по поводу реформы системы пенсионного обеспечения // Там же. — С.153—168.
4. Колярска-Бобиньска Л. Утверждение перемен путем их отрицания // Там же. — С.305—319.
5. Конажевский К. Замечания по поводу реформы системы просвещения // Там же. — С.255—269.
6. Кораль И. Основные принципы // Там же. — С.87—92.

7. Пацерек А. Семь сфер преобразований // Там же. — С.251–255.
8. Плосконка Ю. Основные принципы // Там же. — С.13–25.
9. Рейковский Я. Психологический риск реформ // Там же. — С. 295–305.
10. Фандреевска-Томчик А. О некоторых причинах низкой общественной поддержки реформы системы всеобщего медицинского страхования // Там же. — С.239–251.
11. Цихоцка Э. Основные принципы // Там же. — С.169–177.

*Л.С.Лыкошина*